

Арнаутова Дана

ОБРУЧЕННЫЕ ЛУНОЙ

16+

Дана Арнаутова

Обрученные луной

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42355012

SelfPub; 2020

Аннотация

Она оборотень и наследница клана Рысей, ее договорной брак с воином из клана Черных Волков – дело решенное, осталось лишь выбрать жениха. К одному тянется сердце, обещая счастливую семейную жизнь, второй вызывает лишь злость и презрение. Выбор прост? Но кто-то уже сделал его за Лестану, и теперь она связана с тем, кого ненавидит всей душой. Сможет ли истинная пара, обрученная луной и смертью, пройти путь от ненависти до любви? Это знают только их внутренние звери... Однотомник!

Содержание

Глава 1. Два Волка	4
Глава 2. Два брата	21
Глава 3. Гости и хозяйева	38
Глава. Между Волком и Медведем	56
Глава 5. Чужие разговоры	76
Глава 6. Ночь перед грозой	98
Глава 7. Большая ярмарка	118
Глава 8. Кровь на песке	143
Глава 9. Между лисой и совой	167
Конец ознакомительного фрагмента.	185

Глава 1. Два Волка

У него были синие глаза. Лестана точно знала, что у волчьих оборотней они бывают желтые или карие, редко – серые. Но только не синие! А этот Волк смотрел на нее синими глазами, которых у него быть не могло. Пронзительно, невозможно яркими и столь же невозможно наглыми! Лестана едва не поежилась, но только выпрямилась в седле еще сильнее, задрав подбородок, стиснула поводья и ответила самым надменным взором, на который была способна после пяти суток утомительной дороги.

Хочет поиграть в «отвернись первым»? Что ж, это она тоже умеет! Все равно придется ждать, пока застрявшую повозку не уберут с дороги, чтобы посольство могло спокойно проехать в ворота.

Волк, ничуть не смутившись, продолжал ее разглядывать. Рослый и широкоплечий, с растрепанными черными лохмами, перехваченными сзади в короткий хвост, он показался Лестане выше любого из сопровождающих ее воинов-Рысей. Смоляные пряди густых волос впереди и по бокам были обрезаны неровно, словно кто-то небрежно отхватил их ножом, чтобы не мешали, и загорелое лицо Волка Лестана видела отлично. Широкие брови, придававшие ему диковатый вид, сломанный и не очень ровно сросшийся нос, улыбка... Нет, даже ухмылка!

У ног Волка лежал, запрокинув голову и отливая на солнце ржавым золотом шкуры, матерый олень. Наверное, здесь лес тоже был совсем рядом, как и у Рысей.

– Хорошая добыча, – тихо сказал рядом братец Ивар, и даже вечная насмешница Кайса согласно угукнула.

Лестана и сама оценила размах ветвистой короны рогов – полдюжины отростков, никак не меньше. А еще – одинокую резаную рану на шее. Это значило, что охотник подобрался к оленю достаточно близко, чтобы в несколько прыжков оказаться рядом и, схватившись за тяжелые рога, другой рукой перехватить горло зверя охотничьим ножом.

– Думаешь, он его сам добыл? – отозвалась Лестана, снова смерив взглядом крепкую фигуру Волка, одетого в потертую замшевую куртку, такие же штаны и мягкие охотничьи сапоги. – И сюда дотащил? Даже не запачкался... Интересно, сколько нас еще будут здесь держать?

Волк усмехнулся еще шире и нахальнее, блеснув белоснежными зубами. Махнул рукой подбежавшим подросткам, показав на тушу оленя, что-то сказал. Волчата, открыв небольшую калитку, потащили добычу куда-то за ворота, а он продолжил рассматривать Лестану и ее спутников, ухитряясь ни с кем не встречаться взглядом достаточно долго, чтоб это сошло за вызов.

Лестана раздраженно перекинула назад косу, неизвестно когда успевшую оказаться на груди. И чего этот волчара тащится, словно никогда Рысей не видел?! Или для него де-

вушка в мужской одежде в новинку? Так Волчицы, все это знают, и сами в драке хороши, и делами в стае заправляют не реже мужчин. Лестану отец особенно наставлял, чтобы уважительно вела себя с местными хозяйками. А вот про наглых волчар, словно облизывающих ее взглядом, ни слова сказано не было! И ни один приличный Кот бы себе такого не позволил! Но что ждать от стаи, где даже встретить их, как положено, не смогли?

Словно услышав ее сердитые мысли, Волк с явной ленцой отвел наконец взгляд и соизволил обратить его на злосчастную повозку, из-за которой дюжина Рысей никак не могла проехать в ворота городища. Возле повозки хлопотали возчик и трое стражников, пытаясь приподнять и развернуть, чтобы освободить застрявшее колесо. Лестана велела бы своей охране помочь, но понимала, что толку от этого не будет: еще кому-то в узких воротах к повозке просто не подойти.

Явно понимал это и незнакомый Волк, потому что не стал бестолково хвататься сбоку, а отстранил щуплого возчика, встав на его место как раз возле злополучного камня, заклинившего колесо. Негромко рыкнул что-то стражникам – и те послушно замерли. Еще один рык – и все четверо разом приподняли повозку. Лестана видела, как напряглась обтянутая темной замшей спина, плечи будто развернулись еще сильнее, как только куртка не треснула! Синеглазый Волк потянул тяжелую повозку на себя, приподнимая угол выше, а потом пнул каменюку – и та улетела вдаль, а повозка с хрустом

опустилась обратно на землю.

– Может, и сам дотащил оленя, – так же тихо прокомментировал увиденное Ивар.

Действительно, если на волокуше...

Лестана поймала себя на том, что слишком много внимания уделяет нахальному волчаре, и нахмурилась. Подумаешь, какой-то охотник! Мало ли их среди Черных Волков, славящихся добычливостью?

Возчик, торопливо поблагодарив, кинулся к лошади, стараясь побыстрее выехать из ворот, а Волк небрежно кивнул стражникам и снова привалился к воротному столбу, разглядывая теперь уже точно одну Лестану.

– Прошу прощения за задержку!

В освободившихся воротах показался еще один из хозяев-Волков. Молодой, высокий, отчаянно красивый! Улыбающийся светло и ясно... Такие же черные волосы, как у всех здесь, были тщательно заплетены в короткую косу, перевитую алой лентой – Лестана ее хорошо рассмотрела, когда Волк учтиво поклонился. А еще она увидела тонкую цепь с медальоном поверх светлой шелковой рубашки, начищенные сапоги с окованными носами и каблуками, наборный пояс и штаны из тонкой золотистой замши...

Щеголь был настолько хорош собой, что Лестана вмиг вспомнила о долгой дороге, где даже помыться толком не удавалось. И одежда у нее запылилась так, что позор всему кошачьему роду, и косу давно следовало расчесать и пере-

плести, и...

Глубоко вздохнув и постаравшись выбросить из головы лишние мысли, она склонила голову в ответ, рассудив, что золотой медальон в виде волчьей головы означает то же самое, что у нее самой – медальон с рысью.

– Я Брангард, сын вождя Ингевальда, – подтвердил ее догадку юноша. – Прошу, войдите в наш дом и будьте в нем желанными гостями!

Войти? На миг Лестана задумалась, не следует ли спешиться из уважения к хозяевам, но более сведущий в обычаях Ивар просто тронул повод – и его конь опередил кобылку Лестаны, первым пройдя в ворота. Брангард снова радушно улыбнулся, а от воротного столба донеслось громкое нахальное фыркание.

Проезжая мимо, Лестана скосила глаза на Волка, стоящего так близко, что протяни он руку – и мог бы коснуться ее сапога. Если бы, конечно, она ему это позволила! Не хватало еще всяким тянуть грязные лапы!

На миг показалось, что вот еще немного... Дерзкая ухмылка стала еще насмешливее, и Лестана с трудом удержалась, чтобы не отшатнуться. Да что же это такое?!

Возмущаясь, она невольно втянула воздух, и ее чутья коснулась смесь запахов: хвойная горечь, палая листва, разгоряченное звериное тело и оленья кровь. Лестана сморщила нос, стараясь, чтоб это вышло незаметно. Волки... Впрочем, чего и ждать от простого зверолова?

Брангард тоже посмотрел в ту сторону с каким-то усталым укором.

– Здоров ли отец? – вместо приветствия или выражения почтения бросил ему охотник.

Брови Лестаны сами собой слегка поднялись от изумления. Это он о вожде? Она даже оглянулась, пытаясь еще раз рассмотреть наглеца повнимательнее.

– Отец велел, чтобы ты к нему зашел, как вернешься, – ровно ответил Брангард и отвернулся от верзилы, снова тепло и учтиво улыбнувшись Лестане. – Спокоен ли был ваш путь, госпожа Лестана, дочь Рассимора? Мы рады приветствовать вас и вашу свиту.

– Вполне спокоен, господин Брангард, – учтиво ответила Лестана. – Благодарю за гостеприимство.

Спрашивать, кто стоит у ворот, ей больше не было нужды. Если синеглазый нахал тоже зовет отцом вождя Черных Волков, значит, это Хольм.

Лестана невольно содрогнулась. В памяти всплыли слова отца, когда они последний раз виделись перед отъездом.

«У Ингевальда два сына, – мерно ронял вождь Рысей последние наставления. – Старший – Хольм, от первой жены, умершей родами. И младший – Брангард, от Сигрун, нынешней его пары. Говорят о них всякое, но я хочу, чтобы ты сама увидела обоих глазами сердца, а не только разума. Нам нужен этот союз, очень нужен, и ты это знаешь не хуже меня. Без поддержки Черных Волков нас уже через несколько лет

сомнут Медведи и Росомахи. Будь у Ингевальда хоть одна дочь, я просил бы ее руки для Ивара, пусть он и не прямой наследник, а лишь мой племянник. Однако у Волка – два сына. И ему этот союз тоже нужен. Поэтому выбирай, Лестана, и помни: я доверяю твоему выбору, но домой ты должна вернуться с обручальным браслетом и договором о союзнничестве.

– А вы – Ивар, я полагаю? – обратился Брангард к ее двоюродному брату, безошибочно выбрав его из десятка Рысей-мужчин. – Рад знакомству. Надеюсь, вам у нас понравится.

Пока Ивар отзывался положенными словами учтивости, Брангард одним легким движением взлетел в седло подведенного ему гнедого жеребца и словно слился с ним, явно красуясь и искоса поглядывая на Лестану. От столба снова донеслось фыркание, на этот раз раздраженное.

«Да здесь и думать не о чем, – убежденно сказала себе Лестана. – И выбора-то нет никакого. Не Хольм же! Только не Хольм! Значит Брангард... А вдруг я ему не понравлюсь? Может быть, уже не понравилась. Или у него кто-то есть...»

Она посмотрела на молодого, всего года на два старше нее самой, Волка. Такого красивого, нарядного, любезного... И он может стать ее парой? Неужели Ингевальд согласится на подобный союз? Ведь волчий вождь наверняка знает, что Лестана... дочь вождя Рысей, урожденная рысь по обеим линиям... что она – неполноценный оборотень, за свои девят-

надцать лет ни разу не перекинувшийся в звериную форму! Мать-Рысь прогневалась на нее за что-то!

Если до достижения двадцати лет у Лестаны не получится обернуться, клеймо неполноценной ляжет на нее окончательно. Тогда ей не то что за сына вождя не выйти – даже не всякий оборотень из простых согласится взять ее в жены, рискуя будущим потомством...

«Я не буду думать об этом сейчас, – оборвала себя Лестана, беспомощно и противно холодея изнутри. – Все обойдется! У меня еще больше месяца до двадцатого дня рождения. Я смогу, я справлюсь! И никто не будет фыркать мне вслед, как этот его наглый братец, упаси Мать-Рысь от таких родственников!»

– Надо же, какие разные, – шепнула Кайса, когда Брангард проехал вперед, показывая дорогу. – Леста, а нельзя обоих взять? Одного будешь наряжать и косы ему плести, а на втором – на охоту ездить. Верхом. А что, такой лосяще запросто под седло сгодится.

– Кайса! – прошипел Ивар, а Лестана с трудом удержалась, чтоб не рассмеяться, и на сердце у нее – спасибо умнице-подруге – немного полегчало.

* * *

Поселение Черных Волков ей не понравилось. Настоящим большим городом, как у Медведей, Лис или Волков Серых, его назвать было нельзя, но дело даже не в размере. Арзин, город Рысей, прославился не величиной, а красотой и уме-

лым сочетанием удобства с тщательно сбереженными и прирученными лесами вокруг. Здесь же все было как-то... дико!

Улицы – кривые, пыльные и шумные. Дома стоят вразброс, без всякого плана, зато заборы высокие и крепкие, так что из-за них видны только верхушки крыш да кудрявая тугая зелень деревьев. Некоторые калитки были распахнуты, и Лестана, стараясь вертеть головой как можно незаметнее, видела, что почти в каждом дворе играют дети. Полно их было и на улицах, визжа и азартно щелкая зубами, Волчата гонялись друг за другом, иногда меняя обличье прямо на бегу, дрались, играли в какие-то непонятные игры, стреляли из луков и фехтовали палками... Бешеная стая!

Нет, Рысята тоже не самые кроткие в мире создания, все-таки охота у них в крови, но... Обычай рысей, в человеческом облике или зверином, учит тихо выследить добычу, а потом бесшумной смертью метнуться на нее сверху или из засады. Лестана только вздохнула, когда очередной вопящий клубок выкатился почти под копыта ее кобылки, так что пришлось натянуть повод и сдержать перепуганную лошадь.

Едущий рядом Брангард и ухом не повел, только бросил пару слов – и разновозрастные Волчата прыснули во все стороны, освобождая всадникам улицу и провожая их любопытными взглядами.

Да, здесь все было не таким, как дома... И дворец вождя оказался гораздо меньше, коридоры и комнаты – темнее и теснее, а отделка – гораздо проще. На полу звериные шкуры

вместо ковров, узкие окна похожи на бойницы, а грубая каменная кладка не везде прикрыта хотя бы побелкой, не говоря уж о гобеленах и деревянной обшивке.

– Наш город родился совсем недавно, – сказал сопровождающий их Брангард, видимо, заметив ее взгляды вокруг. – Дворец еще не так богат и красив, как жилища вождей в старых поселениях, но мы верим, что все впереди.

Лестана покраснела: неужели она была настолько невежлива, что позволила заметить пренебрежение?

Как нехорошо вышло.

– Он и сейчас чудесен! – поторопилась она исправить впечатление. – Здесь очень уютно! Столько охотничьих трофеев... А вы любите охоту, господин Брангард?

И снова глупость! Разве может Волк не любить охоту, если это его сущность? Или нет? Ну почему она такая неловкая, а горячая кровь из щек бросилась уже в уши, и они тоже наверняка покраснели! Хорошо, что коридор такой темный...

– Я чаще остаюсь дома, чтобы помочь отцу, – ответил на ее мысли Брангард. – Славный охотник у нас Хольм. Вы его уже видели там, у ворот.

О да, еще как... видела. И предпочла бы на этом знакомство со старшим наследником Волков закончить.

– Вот ваши покои, госпожа, – указал Брангард на грубо отполированную деревянную дверь. – Ваша спутница останется с вами или найти ей другую комнату?

– Нет-нет, Кайса будет жить со мной, – торопливо от-

кликнулась Лестана и шмыгнула в дверь, чувствуя, что если немедленно не снимет опостылевшую дорожную одежду и не вымоется, то взвоят не хуже любой волчицы. – Благодарю, господин Брангард...

– Зовите меня просто по имени, – донеслось из-за двери. – Торжественный ужин в честь вашего прибытия начнется на закате, а пока отдыхайте, госпожа Лестана, я сейчас пришлю служанок. Господин Ивар, прошу следовать за мной...

Шаги Брангарда и остальных Рысей раздалились дальше по коридору, а Лестана со стоном опустилась на широкую низкую кровать, застеленную цветным покрывалом, и огляделась. На полу лежит все тот же вездесущий мех, на этот раз медвежий. Обычного зверя, разумеется, не оборотня. На стенах – ковры из заячьих шкурок, подобранных по цвету в нехитрый узор. Сундук в углу, умывальник... Мать-Рысь, какое же здесь все... дикое!

– Хм, а ничего так, уютненько, – тоже оглядевшись, протянула Кайса, стаскивая сапоги и снимая куртку. – Не замерзнем, пожалуй. Даже зимой.

– Какая зима?! – все-таки взвыла Лестана. – Я уже хочу домой! Кайса, они же варвары! Целый город невоспитанных, диких, нахальных Волков...

Опомнившись, она снизила на последних словах голос, не столько из опаски, что будет услышана, сколько из вежливости. Дочь вождя должна быть учтива всегда и со всеми. Но...

– Это ты про красавчика Брангарда? – лукаво уточнила

Кайса, опускаясь на колено и помогая Лестане снять узкие сапожки. – Не такой уж он и дикий! А вот насколько ручной – надо еще посмотреть. Зато брат у него так и напрашивается на строгий ошейник, верно? И поводок покороче?

– Даже не говори мне о его брате, – мрачно отозвалась Лестана. – Я лучше за медведя-шатуна выйду, чем за этого!

Откинувшись на кучу подушек, она позволила себе полежать, пока более крепкая Кайса распахивала по сундукам содержимое их сумок и отправляла появившихся служанок за горячей водой. Через некоторое время в комнате как по волшебству оказалась деревянная бадья, а в ней – несколько ведер воды, исходящей душистым паром.

– О, можжевелевую хвою заварили, – приняухавшись, одобрила Кайса. – Давай, Леста, полезай скорее. Нам еще волосы тебе сушить и укладывать.

Упрашивать Лестану не пришлось. Скинув все, она опустилась в ароматную воду и блаженно зажмурилась. Это, конечно, не мраморная купальня у них дома, куда горячая и холодная вода течет по трубам, но все равно счастье! Еще бы ноги вытянуть, но не в бадье, увы.

Мгновенно договорившись со служанками, Кайса достала мешочек с ее любимым земляничным мылом и прочими снадобьями, вооружилась шерстяной мочалкой и ковшом... Через час Лестана, оттертая до скрипа, сидела на кровати, вытирая волосы, служанки меняли воду в бадье, а Кайса деловито перебирала привезенные с собой наряды.

– Зеленое или синее, как думаешь? Для красного вроде рановато, слишком уж оно... торжественное, – рассуждала она вслух. – Пир будет вечером, а при свечах синее слишком темное. Леста?

– А? – опомнилась Лестана. – Зеленое, наверное. Или синее...

– Все с тобой ясно, – подытожила Кайса. – Значит, зеленое. Иди сюда, пушистая моя! Хватит мечтать о Брангарде, будем его очаровывать.

– Кайса! – возмутилась Лестана, снова отчаянно покраснев и глянув на служанку, высокую крепкую девушку, что как раз вытирала разлитую вокруг бадьи воду.

Девушка, обычный человек, не оборотень, опустила голову, безуспешно стараясь скрыть улыбку.

– А что, не о Брангарде? – изумилась насмешница Кайса, подступая к Лестане с платьем. – Ну и правильно! Очаруем всех, а потом выберем, кто приглянется. Руки подними!

Еще примерно через час Лестана придирчиво разглядывала себя в небольшом зеркале, которое двигала перед ней Кайса. Она и без того прекрасно знала, как выглядит в этом платье, как и в любом другом из своих нарядов, но сегодня... Сегодня ей нужно быть безупречной! На ужине в честь посольства наверняка будут самые знатные Волки и Волчицы, не дай Мать-Рысь опозориться!

Она провела ладонями по талии и бедрам. Бархат цвета летней травы послушно облегал каждый изгиб тела, квад-

ратный вырез, отделанный серебряной тесьмой, подчеркивал небольшую высокую грудь, а шнуrowанный корсаж делал Лестану стройнее. Широкая юбка в пол, носки парчовых, тоже серебряных туфель с высокими каблучками чуть выглядывают наружу из-под подола. Рукава расширяются от локтя и фигурно вырезаны, а изнутри подбиты серебряным же кружевом...

Высохшие и тщательно расчесанные волосы Кайса заплетла ей в толстую косу и уложила на затылке в красивый высокий узел, выпустив несколько прядок на виски, чтобы обрамляли лицо. В полумраке комнаты, освещенной парой масляных ламп, лицо Лестаны в зеркале светилось, как жемчуг, и только упрямо сжатый рот портил впечатление нежности. Но все остальное – хорошо. Неужели ему не понравится? Ему?

Лестана подошла к оставшемуся ведру и решительно плеснула в лицо чистой холодной водой. Хватит уже краснеть! Не лицо, а спелая земляника...

– С ума сошла! – возмутилась Кайса. – Платье забрызгаешь.

Сама она быстро ополоснулась и переоделась так стремительно, что Лестана невольно позавидовала проворству. Кайса-Молния, так ее звали дома молодые Коты, желая угодить. Кайса на столь грубую лесть неизменно отвечала язвительными насмешками. Как хорошо, что она рядом! Будет не так страшно на ужине.

В дверь постучали. Служанки уже ушли, в комнате оста-

лись только Лестана с Кайсой, и обе вскинулись, переглянувшись. До заката еще час, не меньше.

«А Брангард просил звать себя только по имени, – нехстати подумалось Лестане, и она с трудом отогнала от себя образ красавца-Волка. – Да кто же там?»

За дверью обнаружилась очередная служанка. Поклонившись, она бойко глянула на девушек и повернулась к Лестане.

– Светлая госпожа Рысь, велено вас проводить. Госпожа Сигрун беседовать с вами желает.

Сигрун? Жена вождя? Сердце в груди Лестаны на миг притихло, а потом стукнуло громче, еще и еще, заколотилось пойманной птицей. Началось! Вот оно, настоящее испытание! Старшая Волчица хочет поговорить с ней до ужина, на котором, конечно, будут ее сын и пасынок. Желает присмотреться к возможной невестке? Не обязательно – будущей, а только возможной. Что бы ни говорил отец, Рысям этот союз нужен больше, и сами Волки это прекрасно понимают.

Лестана беспомощно оглянулась на Кайсу, замершую с зеркалом в руках. Нет, брать с собой подругу нельзя. Она не маленькая девочка, боящаяся оказаться с незнакомцами один на один, а дочь вождя! Истинная Рысь, что бы ни говорили злые языки! Подруг, даже самых близких, на такие переговоры не берут. Но, возможно...

– А мой брат? – спросила она служанку, цепляясь за последнюю призрачную надежду на помощь в переговорах.

Ивар – племянник вождя и второй в посольстве после нее. Ему-то – можно, наверное?

– Велено только вас привести, госпожа, – покачала головой служанка. – Вы готовы или мне обождать?

– Я готова, – благосклонно улыбнулась Лестана одними губами. – Идем. Кайса, встретимся или здесь, или на ужине, – метнула она на подругу быстрый взгляд.

Та молча кивнула, тоже все понимая, конечно.

Дверь за вышедшей из комнаты Лестаной закрылась, и, несмотря на лампу в руках служанки, коридор Волчьего дворца показался темным и страшным, словно в сказках, которые Лестана слышала в детстве. Как же здесь... неприветливо. Но ей нечего бояться, верно? Она наследница Рысей. Самая завидная невеста могущественного клана, и еще несколько недель даже за спиной никто не имеет права называть ее неполноценной! Ее ждет супружество с достойным женихом, конечно же, это будет Брангард! И дальше – счастье! Обязательно...

Лестана почти уговорила себя, и этого спокойствия хватило на всю дорогу по извилистым темным коридорам до комнаты старшей Волчицы, оказавшейся чуть ли не на другом конце дворца. Служанка вела ее какими-то тихими переходами, только иногда они проходили мимо ярко освещенных залов, откуда слышались голоса.

И все было хорошо, пока они не свернули в очередной коридор, в конце которого, залитая светом из висящей на сте-

не лампы, показалась дверь. Почему-то Лестана сразу поняла, что именно сюда они и пришли. Страх отступил куда-то в глубину души, свернулся там маленьким когтистым зверьком, изредка легонько царапаясь... Лестана глубоко вздохнула – и чуть не отпрыгнула, когда из темной ниши рядом с дверью к ним шагнул высокий силуэт. Недобро блеснули темным янтарем глаза, и Лестана несколько мгновений не могла узнать их обладателя, а потом невольно поразилась – куда исчезла так запомнившаяся ей синева? И почему?

– Доброго вечера, госпожа Лестана, дочь Рассимора, – ухмыльнулся Хольм такой же незнакомой улыбкой, уже не нахально-оценивающей, а откровенно злой. – Увидимся на ужине.

И ушел, бесшумно скользнув в темноту коридора. А Лестана, растерянно и испуганно проводив его взглядом, повернулась к двери и беззвучно взмолилась Матери-Рыси, прося у нее смелости.

Глава 2. Два брата

– Проходи, милая, – позвала немолодая, но статная и все еще красивая женщина в темно-красном парчовом платье, и Лестана, которая замерла на пороге, сделала шаг вперед.

Голос у старшей Волчицы тоже был хорош: низкий, грудной, мягкий... Почти сладкий. Да только Лестана, как всякая Рысь, отлично знала, что от ласкового мурлыканья до выпущенных когтей – миг.

– Здравствуйте, госпожа, – поклонилась она почтительно, но не слишком низко, остановившись на той едва уловимой границе, где уважение к старшей и хозяйке дома превращается в унижительное смирение.

Нет, этого не будет. Она хоть и молода, но равна Сигрун по положению. Да, Сигрун – жена вождя и мать возможного наследника, зато Лестана – сама наследница своего клана! Только лучше бы дело не дошло до выяснения, у кого зубы острее и когти длиннее, если уж им предстоит породниться.

– Ближе, девочка, – так же мягко сказала Сигрун, и в ее голосе проскользнули вкрадчиво-довольные нотки. – Дай на тебя взглянуть. Служанки мне все уши прожужжали, какая красавица пожаловала в наш скромный дом.

В уши и щеке Лестане бросилась краска. То-то местные девицы, таскавшие воду, так беззастенчиво ее разглядывали, пока Лестана плескалась в бадье. Наверное, все успели рас-

смотреть и доложить. Ну и пусть, ей нечего скрывать. Никаких тайных пороков и недостатков... Правда, и редкостной красавицей она себя никогда не считала. Слишком бледная, даже блеклая по сравнению с большинством рыжих и золотисто-русых Рысей. Глаза почти бесцветные... А на черно-волосых и яркоглазых Волков тем более ни капли не похожа.

Она вдруг словно увидела себя чужим взором, пристальным, холодно и придиричиво оценивающим. Но вместо того, чтобы окончательно смутиться, только выпрямилась еще сильнее, вытянувшись в струнку и ответив Волчице прямым взглядом. А потом, заметив насмешливую искру в золотисто-карих глазах, уронила:

– Вам виднее, госпожа, не мне судить о собственной красоте. Притом, отец и мать учили меня, что есть вещи гораздо важнее.

Волчица немного наклонилась вперед, и отблески очага, горящего в углу, несмотря на теплый вечер, легли золотистой вуалью на ее смуглое лицо.

– И то верно, – согласилась она с той же мягкой усмешкой. – Твои родители мудры... Но все же подойди.

Лестана, словно замороженная, сделала шаг вперед, еще один. Небольшая комната, обставленная слишком просто для жены вождя, вдруг показалась тесной, жаркой и душной. Наверное, это огонь виноват. Здесь даже топят как-то иначе, пламя не ласковое и уютное, как дома, а похожее на жадные взгляды Волков – того и гляди, обожжет.

Она остановилась в трех шагах от Сигрун, твердо решив, что ближе не подойдет. Но Волчица благосклонно кивнула, глядя в ее лицо, а потом негромко сказала:

– Я слышала о тебе много хорошего, дочь Рассимора. Нечасто наследницей такого древнего клана становится дева.

– Мать-Рысь не одарила моих родителей сыновьями, – сдержанно ответила Лестана, прекрасно понимая, что собеседнице это известно.

Но таковы уж игры вождей: иной раз то, как говорят, гораздо важнее того, о чем говорят. Вот и Волчица снова легонько кивнула, соглашаясь, а потом заметила:

– Но у старшей сестры твоего отца есть сын, продолжатель вашего рода. Очень достойный юноша, как мне сказали. Не правильнее ли было отдать медальон наследника ему?

– Я не указываю своему отцу, что ему делать, – холодно ответила Лестана. – Если он сочтет нужным отдать клан Ивару, так тому и быть. Но до тех пор я его правая рука, и клан с этим согласен.

«А чужим в наши дела мешаться незачем», – добавила она про себя, и хоть вслух это не прозвучало, но глаза Волчицы понимающе сузились.

– Хорошо сказано, – отозвалась Сигрун и указала на широкую низкую скамью, стоящую у стены. – Присядь, милая, разговор будет непростой.

Лестана послушно опустилась на скамью, застеленную толстым меховым одеялом: все те же заячьи шкурки, из ко-

торых чья-то умелая рука нарезала ровные квадратики, а потом сшила их между собой, подобрав рыжеватые и белые вперемешку. Одеяло спадало со скамьи до самого пола, обычного, деревянного, но каждая дощечка была тщательно отшлифована и натерта воском, так что пол получился гладким, как зеркало. Волчица села в низкое уютное кресло у стола, бережно расправила платье, опять посмотрела на Лестану, вдруг весело сморщив нос и улыбнувшись.

– Ну, не шипи, не шипи... Надо же, с характером. Это хорошо.

И продолжила доверительно, словно давней знакомой, а то и подруге:

– Знаешь, почему я с тобой решила поскорее поговорить? Эти мужчины ничего не понимают. Что твой отец, что мой муженек, дай ему Мать-Волчица хорошей охоты... То ли дело мы, женщины. Скажи, девочка, ты ведь уже видела тех, ради кого приехала?

– Я приехала ради договора о помощи, – осторожно ответила Лестана, старательно не отводя взгляд. – Но... ваших... – Она в последний миг запнулась, вспомнив, что сидящая напротив женщина – мать только одного из сыновей вождя, и исправилась: – Вашего сына я видела. И его брата тоже. Они оба встретили нас у ворот. Кажется, господин Хольм возвращался с охоты.

– Ну конечно, – вздохнула Сигрун, принимая обманчиво заботливый и почти трогательный вид. – Ох уж этот Хольм,

наказание мне с ним. Представляю, что ты подумала о нашей семье, милая, глянув на этого дикаря. И можешь не стараться быть вежливой, у тебя на мордашке все написано.

Лестана возмущенно вздохнула, но промолчала. О чем теперь следовало подумать, так это о том, кто действительно будет решать судьбу ее замужества, вождь Волков или его жена. А еще – как ей жить с такой свекровью? «Впрочем, – с недостойной злорадной радостью решила Лестана, – жить рядом нам как раз и не придется. Брангард уедет со мной. Ведь уедет же? А что мать хочет узнать, с кем свяжет судьбу ее единственный сын, это вполне можно понять. Лишь бы в гости приезжала не слишком часто».

– Как скажете, госпожа Сигрун, – склонила она голову, стараясь быть вежливой. – Но разве я могла подумать о вас плохо? Просто господа Брангард и Хольм... Они действительно очень... разные.

– О да, – откликнулась Сигрун. – Разные, как лесной пожар и вот этот очаг, милая. Вроде бы и там, и там огонь, но один согреет, защитит от зимней стужи и голода, а второй может лишь губить все на своем пути. Ты умная девочка, Лестана, дочь Рассимора, и потому я больше не буду путать следы, а скажу все прямо.

Она помолчала, глянула мимо насторожившейся Лестаны в тот самый очаг, а потом продолжила, роняя каждое слово тяжело и увесисто, словно золотую монету:

– Ты, конечно, знаешь, что Хольм мне не родной. Но он

старший, и многие желают видеть наследником именно его. Твой отец мудр, если не испугался, что ты девушка, а выбрал наследника по уму и старанию. Увы, мой муж, благослови его Мать-Волчица, не видит в своем первенце ничего дурного. Хольм зол и дерзок, он дикарь, не признающий обычаев и власти старших. Его истинный зверь не поддается обузданию, и моему пасынку приходится прятать его в лесах, утоляя жажду крови охотой. Спросишь, почему же Волки желают его в будущие вожаки?

– Думаю, вы сами мне об этом скажете, госпожа, – еще осторожнее отозвалась Лестана, сцепив на коленях похолодевшие пальцы.

О нет, Сигрун не стала ей нравиться больше, и в ее искренность Лестана не особо верила, слишком уж черными красками Волчица рисовала нелюбимого пасынка. Но на пустом месте такое не сочинишь, да и Хольм, как показалось Лестане, был именно таким, как говорила его мачеха. И это... пугало.

– Мы, Волки, ценим силу, – откровенно сказала Сигрун. – У нас до сих пор любой воин может бросить вызов вождю, и если тот проиграет поединок, в круг должен выйти его наследник. Если потерпит поражение и он, власть над кланом перейдет к победителю. Мой муж уже немолод. Волки чтут его, но рано или поздно найдется дерзкий юнец, что решит стать вожаком по праву меча. И многие думают, что случись такое – он споткнется о Хольма, который удержит клан от

раздоров. Увы, эти многие путают силу и дикость. Брангард – славный воин и охотник, его жене не придется стыдиться слабости мужа, но он старается побеждать не мечом и клыками, а словом. Заботой о делах клана, мудрыми решениями...

– Это достойно вождя, – согласилась Лестана.

«Нелегко, наверное, Брангарду смирять нрав бешеного брата? Тем больше следует его за это уважать», – подумала она.

– Я рада, что ты так умна, девочка, – улыбнулась Сигрун с неожиданной теплотой. – Скажи, мой сын пришелся тебе по сердцу? Я знаю, что вы лишь несколькими словами перемолвились, но мы, Волки, выбираем с первого взгляда. От тебя я этого не жду, Рыси славятся осторожностью и рассудительностью, но... он тебе приглянулся?

– Господин Брангард очень... хорош собой, – с трудом вымолвила Лестана, чувствуя, что щеки все-таки запылали. – Он учтив и любезен...

– Вот и славно, – продолжила улыбаться Волчица. – Я надеюсь, ты полюбишь и его, и наш клан.

– Клан? – в недоумении вскинулась Лестана. – Конечно, я буду очень любить и чтить своих будущих родичей...

– Это хорошо. Потому что наследником моего мужа будет Брангард. – Улыбка Волчицы стала самую малость шире, но зубы вдруг оказались заметнее и блеснули ослепительно-белым. – А будущий предводитель клана не может покинуть

его и уехать в дом своей жены.

– Да, но... – с ужасом выдохнула Лестана, понимая, какая ловушка вдруг разверзлась перед нею. – Мы думали, что он младший, и отец...

– Вождь Рассимор позволил выбирать тебе, милая, не так ли? Я видела его письма к моему мужу. Он верит в твой выбор, и ты вольна его сделать. Твой брак – дело решенное, а вот имя жениха – нет. Хочешь остаться наследницей и будущим вождем Рысей – дело твое. Хольм не послушается отца, он поведет тебя в храм Луны-прародительницы, а потом уедет с тобой. Уверена, дети у вас будут здоровые и крепкие, а какая еще от него может быть польза, мне и придумать трудно. Но договор о поддержке твой отец получит.

Продолжая улыбаться, Сигрун встала из кресла, подошла к Лестане и села рядом, взяв ее за руку. Лестану пронзил мгновенный страх, и только с детства впитанные правила приличия не дали выдернуть ладонь из цепких горячих пальцев, однако она вздрогнула.

– Успокойся, милая, – хмыкнула Сигрун и по-хозяйски погладила ее по волосам. – Это твоя Рысь пугается моей Волчицы. Ничего, они подружатся. Я буду тебе хорошей свекровью, девочка. Дочери у меня нет, и ты ее заменишь. Никому в клане глянуть на тебя косо не позволю, не то что обидеть. Брангард умный и ласковый, он станет чудесным мужем. Поверь, я правильно воспитала сына, он осчастливит любую девушку, если она окажется достойна этого. А власть... Что ж,

Рассимор отдаст наследство твоему брату, а ты когда-нибудь станешь старшей среди Волков, женой вождя и матерью наследников. Это хорошая судьба, девочка. Мы, Волчицы, знаем, как стоять за плечом своего мужа, быть его опорой и голосом мудрости, править его руками и руками наших сыновей и братьев.

– Я... мне надо еще подумать, госпожа, – выдохнула Лестана, сжав пальцы свободной руки так, что ногти вонзились в ладонь. – Я не могу дать ответ сразу! Отец не говорил мне... и...

– Конечно, девочка, подумай.

Сигрун отпустила ее руку и встала, отойдя на шаг – Лестане сразу стало легче дышать.

– Послезавтра начнется большая ярмарка, – сказала она спокойно и благожелательно. – Будут гулянья, охота, развлечения. Ты сможешь увидеть обоих: и Брангарда, и Хольма. Присмотреться, приняться, оценить... И выбрать. Я уверена, ты обязательно выберешь верно. А сейчас иди, милая, тебя ждут к ужину, да и меня тоже.

Кивнув, Лестана тоже встала и, едва удержавшись, чтоб не подобрать подол и не кинуться из комнаты опрометью, заставила себя выйти из комнаты чинно и плавно, как подобает наследнице и невесте. Насмерть перепуганной, растерянной и ничего не понимающей невесте.

* * *

Хольму очень хотелось кого-нибудь загрызть. Сомкнуть

кльки на мягком податливом горле, стиснуть медленно, услышав жалобный хруст, и держать, чувствуя, как горячая соленая кровь течет прямо в рот... Он помотал головой, сбрасывая наваждение, потер ладонями виски. А хорошо бы, да. Бросить все и уйти на пару недель в лес! Бегать в истинном облике, спать на хвойных постелях под елками, ловить, дурачась, толстых вкусных зайцев, а то и посерьезнее кого завалить... У Глубокого Лога кабанье семейство видели. Сейчас бы схлестнуться с матерым секачом в самый раз! Может, хоть это поможет?

– Ты чего?

Брангард как всегда был наблюдателен. И переживал о нем искренне, от этого на душе было еще паршивее – аж выть хотелось. Тоскливо, зло и пронзительно, чтобы всякий услышавший постарался убраться с дороги.

– Понятно, – вздохнул брат, кладя ему руку на плечо. – С матушкой говорил? Ну прости.

– Тебя-то за что? – хмуро спросил Хольм, давя рвущийся рык и желание сбросить непрошеную участливую ладонь.

– Да за все, – снова вздохнул Брангард.

Большой зал постепенно наполнялся Волками, мелькали и многочисленные гости: к Большой осенней ярмарке в город кто только ни приехал. Медведи, Росомахи, Серые братья-Волки и Лисы всех мастей, даже пару Барсуков удалось разглядеть. Но Хольм себя не обманывал, в толпе он искал одну-единственную тонкую фигурку – и не видел. Наверное,

до сих пор с госпожой Сигрун беседует. Называть жену отца матушкой у него за все эти годы так и не повернулся язык. У него, Хольма, мать была одна, и уж она-то не стала бы пристраивать его в чужие руки, словно ненужного щенка.

– Пойдем-ка! – Брат решительно потянул его к их любимому месту, укромной нише между окнами в стороне от стола. – Потолковать надо.

Разговаривать не хотелось. А вот посидеть вдали от остальных и успокоиться – это, пожалуй, хорошая мысль. Брангард прав, как и всегда, осознание этого тоже добавляет горечи. Из брата выйдет отличный вождь! Умный, заботливый к своим людям... Неважно, что Хольма здесь уже не будет, ему есть на кого оставить Волков.

Они нырнули в нишу, полностью прикрытую с боков тяжелыми занавесями, только посередине осталась щель. В детстве, когда им, мелким, еще не положено было есть за взрослым столом, Хольм и Бран частенько здесь прятались и сидели тихо, глядя и слушая. Это было похоже на засаду... Хольму, правда, быстро надоедало, а вот Бран превращался в сплошные глаза и уши и как-то обронил, что из разговоров за медовухой и олениной о делах клана узнаешь больше, чем на любом совете. На советы он, впрочем, тоже пробирался. Истинный вожак с детства. И, значит, все справедливо...

– Думаешь, она выберет меня? – в лоб спросил Брангард.

– А кого еще? – невольно скривил губы в злой улыбке Хольм. – Тут и к ведьме не ходи. Она так на тебя смотрела...

Завороженно, сияющими глазами серебряного цвета, как вода в ручье в жаркий день. Любовалась его, Хольма, младшим братом и разве что не облизывалась, но слишком хорошо для этого воспитана. Не могла позволить себе провести по нежным розовым губам острым влажным язычком... Хольм едва не застонал от разом вспыхнувшего и опалившего изнутри желания. Да что же с ним такое творится! Ему ведь нравятся совсем другие девушки! Горячие, насмешливые, бойкие... И желающих разделить с ним постель хватает, не сказать, чтобы оголодал. Никак не сказать... Но один взгляд в сторону надменной чужачки выбросил из головы все планы на сегодняшнюю ночь. Кроме одного – сойти с ума!

– Ну, погоди еще, – рассудительно отозвался брат, приглядываясь к тому, что происходит в зале. – Она наследница. Может и не захотеть остаться у нас. Ее готовили управлять Рысями, у Рассимора других детей нет. Разве что племянник... Ивар этот.

– А что Ивар? – мрачно спросил Хольм, пытаясь отвлечься.

– Да странно как-то готовить в наследницы девушку, если есть парень. Он вроде бы не дурак. Почему Рассимор не назначил наследником его?

– Не знаю и знать не хочу, – беспомощно огрызнулся Хольм. – Как ты не понимаешь?! Уехать с нею... Кем я там буду? Приблудным волком среди котов? Ты их видел, по-

сольство это? Любого посади на весы, на другую чашу не знаешь, сколько золота насыпать, так они себя ценят. Древний род, гордость предками... Мы для них грязь под лапами – того и гляди, запачкаются.

– Зря ты так, – в который уже раз вздохнул Брангард, вытащил из кармана сухарь и сломал пополам. – На вот, погрызи, а то пока еще на стол накроют. С голодухи на всех кидаешься.

И сам захрустел подрумяненным в печи ржаным ломтем так смачно, что у Хольма заурчало в животе, а рот наполнился слюной. И вправду ведь с утра не жрал! Пока оленя волокли до города, пока здесь... А Брангард как таскал с детства в карманах вкусняшки для старшего, вечно забывающего поесть брата, так и продолжает это делать до сих пор.

В полном молчании они съели каждый свою половину сухаря, и у Хольма немного, самую малость перестали выть на сердце бешеные волки. Не из-за утоленного голода, конечно, а просто накатила тихая и слегка виноватая благодарность к Брангарду. Ну не виноват младший, что госпожа Сигрун без ума от единственного сына настолько, что готова горы свернуть – и выстелить ими дорогу своему дитяtku. Чего уж говорить о нелюбимом пасынке! А ведь он бы никогда не предал Брангарда, всю жизнь прикрывал бы ему спину и слушался, как положено слушаться вожака. Пусть он и сильнее...

Это уже были нехорошие мысли, и Хольм их торопливо отбросил. Драться с братом за первенство в роду? Нет, ни-

когда! Что бы ни говорили молодые дерзкие Волки, которых он, Хольм, водит на охоту...

– Не обижайся на мать, – попросил вдруг Брангард, словно угадав, как и всегда, его мысли. – У нее никого нет, кроме меня и нашего отца. Но его, сам понимаешь, воспитывать и беречь уже поздно, остаюсь я. Что поделать, если она такая? Я ее люблю, но брат у меня тоже один. И я не хочу, чтобы ты наделал глупостей, дуралей мохнатый.

– Не дожدهшься, – усмехнулся Хольм, чувствуя себя неловко от такой откровенности. – Лучше скажи, Лестана, она... тебе нравится?

– Хорошая девочка, – со слишком, пожалуй, старательным безразличием отозвался Брангард. – Красивая, умненькая, учтивая. Славной женой будет, наверное. Хольм, ты чего?

Он внимательно глянул в глаза невольно повернувшемуся к нему Хольму, укоризненно покачал головой.

– Клыки спрячь, дурень. Вон, уже отрастать начали.

– Непр-р-авда, – тихо проговорил Хольм, пытаясь не сорваться на рычание. – Я себя дер-р-ржу! А ты... как ты не видишь?

Он безнадежно махнул рукой, действительно не понимая, почему Брангард так слеп. И глух. И внезапно лишился нюха. Ведь не может он всерьез не замечать, что наследнице Рысей достаточно просто рядом пройти – и кровь в жилах закипает, изнутри поднимается томительный сладкий жар,

а в голове такие мысли... Не может ведь Брангард этого не чувствовать?! А если так... значит, брат ему впервые в жизни лжет? Ох, как не хочется даже думать об этом, но наследница Рысей – прекрасный выбор для будущего вождя Черных Волков. Слишком правильный, чтобы умница Брангард ее упустил.

– Идем, – вскочил он, словно кто-то отпустил тугую натянутую тетиву, и стрела сорвалась в короткий страшный полет. – И пусть она сама выбирает.

– Прямо сейчас? – насмешливо уточнил Брангард, вмиг став чужим и высокомерным. – Дай девушке хоть по сторонам оглядеться. Поесть с дороги, нарядами покрасоваться... Дикий ты, братец. И дурной, как лось в гоне. Не толкай ее на то, о чем сам потом пожалеешь.

– А ты меня не учи! – не выдержал все-таки, сорвался Хольм. – Если она тебе и в самом деле безразлична, уйди с дороги!

– Дурак! – тоже повысил голос Брангард, не забывая, впрочем, поглядывать, чтоб никто не подошел к их убежищу слишком близко. – Ты хоть сам сначала разберись, чего ты хочешь? К Рысям ты ехать не желаешь! Но здесь остаться все равно не выйдет. Да, я люблю мать. Но она тебя со свету сживет, и я это понимаю. Я тебе, дурень, добра желаю. Не хочешь к Рысям, смотри, придется к Медведям ехать. Или вовсе к Барсукам. А дочка у Рассимора слишком хороша, чтобы дураку отдать. И хватит на меня зубы скалить – совсем

в своих лесах одичал! Тоже мне, вожак...

На Хольма словно плеснули ледяной водой – с размаху целую бадью.

Он оскалился на брата? Словно... настоящий неразумный зверь? Он, сын вождя, истинный оборотень, владеющий своим Волком легко и привычно, как частью себя?

Хольм затряс головой, растер ладонями ноющие виски. Что-то и вправду день не задался. Стыдно-то как! Тогда, после встречи с Сигрун, было не стыдно, а сейчас... Брангард ему не враг. Они братья. Любящие друг друга братья, как бы ни пыталась их разделить Сигрун.

– Лучше бы помылся да одежду сменил, – безжалостно добил его Брангард. – За девушкой он ухаживать собрался. Нет, если ты хочешь сбить ее с ног запахом три дня не мытого самца, то все правильно. Она сомлеет, ты ее на плечо – и в логово. Лишь бы девицу не стошнило, она Кошка все-таки, а не Кабаниха.

– Заткнись... – простонал Хольм, изнемогая от стыда. – Я сейчас... вернусь... А если ты... Брангард... Если ты, пока меня не будет...

– Место рядом придержу, тарелку покараулю, девушку – тоже, – насмешливо пообещал скотина-братец. – Отцу скажу, что скоро будешь. И давай уже, начинай думать головой, а не тем, что у тебя под хвостом. Ты ведь умеешь, когда нужно, я знаю.

Он осмотрелся сквозь щель в занавесях и придержал их

для Хольма. Тот вышмыгнул из убежища и пробрался к выходу из зала, коротко взмолившись Матери-Волчице, чтобы не встретить ни Лестану, ни еще кого-нибудь из Рысей. До них ему дела не было, но не хотелось увидеть в надменных взглядах кошаков свое отражение, встрепанное, злое, растерянное.

Волкам, попадавшимся навстречу, он коротко кивал, незнакомцам сдержанно кланялся, сын вождя должен быть учтив. Где-то поблизости мелькнула статная фигура Сигрун в расшитом золотом темном платье – Хольм отвернулся, стиснув зубы, и пообещал себе, что будет с мачехой приветлив ради брата и отца. А Лестану он так и не встретил, и это точно оказалось к лучшему. Хватит того, что она уже видела его перекошенную после разговора с Сигрун рожу. Еще и напугал, наверное, девчонку. Нехорошо, совсем плохо. Прав Брангард – как есть дурак! Но теперь все изменится. Главное – постараться забыть, что Сигрун собирается отправить его к Рысям. Надо поговорить с отцом. Он поймет, что Хольму необходимо остаться дома, просто не может не понять. Ведь так?

Глава 3. Гости и хозяйева

Стоило Лестане покинуть комнату госпожи Сигрун, как в коридоре к ней кинулись две девушки, одна – явная Волчица, про вторую Лестана ничего не поняла, ей было не до того, чтобы разбирать, кто из местных настоящий оборотень, а кто обычный человек под покровительством клана.

– Скорее, госпожа, скорее, – наперебой заговорили девицы. – В большом зале все уже собрались, ждут только вас и госпожу Сигрун!

– А она... – Лестана неуверенно оглянулась на закрытую дверь.

– У нее из комнаты другой ход есть. Только он через кухню, а вас, госпожа, нельзя так вести, – пояснила Волчица.

Лестана понимающе кивнула. Конечно, Сигрун наверняка захочет дать кухаркам и прислуге последние указания... Гостья ей в таком деле помешает, да и неприлично это.

Она шла с девушками по петляющим сумрачным коридорам, слушая веселую, но почтительную болтовню. Девушки рассказывали, как в клане ждали приезда юной госпожи. Ой, а молодой господин в сером плаще – это брат госпожи Рыси? Какой красивый... И обручального браслета нет, значит, никому еще не дал обещание? И остальные мужчины тоже хороши! Высокие, статные, волосы такие...

Тут Волчица умудрилась на ходу мечтательно закатить

глаза, а ее подружка прыснула. Ну да, Волки, как заметила Лестана, предпочитали стричься коротко, самое длинное – по плечи. У Рысей же мужчины отращивали волосы до пояса. Обычай времен древней клановой вражды, когда коса побежденного воина была лучшим трофеем. Сразу видно, что Черные Волки – молодой клан.

Она улыбнулась, отвечая на вопросы. Да, Ивар ее брат, но не родной, а двоюродный. И невесты у него пока нет, он всего год назад призвал внутреннего зверя. Девушки понимающе кивнули: кто же пойдет замуж за оборотня, не доказавшего свою истинность? А Лестану кольнуло привычное уже томительное беспокойство, потянуло где-то внутри гадким страхом – что, если... Отбросив дрянную мысль усилием воли, она продолжила улыбаться и говорить – дочь вождя не должна показывать беспокойство.

– Леста, вот ты где! – выскочила из-за очередного поворота обеспокоенная Кайса. – Твои украшения!

Ох, и правда! Лестана пощупала пустую мочку уха. Серьги, с которыми она никогда не расставалась, подарок Ивара на девятнадцатилетие! Брат ездил за ними к мастерам клана Барсука, и отец отпустил его с неохотой, потому что не имеющий зверя Ивар считался еще подростком. Но все обошлось, брат привез ей чудесный подарок, а вскоре и Мать-Рысь одарила его своей милостью.

– Совсем забыла, – смущенно отозвалась Лестана. – Сняла, когда мылась, вот и...

Она взяла тяжелые серьги с ладони Кайсы, наощупь вдела в ухо одну, потом другую. Серебряные кошачьи мордочки, усыпанные крошечными бриллиантами, привычно закачались в ушах. В глаза мастер вставил яркие изумруды, которыми кошки-сережки хищно смотрели на мир вокруг. Лестане сразу стало спокойнее, словно знакомая и любимая вещь оградила ее, как щит или родное плечо.

Кайса в это время накинула на нее и застегнула сзади цепь с массивным медальоном – знаком наследницы клана.

– Вот теперь совсем другое дело, – сказала удовлетворенно и повернулась к терпеливо ожидающим служанкам. – Ну что, пойдём посмотрим, чем здесь накормят наших маленьких голодных котят? Ух, как мне надоело готовить им в дороге! Вроде бы Рыси, а лопают, как стадо кабанов осенью! Будто им тоже надо в зиму жир нагуливать.

Девчонки хихикнули и согласились, что все мужчины такие, хоть Рыси, хоть Волки – им лишь бы повкуснее и побольше!

Лестана тоже рассеянно улыбнулась, но ее мысли были далеко. Нужно поговорить с Иваром! Лучше бы, конечно, с отцом, но пока гонец домчится до Арзина, пока вернется с ответом... Слишком долго! Решать нужно быстрее. А может, потянуть время? Никто не требует от нее ответа прямо сейчас. Отец думал, что она пробудет здесь не одну неделю, пока окончательно выберет из двух претендентов. Но ему в голову не пришло, что Волки добавят свое условие к договору.

Она встрепелулась и отвлеклась от раздумий, лишь когда впереди показались высокие, распахнутые настежь двухстворчатые двери, за которыми виднелся действительно большой зал. Замедлила шаг, собираясь с духом, глубоко вздохнула. Служанки сказали правду, за длинным столом, протянувшимся от огромного очага к самой двери, уже все расселись, и теперь множество глаз было устремлено на нее и ее спутниц.

Впрочем, служанки и Кайса здесь никому не интересны. Приветливая улыбка далась ей так же легко, как спокойная ровная походка. В который раз Лестана поблагодарила матушку, учившую единственную дочь-наследницу вести себя с достоинством где и когда угодно. И неважно, что сердце внутри трепыхается, как заячий хвост, а в глазах темнеет от напряжения. Лестана шла, слыша едва уловимый стук своих каблучков в разлившейся по залу тишине, и смотрела, как учили, высоко, поверх голов, чтобы любой по ее осанке видел – вот идет дочь великого клана.

– Приветствую драгоценную гостью, – поднялся навстречу ей сидевший во главе стола немолодой Волк. – Прошу разделить с нами пищу и тепло.

Высокий и широкоплечий, он уже поседел и слегка оплыл в поясе, но Лестана теперь видела, в кого пошли статью оба брата. Старший так и вовсе был копией отца, но у Брангарда черты лица смягчились материнской тонкостью.

– Приветствую славного Ингевальда, могучего вождя Чер-

ных Волков, — громко отозвалась она, поймав доброжелательный взгляд темно-карих глаз Волка. — Мой отец Рассимор посылает вашему клану пожелания добра и заверения в дружбе.

Сигрун, сидящая рядом с мужем, улыбнулась Лестане, снова блеснув ярко-белыми крепкими зубами. Улыбка у Волчицы была на диво ласковая, только Лестана едва не запнулась под внимательным взором, следящим за каждым ее движением. Ивара, как и положено, усадили по левую руку от Сигрун, и Лестана впервые пожалела, что у Волков, оказывается, тоже знают этикет. Лучше бы сидеть рядом с братом. Ей, как самой знатной гостье, предназначалось пустовавшее место рядом с хозяином, а дальше...

Щеки Лестаны предательски загорелись — у Брангарда были такие же золотисто-карие глаза, как у его матери, только теплые и ясные. Он встал и вышел из-за короткой скамьи, чтобы пропустить Лестану, и, когда она под взглядами полусотни Волков и их гостей протискивалась между скамьей и столом, чувствуя себя ужасно неуклюжей, Брангард оказался совсем близко.

Их рукава соприкоснулись, когда он сел и повернулся к ней, негромко пожелав доброго вечера. Предательские щеки загорелись еще сильнее, и Лестана только взмолилась про себя Матери-Рыси, чтоб это не оказалось слишком явным. Набрав побольше воздуха, она ответила что-то вежливое, едва слыша себя, и с неимоверным облегчением увидела, что все,

кто наблюдал за ней, вернулись к своим делам, обратив внимание на тарелки и кубки.

Кайсу тем временем усадили по другую руку Брангарда, а последнее место на этом конце стола занял тот, от близости кого Лестане захотелось передернуться и отодвинуться подальше.

Хольм. Такой же мрачный, как недавно в коридоре, но сменивший одежду и пригладивший растрепанные влажные волосы. Сейчас на старшем из братьев была темно-синяя рубашка из тонкого сукна, по воротнику и манжетам расшитая золотом, а смоляные пряди длинных для Волка волос он скрепил золотым узорным кольцом и выглядел вполне прилично. «Для Черного Волка – прилично, – уточнила про себя Лестана, но тут же исправилась, глянув искоса на нарядного Брангарда в светло-голубом шелке, которого не постыдился бы даже щеголь Ивар. – Какие они все-таки разные...»

– Что позволите вам предложить, прекрасная?

Брангард, улыбаясь, слегка склонился к ней и заговорщицким тоном посоветовал:

– Вот этих перепелок с орехами мать готовила сама, попробуйте – не пожалеете. Оленину томили в брусничном соке, а вон те пирожки – с малиной в меду...

Только сейчас Лестана поняла, как она голодна! Кажется, утро с легким завтраком было целую вечность назад, и... ох, нет... желудок подтвердил это недовольным бурчанием. Брангард, ничем не выдав, что услышал такое неприличие,

решительно сообщил:

– Пожалуй, лучше всего понемножку.

И принялся наполнять ее тарелку нежно-золотыми перепелками, кусочками румяной оленины в темно-красном соусе, тушеными овощами и еще чем-то упоительно пахнущим! Лестана, глотая слюну, только радовалась, что никто не обращает на нее внимания. Справа вождь Ингевальд расспрашивал Ивара, чем Рыси торгуют с Северными Лисами, слева, где за Брангардом сидели Кайса и Хольм, было подозрительно тихо. Ну, за любимую подружку можно не бояться, голодной она не останется, даже если дикарь Хольм не умеет ухаживать. Интересно, а олень не тот ли самый? Неужели успели так быстро приготовить? Но спрашивать она точно не станет, не хватало еще, чтобы Брангард решил, будто она интересуется его братом.

Вокруг становилось все шумнее. Гости и хозяйева выходили из-за стола и снова возвращались, кто-то подходил к вождю, служанки о чем-то спрашивали Сигрун, и только слева Лестана почти кожей ощущала мрачную вязкую тишину...

– Я слышал, что вы еще не призвали зверя, прекрасная? – спокойно спросил Брангард, умело разделив крупную жареную рыбину так, что все кости остались на блюде.

– Да, это верно, – настороженно ответила Лестана.

– Тогда вам следует сходить к нашему священному источнику. Вода в нем целебная, а если принести дары, Луна-Породительница непременно одарит вас милостью.

Брангард мягко улыбнулся Лестане.

– Обязательно схожу, – ответила она, вдруг почувствовав, что совершенно сыта.

Вот ни кусочка больше съесть не сможет. И настроение испортилось, хотя еще минуту назад она была счастлива сидеть рядом с красивым любезным Волком, слушать, как он рассказывает про здешний лес... И нужно бы...

Она замялась, не зная, как попросить выпустить ее из-за стола. Потом, тихо уронив извинение, окликнула Кайсу и указала взглядом на выход из зала. Та мгновенно поняла, ловко выбралась сама и помогла выйти Лестане.

– Ну что, младший Волчок тебе милее? – поинтересовалась подруга, стоило им оказаться в коридоре.

После зала, жаркого от множества тел и горячих блюд, здесь царила приятная прохлада, и Лестана вздохнула свободнее.

– Перестань, – попросила она смущенно, прикладывая ладони к пылающим щекам. – Он такой...

– О, еще какой! – подхватила Кайса. – Но знаешь, мне своего соседа стало даже жалко. Он, бедняга, к концу вечера косоглазым станет – так в твою сторону взглядом тянется.

– Соседа? – не сразу поняла Лестана. – Ах, этого?

Она фыркнула, сообразив, что Кайса говорит о Хольме, и решительно заявила: – Ну, это его дело. Пусть хоть наизнанку вывернется! Кайса, а ты знаешь, где здесь...

– Уборная? Знаю, конечно.

Подруга свернула в какой-то узкий проход, и Лестана последовала за ней. Они прошли пару комнат и вдруг вышли в маленький дворик, окруженный стенами, но под открытым небом.

– Снаружи? – ужаснулась Лестана. – Как же они зимой?

– Ну... – протянула Кайса и хихикнула: – Наверное, шерсти много, отморозить ничего не боятся.

– Кайса! – Лестана тоже прыснула.

Ветерок принес ароматы цветов, Лестана различила ночную фиалку, наверное, ее нарочно здесь посадили, чтобы отбить запах. Она нашла взглядом маленькое строение и мужественно зашагала туда, уговаривая себя, что не может все быть совсем плохо. Госпожа Сигрун наверняка строгая хозяйка и грязи не потерпит.

В самом деле, внутри было чисто, и Лестана, быстро сделав дела и поправив платье, выскочила наружу, махнув Кайсе. Та скрылась в уборной, а Лестана отошла подальше, потому что фиалки фиалками, но лето же, тепло...

Ближнюю стену закрывал ветвями огромный старый вяз, и Лестана мечтательно подумала, как было бы славно не возвращаться в шумный жаркий зал, а залезть повыше и, устроившись на удобной широкой ветке, посидеть, полюбоваться звездами... Как дома! Но здесь все чужое, и нужно вести себя, как подобает наследнице клана...

– Так-так, а вот и наша милая кошечка! – раздался вдруг голос, и из высоких кустов вышел, на ходу подтягивая штаны,

ны, незнакомый оборотень.

Резкий запах разгоряченного и явно давно не мытого тела заставил Лестану скривиться. Она чуть не зажала брезгливо нос, возмущившись всем сразу: и обращением, и непристойностью того, что чужак делал в кустах. Уборная же рядом! Но оборотень шагнул вперед, к ней, и Лестана вдруг поняла, что брезгливость – еще не самое плохое чувство. Потому что ей стало страшно. Незнакомец оказался Медведем.

Повидать отца до ужина Хольм не успел. У вождя дел больше, чем на бродячем псе блох, а в последнее время забот еще добавилось. Город растет, каждый год строятся новые кварталы, мастерские, купеческие лавки и склады. То тут, то там вспыхивают ссоры из-за земли и торговли, а для Волков настоящий закон один – слово вождя. Вот и приходится Ингольву успевать повсюду. Снова кольнуло знакомой досадой: рядом с отцом в повседневных делах всегда оказывается Бран. Умный, веселый, умеющий парой слов остудить слишком горячие головы, а где надо – и клыки показать. Это правильно, что отец им гордится, однако для Хольма у него все реже находится доброе слово, зато спрос с него, старшего сына, но не наследника, – с каждым днем строже.

Но разве Хольм виноват, что Мать-Волчица не наделила его таким умом, как Брангарда? На своем месте он хорош! Кто месяц назад с дюжиной дружинников разгромил разбойничью шайку в три раза больше? Душегубы пискнуть

не успели, как Хольм и его Волки разнесли их логово! И леса к закату от города теперь тихи и безопасны...

А кто в прошлом году дал укорот обнаглевшим Медведям? Пусть это и не была настоящая война, но не Брангард, а Хольм повел за собой сотню старшей дружины и отстоял земли Волков, захваченные жадными соседями, а потом еще и прихватил спорную полосу, передвинув границы в пользу своего клана. Даже отец тогда признал, что это был на редкость удачный поход!

Но теперь Волки все чаще договариваются в спорах, пока мечи тоскуют в ножнах, а клыки оскаливаются только в улыбках да на пирах. Отец говорит, что на век Хольма драк еще хватит, на то Мать-Волчица и наделила его горячим нравом, но в мирное время Бран вождю куда полезнее, а Сигрун еще ни разу не упустила случая это подчеркнуть. Ее послушать, так Брангард – воплощение всех добродетелей, а Хольм – бешеный зверь... И ведь слушают! И не объяснишь, что ему самому медальон вожака нужен, как прошлогодний снег! Пусть Брангард будет наследником, но это ведь не значит, что младшему брату нужно отдать все?

Хольм ожесточенно воткнул нож в кусок оленины, так что лезвие царапнуло по блюду, и снова покосился в ту сторону, откуда звучал раздражающе самодовольный голос брата. Гостья говорила совсем редко, а вот пройдоха Бран мурлыкал непрерывно, словно был с ней одного кошачьего племени. Зар-раза сладкоречивая...

Зато вторую девушку из посольства, то ли подругу, то ли служанку, посадили рядом с ним, снова ткнув Хольма носом, что его место — далеко за братцевым хвостом. Рыженькая Рысь оказалась маленькой, едва ли ему по плечо, но бойкой и с насмешливыми карими глазами. По правилам вежливости Хольм должен был за ней ухаживать, и он честно пытался: положил ей на тарелку всего, до чего дотянулся, благо руки длинные, налил светлого сладкого вина, старательно выслушал, как у них здесь интересно... Только вот болтать с девчонкой у него язык не поворачивался, и она, стрельнув на него острым понимающим взглядом, замолчала, уплетая угощение с отменным аппетитом.

А Хольм заставлял себя смотреть куда угодно, только не влево! Но толку от этого не было никакого. Лестана, дочь Рассимора, стояла у него перед внутренним взором так явственно, словно наяву — вот только руку протяни. И даже глаза не надо закрывать, чтобы вспомнить каждую мелочь, врезающуюся в память! Хольм глотнул вина. Не легкого, что налил соседке, а темного крепкого пойла, что по обычаю Волков на пиру подавали только мужчинам. Густая терпкая влага в горло пошла мягко, но в желудке разлилась жидким огнем, и Хольм поспешно закинул следом кусок оленины. Не хватало еще опьянеть... Но как отвлечься? Как выкинуть из головы, что стоит повернуться, и поверх головы сидящей рядом Рыси видно крепкое плечо и улыбающееся лицо Брангарда, а дальше, сразу за ним...

У нее, единственной в зале, светлые волосы. Не белые, как отцовская седина, а именно светлые. Так чистейшая вода в ручье серебрится на солнце ясным днем, снова пришло ему на ум. И опять, как при первой встрече, Хольму немедленно захотелось расплести толстую косу, освободить пряди-струйки, запустить в них руки, глядя и протягивая между пальцами...

Он еще раз глотнул вина, почти не чувствуя жгучего вкуса, и отставил кубок. Голову хотелось держать ясной, чтобы даже тень опьянения не стерла из памяти, как он впервые увидел Лестану, дочь вождя Рысей. Всего-то утром, а будто полжизни прошло!

Там, у ворот, по спутникам девчонки он только мазнул взглядом: в них ничего особенного не было. Волосы мужчин и невысокой скуластой девицы горели обычной рысью рыжиной. Или рысиной? Может, даже, рысячьей – Хольм никогда не задумывался, как оно будет правильно. Рыси и Рыси, обычные чужаки, приехавшие к отцу за помощью, покровительством или союзом. Но девушка, ехавшая впереди маленького отряда, была чем-то особенным.

С первого взгляда Хольм загляделся на стройную, но не хрупкую фигурку. Невысокая и ладная, светловолосая Рысь держалась в седле как влитая. А как возмущенно смотрела на Хольма! Глаза у нее тоже, как и волосы, светились речным серебром, Хольму даже показалось на миг, что он чувствует вкус холодной свежей воды. А потом ветер донес до

него запах юной Рыси, надменно проезжающей через ворота совсем рядом! «Мать-Волчица! – растерянно успел подумать Хольм, прежде чем захлебнуться дивным ароматом. – Так же просто не бывает...»

Она пахла той самой чистой водой, утоляющей жажду не только тела, но и чего-то более глубокого, скрытого внутри каждого мужчины. А еще – зеленым лесным мхом, таким же мягким, как должны быть мягки ее волосы. И ягодами... Словно ела их совсем недавно, и не от этого ли четко очерченные пухлые губки такие розовые? «Земляника, – с удивившим его самого шальным восторгом подумал Хольм. – Она пахнет земляникой, или я не Волк, а мышь лесная. И еще чем-то...»

Сквозь чистые запахи леса, воды и ягод пробивался тончайший сладковатый аромат, коснувшийся чуткого нюха Хольма и вмиг заполнивший для него весь мир. Волк внутри него потянул носом и замер, не в силах оторвать взгляд от посланницы Рысьего вождя, потому что понял – это ее собственный запах. И тут же увидел, как светловолосая и светлоглазая Рысь надменно и сердито сморщила носик, а ее ближайший спутник, рыжий и кареглазый, посмотрел на Хольма с плохо скрываемой неприязнью. Интересно, почему?

Впрочем, до чувств незнакомого Кота Хольму не было никакого дела, он так и продолжал бы жадно впитывать глазами и нюхом облик светленькой Рыси, но появился Брангард – и все испортил!

Для встречи гостей братец постарался! Шелк, золото, замша... Прямо не Волк, а ярмарочный леденец, блестящий и сладкий. Брангард всегда любил принарядиться, и обычно Хольму было все равно. Однако тогда, у клятых ворот, почему-то представилось, как славно было бы извальять младшего в ближайшей луже – вот прямо таким нарядным... И непременно на глазах у хорошенькой Рыси! Чтобы не смотрела на Брангарда, как ребенок на конфету.

Глупость какая... Непонятное раздражение на брата исчезло, смытое мгновенной виной – подобной пакостливости Хольм раньше за собой не замечал. Нет, Брангарда он бы по земле повалял с удовольствием, но как обычно, в честной братской потасовке, ради игры и удовольствия. А сейчас... будь он в волчьем облике – и шерсть бы поднялась на загривке!

Вот тогда Хольм и понял, почему отец велел ему не отлучаться из города надолго. Девушка из небольшого, но старинного и гордого клана, единственная дочь и наследница – даже самому дурному ежику ясно, что в гости к вождю Волков, у которого два сына, она приехала не просто так. Но этот восхищенный взгляд, которым она одарила Брангарда! Ну и зачем им Хольм тогда? Чтобы братец рядом с ним казался еще ярче, словно распутивший хвост фазан?

Стиснув зубы и отбросив занозой засеивший в памяти образ, он не выдержал, все-таки посмотрел налево! Лестану от него полностью закрывал Брангард, но зрение сейчас ничего

не значило. Хольму не нужно было их видеть, чтобы представить, как смешиваются два запаха: знакомый до последних ноток – Брангарда и то дивное благоухание, свежее, сладкое, дурманное, которым его на миг овеяла светлоглазая Рысь – и забрала с собой. Внутренний волк Хольма не только шерсть вздыбил, но и клыки оскалил, пока еще только предупреждая, но низкий рык уже рвался из самого нутра, предупреждая, что будет с тем, кто зашел в чужие владения.

«Ну что со мной творится, а? – безнадежно подумал Хольм – Не может ведь... Да нет, глупости какие! Она – Рысь. Высокомерная, брезгливая и надменная, как все Кошки. И, пожалуй, хорошо, что нежные взгляды она бросает на Брангарда – младший куда больше ей подходит, он тоже умеет пройти по грязи, не запачкав лап. Он умный, красивый, рожденный править... И воин отличный, мне ли не знать, если я сам его учил. Отличная пара для любой девушки. Только не для этой! Никто не имеет права смешивать с ней запах, глядеть так дерзко, прикасаться, быть рядом и звать ее зверя... Никто!»

Есть расхотелось окончательно. Хольм склонил голову над тарелкой, не замечая ничего вокруг, и вскинулся только, когда рыженькая Рысь, сидящая рядом, ловко выскользнула из-за стола. За Брангардом мелькнула зелень платья – Лестана тоже выходила. Чуткий слух Волка уловил девичье шушуканье. Ну, понятно, дело житейское...

Теперь, когда их не разделяла подруга Лестаны, Брангард

кинул на Хольма испытующий взгляд. Наткнулся на его – мрачно-предупреждающий – и досадливо поморщился.

– Не вздумай ничего устроить, – сказал ему почти беззвучно одними губами и так же быстрым взглядом указал на полный зал гостей.

Само собой, перед чужаками нельзя показать даже тени сомнения, что семья вождя не едина! Мог бы и не напоминать... наследничек...

Хольм в ответ раздраженно повел плечом, но больше ничего себе не позволил – и вправду не время. Однако это он понимал рассудком, а внутренний волк бесновался, просясь на волю и требуя догнать Лестану. Он ничего не сделает плохого, просто принюхается поближе! Лизнет нежную белую кожу запястья, почувствовав не только запах, но и вкус, ткнется носом в обтянутые замшевыми штанами колени... Впрочем, нет, сейчас она в платье! И это еще хуже, потому что мягкий бархат облегает ее так, что скулы сводит от желания провести по нему ладонями, чувствуя каждый изгиб стройного тела...

«Хватит! – прикрикнул сам на себя Хольм. – Ты ничего о ней не знаешь! Да, она красотка. И пахнет так, что голову сносит с плеч. И... И она не для тебя. Ее встречал Брангард! И она, только увидев его, расцвела, как весеннее дерево, а на тебя и тогда смотрела, и сейчас продолжает глядеть, как на дохлую жабу. Так что забудь и порадуйся за брата, слышишь?»

Но радоваться его волк не хотел. Он упрямо хотел только одного: прямо сейчас пойти по следу, такому явному и четкому следу дивного аромата. А найдя его источник, собирался пометить и присвоить, чтоб никто другой даже след лапы рядом оставить не посмел. Хотя в человеческом облике, хоть в зверином. Никто другой? Хольм вдруг заметил, что за столом не хватает еще нескольких гостей. Нахмурился, вспоминая, кто где сидел... Тренированная память услужливо подсунула образы, и его волк предупреждающе зарычал.

– Пойду прогуляюсь, – тихо сказал Хольм, вставая из-за стола. – Нет, Бран, я сам. Да успокойся ты, – добавил он, стараясь выглядеть не более мрачным, чем обычно – а то ведь его хорошее настроение насторожит брата еще быстрее, чем злость. – Просто воздухом подышу.

Он спокойно вышел из зала, но, оказавшись в коридоре, добавил шагу, ловя едва уловимую тень запаха Лестаны среди сотен других: знакомых и незнакомых оборотней, слуг людей, вина и еды, горячего масла от светильников... Может быть, он ошибается и готов обляять ветер, словно глупый щенок, но лучше он побудет дураком, чем позволит случиться какой-нибудь гадости!

Глава. Между Волком и Медведем

– Простите, мы не знакомы, – сказала Лестана как можно спокойнее, но едва сдерживаясь, чтобы не кинуться наутек.

Бесполезно – догонит. Будь она в мягких охотничьих ботинках, можно было бы попробовать, но каблуки, длинное платье... А еще – Кайса, что вот-вот выйдет из уборной. Да и вообще, с какой стати убежать от незнакомца, пусть даже и Медведя? Ну и что, если у Рысей с ними давняя вражда, они ведь здесь тоже в гостях, не будет Медведь позориться на чужих землях неподобающим поведением, верно? Или... будет?

Он шагнул к ней еще раз, и Лестана поняла, что парень пьян. Не до такой степени, чтобы плохо стоять на ногах, но в самую опасную меру: когда тело еще слушается, горячая кровь требует охоты или драки, а вот разум... разум уже спит, он ведь у пьяных всегда засыпает первым – так учил ее отец.

– Значит, познакомимся, киска, – белозубо усмехнулся Медведь, медленно, напоказ протягивая к ней огромную ручищу.

Какой же он был здоровенный! Массивный, но не толстый, а весь бугрящийся мускулами. Светлая шелковая рубашка, залитая на груди вином, не скрывала их, а только сильнее подчеркивала, и Лестана показалась себе крошеч-

ной рядом с этим гигантом. Он же выше головы на две! И плечи – как у... у медведя, вот именно! У Лестаны перехватило горло от ужаса, и теперь она даже на помощь не смогла бы позвать! Огромное тело Медведя заслонило спасительный вход во дворец, и теперь уже точно не выйдет ни увернуться, ни убежать...

– Я тебя не обижу, – насмешливо сказал он, жадно шаря по ней наглым взглядом, так что Лестана почти чувствовала мерзкие липкие прикосновения. – Все вы, Кошки, гордые, носы задираете... А прижмешь тебя покрепче, так ласковая станешь, а? Ну, помурлыкай мне, лапочка! Ух, какая ты светленькая, мягонькая...

– Не смей... – все-таки выдавила Лестана, не веря, что это происходит именно с ней. – Я... я дочь Рассимора, наследница Рысей. Тронешь меня...

– И что? – расхохотался вдруг Медведь. – Кошка дурная, ты же сюда приехала замуж выходить, верно? Или ты женихам расскажешь, как в первый же день кинулась на заднем дворе с кем попало зажиматься? Кто тебе поверит, что ты не сама меня сюда позвала? Ну давай, не упрямься! Расцелуй меня хорошенько, обними, а я никому не скажу...

– Отстань от нее! – послышался возмущенный голос Кайсы, и подружка оказалась рядом с Лестаной, пытаясь прикрыть ее собой. – Мы – гости Волков. Да они с тебя шкуру спустят, если в их доме...

Огромная рука Медведя с обманчивой легкостью подня-

лась лишь раз – и Кайса, вскрикнув, отлетела на траву.

– Кайса! – закричала Лестана вдруг пробившимся голо- сом и кинулась к подруге, но Медведь перехватил ее, при- жал к себе, подняв, словно куклу, и прижался мерзким слю- нявым ртом к ее щеке рядом с губами.

Кайса, перевернувшись, вскочила на ноги, одной рукой подбирая подол, а второй сжимая толстый короткий сук.

– Нет! – отчаянно крикнула Лестана, понимая, что храб- рой, но маленькой и тонкой подруге хватит еще одного уда- ра, чтобы... – Беги! Позови...

Вонючая лапища зажала ей рот, Лестана яростно ее уку- сила, забыв про безгливость и исступленно молясь, чтобы вот сейчас, прямо в этот миг суметь призвать зверя. Рысь ее спасла бы! Крепкие клыки, страшные когти – она бы вонзи- ла их все в ненавистного врага, рвала его, кусала, и плевать на безгливость! Вторая рука мяла ей грудь – Лестану никто никогда там не трогал! Стоило подумать, что она останется с Медведем наедине еще хоть несколько мгновений, пока Кай- са не вернется с помощью... Ее чуть не вырвало, желудок сжался и подскочил к самому горлу...

Медведь, что-то рывкнув, убрал руку с ее лица, и Лестана почувствовала во рту соленый вкус чужой крови.

– Вот паскуда... – протянул он нехорошим голосом, не отпуская ее второй рукой, но тут Лестане показалось, что на нее сверху рухнул вихрь.

Тяжелый, плотный, мощный порыв ветра, что вырвал ее

из мерзкого подобия объятий, но не отбросил, а мягко толкнул в сторону, позволив удержаться на ногах. Подскочившая Кайса оттащила ее еще на несколько шагов, обняла... А в нескольких шагах перед ними на траве катался огромный ком, в котором с трудом угадывались очертания двух тел. Вот он распался – противники оказались на ногах.

Один – огромный, страшный, с яростно раскрытым ртом. Он был так жуток, что у Лестаны снова перехватило дыхание, голос пропал, и она стиснула руку Кайсы, не в силах ни бежать, ни кричать.

Второй... Он был немного ниже Медведя и уже в плечах. Зато гораздо быстрее, потому что удары, которыми Медведь осыпал воздух, ни разу не достигли соперника. Тот словно танцевал перед верзилой, легко уклоняясь, а потом ринулся вперед – и оказался прямо перед ним. От удара в челюсть Медведь покачнулся и тут же получил второй – ногой в живот. Согнулся, коротко и хрипло рыкнув, а противник беспощадно добавил ему кулаком по лицу – уже с другой стороны. Снова рыкнув, почти захрипев, Медведь повалился на землю, встал на четвереньки... Лестана услышала хруст, когда тот, второй, пнул Медведя по ребрам. И еще...

– Хватит... – всхлипнула она, испугавшись, что вот сейчас на ее глазах пьяного дурака и мерзавца просто забьют до смерти.

И пусть он заслужил наказание, но не такое же?!

– Пор-рву... – рыкнул ее спаситель жутким голосом, в ко-

тором ничего человеческого не было. – Гор-рло выр-рву... Тварр-р-рь...

– Хватит! – крикнула рядом с ней Кайса, но ее тоже не слышали.

Маленький двор вдруг заполнился шумом голосов, кто-то подскочил, принялся оттаскивать победителя от жертвы, и лишь тогда жуткое чудовище, что избивало поверженного Медведя, остановилось.

– Ну хватит, хватит... – спокойно повторял Брангард, придерживая его за плечи.

Оборотень раздраженно сбросил его руки и сделал шаг в сторону от скорчившегося на траве тела. На миг он замер, не оборачиваясь к ним, но похолодевшая от ужаса Лестана уже знала, чье лицо вот-вот увидит. Черные волосы, связанные в хвост, но растрепавшиеся в драке, синяя рубашка, рост...

Холм все-таки повернулся к ним одним плавным звериным движением, и Лестана съежила, так был страшен старший сын вождя Черных Волков. Горящие жутким желтым огнем глаза, в которых ничего не осталось от прежней сине-вы, искаженное оскаленными зубами лицо... Не лицо – почти морда... Лестана никогда не боялась зверей, ни диких, ни своих собратьев в истинном облике, но этот полузвериный-получеловеческий вид испугал ее до темноты в глазах.

Он был страшнее Медведя! Тот – пьяный, наглый, мерзкий, но при взгляде на него Лестане не хотелось взлететь одним прыжком на вершину вяза и замереть там, вцепившись

в ветку. Сердце ее стучало, вырываясь из груди, руки свело странной судорогой, она замотала головой в ответ на недоуменный взгляд Брангарда и бешеный, все еще звериный – Хольма.

– Госпожа Лестана, с вами все хорошо? – тихонько и очень ласково окликнул ее Брангард.

Несколько подоспевших Волков утащили безжизненно обмякшее тело Медведя, а Лестана, не в силах ни отвернуться, ни продолжать смотреть, пролепетала:

– Д-да... Я только... пусть он не подходит! – прорвались у нее все-таки рыдания. – Пожа-а-алуйста... пусть он...

– Он к вам больше не притронется, не бойтесь, – недоуменно сказал Брангард, но Лестана, помотав головой, кивком указала на Хольма, сгорбившегося, напряженного, хищно блестящего янтарными зрачками.

– Нет! Он... Пусть он уйдет...

Она подняла руку к уху, вдруг почувствовав резкую боль, – сережки не было. Это оказалось последней каплей. Долгий тяжелый день, разговор с Волчицей, потом пир, где все на нее смотрели, потом это... оказаться между Медведем и Волком, стать причиной драки... Они ведь за нее схлестнулись, как дикие звери за добычу! И еще подарок брата...

– Сережку потеряла... – расплакалась Лестана, и тут ее, наконец, обнял подбежавший Ивар, что-то гневно выговаривая Волкам.

Ему рассудительно и деловито отвечал Брангард, Кайса

требовала поскорее увести Лестану в комнату, а ей было все равно, только очень холодно и страшно. Страшно, как никогда в жизни. А память жег бешеный волчий оскал на человеческом лице и такой же жуткий взгляд...

* * *

– Хольм!

Стук в дверь. И снова, уже с раздражением:

– Дапусти меня, дурень!

Судя по голосу, Брангард терял терпение, и Хольм, поморщившись, заставил себя сползти с постели, подойти и откинуть засов на двери. Если младшему брату что-то понадобилось, точно не уйдет, пока не получит желаемое.

– Ну? Чего тебе? – спросил он Брангарда, встав на пороге так, чтобы сразу стало ясно: дальше пройти не получится.

– Дура-а-ак... – приглядевшись к нему, протянул Брангард и вздохнул: – Впрочем, это не новость. Вот скажи, ты зачем этому Медведю челюсть свернул?

– Мало свернул, – буркнул Хольм. – Надо было сломать. И лапы заодно – чтоб не распускал.

– И шею, – подхватил Брангард, – чтоб не крутил головой, высматривая чужих девиц. Хольм, ты совсем сдурел? Он чужак. Если уж тебе так приперло его носом в землю натывать, надо было или на поединок звать, или бить по-тихому. Не у всех на глазах.

– Я же еще и виноват?! – возмутился Хольм. – Он ее напугал! Схватил...

Стоило только вспомнить – и кроваво-алая ярость снова застелила глаза, туманя рассудок. Чужак посмел посягнуть на Лестану! Его, Хольма, избранницу! Неважно, что думают об этом отец, Брангард, Сигрун и все остальные. Лестана будет принадлежать ему. И уж точно никто не посмеет не то что лапы к ней протянуть, а даже словом или взглядом оскорбить...

Он облизнул вмиг пересохшие губы, с пугающей ясностью вдруг поняв – хорошо, что Брангард оказался в том дворике. Иначе Медведь точно не ушел бы оттуда на своих ногах. В лучшем случае – его бы унесли всерьез покалеченным, как, впрочем, и случилось, а в худшем...

– Он ее напугал, – упрямо повторил Хольм, пытаясь скинуть злое наваждение, требующее вонзить клыки в горло обидчика, сломать толстую короткую шею, а потом швырнуть его тушу к ногам той, на которую мерзавец поднял руку. – И чуть не обесчестил! Я видел, как она отбивалась!

Брангард безнадежно махнул рукой.

– А ты напугал еще сильнее, – произнес он с бесконечным терпением. – Хольм, она не Волчица. Она к такому не привыкла, как ты не понимаешь? Вы ее оба напугали, только Медведя этого она больше не увидит, а ты останешься здесь, рядом.

– Я? – изумился Хольм, искренне не понимая, почему в голосе и взгляде брата такое осуждение. – Я ее защитил! А она...

Ярость ушла, схлынула, как волна, сменившись горькой обидой, что комом встала в горле. Он ведь избил Медведя, потому что тот обидел Лестану. Как она могла этого не понять? Любая Волчица на ее месте была бы счастлива, что стала причиной поединка! И гордилась, что обидчик наказан, а победитель ждет ее одобрения и благодарности. Хотя бы ласкового словечка, взгляда...

– Кстати, а где этот? – мрачно спросил он Брангарда, и брат как всегда понял с полуслова.

– Домой уедет. У него вдобавок к челюсти еще и ребра переломаны... Ты же пинаешься, как лось! Несколько дней отлежится, а как на ноги встанет – уберется подальше. Его спутники уже извинились перед отцом, у дочери Рассимора попросят прощения завтра. Нехорошо вышло, Хольм, отец долго ждал разговора с Медведями.

Да, ждал. И Брангард – Хольм знал – тоже много сделал для этого. С Медведями у Черных Волков зыбкий мир, настороженное уважение недавних врагов, которые пощелкали зубами, выдрали друг у друга по клоку шерсти и решили, что драка не принесет выгоды. А вот торговля – вполне. И выходит, что поступок Хольма склонил чашу весов в сторону Рысей, зато Медведям очень не понравится.

– Мне жаль, – еще мрачнее буркнул Хольм и тут же упрямо добавил: – Но этот пень мохнатый сам виноват.

Потому что случись то же самое с другой девушкой – не гостьей, не наследницей вождя, не... Лестаной – и Хольм по-

ступил бы точно так же. Нельзя обижать женщин, а вот набить наглую пьяную морду, распутившую лапы, это святой долг любого мужчины. Ну и удовольствие, чего уж отпираться. Хотя будь Медведь потрезвее и половчее, драка понравилась бы Хольму гораздо больше. Но все равно он был прав!

– Ладно, забудь, – хмыкнул Брангард. – Если все правильно обернуть, Медведи нам еще должны останутся. Девушку ему трогать не стоило. Я с них под это дело еще пару уступок стрясу. На вот, бери!

На ладони, протянутой Брангардом, блеснула искристая звезда. Бело-голубая, рассыпающая крошечные колкие лучики в свете лампы, висящей у двери Хольмовой комнаты. Сережка, мордочка рыси... Та самая, потерянная Лестаной. Хольм про нее забыл, а Брангард – он никогда ничего не забывает!

– Зачем? – зло спросил Хольм, вот теперь чувствуя себя дураком, ведь мог же поискать по запаху. Хоть тот и плохо держится на металле, но аромат Лестаны он бы уловил на чем угодно! – Ты нашел – ты и возвращай.

Брангард закатил глаза, сдавленно помянул Мать-Волчицу и тупой комок шерсти, доставшийся ему в братья неизвестно за что, снова заглянул Хольму в глаза.

– Она еще не спит, – сказал, старательно выговаривая слова, словно и правда разговаривал с полным болваном. – Придешь прямо сейчас, отдашь побрякушку, сделаешь глазки, как у щеночка, мол, не хотел вас испугать, прекрасная!

Хольм, не будь бревном неотесанным! Рыси совсем не такие, как наши девушки, с ними ласково надо, мягкой лапой по шерсти...

— А еще хвостом повилиять и пузо подставить? — понизив голос, прорычал Хольм. — Не много ли чести? Я ни в чем не виноват! Ну, разве в том, что хотел защитить одну красивую высокомерную дуру! Хочешь — сам к ней иди! Только не вздумай меня в это впутать, — поспешно добавил он, зная, что с многоумного Брангарда станется выступить чужим посланником. — Все, отстань, я спать хочу!

Толкнув брата в грудь, так что тот невольно сделал шаг назад, Хольм исхитрился захлопнуть дверь прямо перед его носом. Прислушался, готовый услышать в очередной раз, что он дурак, но в коридоре было тихо. Наверное, Брангард разозлился и ушел. Вот и хорошо! Вот и славно...

Вернувшись к постели, Хольм сел на нее и уставился куда-то ничего не видящими глазами. Перед его внутренним взором стояло искаженное испугом лицо девушки. Светлые глаза, растрепавшиеся прядки серебряных волос... Такая нежная, незащитная... Как он мог ее напугать? Ведь не хотел же! Почему она не поняла? Почему испугалась его, защитника, больше, чем Медведя? Неужели она действительно такова, как он в сердцах бросил Брангарду? Нет, не может быть. И завтра он снова попробует с ней поговорить, только не присваивая чужих заслуг, вроде предложенной братом сережки, а честно, от души. Она должна понять, что Хольм

чувствует. И если их звери потянутся друг к другу, даже гордая Рысь не сможет не признать, что это знак. Обещание того, что им суждено быть вместе.

* * *

Первую чашку горячего травяного отвара с медом Кайса влила в нее почти силой, поднеся к губам и то ласково уговаривая, то сердито называя дурочкой. Лестана выпила, стуча зубами о край, закуталась в теплое одеяло, сдернутое с кровати, и лишь тогда смогла удержать в руках вторую порцию. Пить уже не хотелось, но ледяной озноб не уходил, то и дело прокатываясь по телу мерзкой дрожью. Да что же это с ней такое!

– Ну что ты, солнышко?

Кайса тревожно заглянула ей в лицо, села рядом, обняла за плечи и тихонько спросила:

– Может, все-таки целителя позвать? Раз не помогает...

– П-помогает... – упрямо ответила Лестана, сжимая в ладонях горячую кружку. – Не надо целителя... Слухи пойдут!

И еще какие! Одно дело, когда все видели, что платье на ней не порвано, синяков нет, и вообще она всего лишь испугалась. И совсем другое, если позвать лекаря. Тут все мигом задумаются, что ей такого сделал Медведь. И напридумывают столько, что оправдываться потом будет бесполезно. Не поможет даже то, что Лестана все время была с подругой, ведь понятно, что та всеми силами будет ее выгораживать.

– Это да, – вздохнула Кайса, тоже наверняка подумав о

том же самом. – Ничего, сейчас еще попьешь и согреешься. А нашим драгоценным хозяевам-Волкам я завтра много чего интересного скажу!

Глаза у Кайсы сердито сверкали, и будь подруга в истинном облике, сейчас топорщила бы каждую шерстинку, а кисточки на ушах распушились бы. Лестана невольно улыбнулась, представив, как маленькая Кайса, задрав голову, отчитывает здоровенных Волков, и поверила, что тем в самом деле достанется. Кайса, она такая, умеет насыпать колючек под хвост.

– Не надо, – тихо попросила она. – Они не виноваты. Везде может найтись мерзавец.

– Следить надо за такими чудищами, – хмуро сказала Кайса, – Ладно, что все обошлось. Если бы не твой Волчок...

– Он не мой! – вскинулась Лестана, едва сообразив, о ком говорит подруга. – С чего ты взяла?

– Ну не твой, так не твой, – погладила ее Кайса по голове, как ребенка. – Леста, милая, а если бы он хоть на несколько минут опоздал? Другие-то прибежали уже на шум. И если бы отбивать тебя не кинулся...

– Не напоминай, – поежилась Лестана.

Да, нехорошо вышло. Хольма она обидела зря. И с чего так испугалась? Ну, оборотень. Ну, увидела она его на половине превращения. Дома сколько раз это видела – и даже не думала пугаться. Правда, только у отца, матушки и Ивара. Да еще у Кайсы, но это не в счет: Кайса в зверином об-

лике невозможно хорошенькая, ее не бояться хочется, а за-
тискать. Может, все дело в том, что к Волкам она просто не
привыкла? Или в ярости, что звучала в голосе Хольма? Она
ведь и правда поверила, что Волк убьет ее обидчика. Загры-
зет прямо там. И загрыз бы, не вмешайся Брангард!

О, теперь она понимала Сигрун, которая называла пасын-
ка чудовищем. Еще немного – и Хольм точно превратился
бы окончательно, а это значит, что не он владеет истинным
обликом своего зверя, а зверь – им. Как только у Брангар-
да хватило храбрости его оттащить! Ведь зверь забывает
почти все, что связывает его с человеческим миром, только
опытные и хорошо владеющие собой оборотни по ту сторо-
ну превращения помнят, кто они, узнают родных и друзей.
А уж в ярости...

Она опять поежилась, отпила уже остывающего отвара, и
тут в дверь постучали.

– Надеюсь, это кто-то из хозяев, – хищно прищурилась
Кайса. – У меня как раз подходящее настроение!

Но в дверь заглянул Ивар, а потом и вошел, тревожно гля-
дя на Лестану.

– Как ты, сестренка?

Он присел на край кровати с другой стороны, погладил
Лестану по плечу, и она почувствовала, что окружена теплом
со всех сторон.

– Я говорил с вождем, – сказал Ивар. – Он принес извине-
ния. И Медведи тоже просили передать, что сожалеют. Это

младший племянник их вождя, он впервые выехал за пределы земель клана. Выпил лишнего, потерял голову от твоей красоты...

– Лучше бы он кое-что другое потерял, – сердито вставила Кайса, забирая у Лестаны опустевшую чашку. – Или вообще дома оставил. Может, тогда головой думал бы, а не этим кое-чем. Надеюсь, он уедет, как только сможет?

– Уедет, – кивнул Ивар и добавил чуть изменившимся тоном: – Леста, но тебе тоже нужно быть осторожнее. По твоему поведению судят обо всех Рысях.

– Что?

Сначала она не поверила своим ушам: как Ивар вообще мог сказать подобное? Потом едва не разозлилась, но на злость сил уже не было, да и две чашки успокаивающего отвара сделали свое дело, Лестана смогла только изумленно выдохнуть:

– Это я, по-твоему, виновата?

– Ивар, да ты рехнулся! – рявкнула Кайса, уперев руки в бока и зло на него уставившись. – С дуба головой недавно не падал? А похоже! Нам что, до уборной надо было идти с охраной? Мы в гостях или где? Как у тебя язык поворачивается упрекать Лестану? Она этого Медведя в глаза не видела, пока он откуда-то не вылез! Думай, что говоришь! А то получается, что это не он виноват, а мы?

– Тихо-тихо... – Ивар примиряюще поднял ладонь. – Кайса, не кричи! Ничего такого я сказать не хотел. Леста, про-

сти. Я ведь тоже за тебя испугался. Ну прости, сестренка...

Он погладил ее по голове, заправил прядь расплетенных волос за ухо и растерянно спросил:

– А где сережки? Они тебе разонравились?

– Потеряла одну, – буркнула Кайса, ставя чашку на стол. – Ты же там был, не слышал?

– Я велю поискать, – нахмурился Ивар.

Лестана высвободила руку из одеяла, щелкнула застежкой оставшейся серьги и с грустью посмотрела на кошачью мордочку.

– Потом надену, – сказала она виновато. – Не носить же без пары. А если вторая не найдется, велю из этой кулон сделать. Кайса, возьми.

И пока подруга бережно убирала драгоценную сережку в шкатулку на столе, повернулась к Ивару.

– Поговорить надо, братец.

– Сейчас? – Ивар удивленно приподнял брови и вдруг насторожился: – Леста... что-то случилось? Этот Медведь...

– Дурак! – обиделась Лестана. – Ивар, ты точно с дуба упал и не на лапы приземлился, а головой. Нет, это другое. Кайса, не уходи! – окликнула она собравшуюся оставить их вдвоем подругу. – Мне совет нужен. Очень...

Рассказывать о предложении Сигрун оказалось неожиданно сложно. Лестана даже зажмурилась в самом неприятном месте, когда объясняла, что выбора Волчица ей на самом деле не дала. Не может она всерьез предложить Лестане выйти

за Хольма! Но и остаться у Волков женой Брангарда – это тоже не выход.

– Вот сука хитрая! – со злым одобрением отозвалась Кайса. – Все продумала! Леста, милая, успокойся. Вывернемся как-нибудь!

Ивар молчал, и, глядя на его хмурое озабоченное лицо, Лестана покачала головой.

– Что тут придумаешь, Кайса? – с тихим отчаянием спросила она. – Лучше в омут с камнем на шее, чем замуж за Хольма. Он... я его боюсь, понимаешь? Он только глянет – у меня мурашки бегут и уши прижимаются! Он... зверь!

– Так мы все звери, – рассудительно сказала Кайса. – Подумаешь! Ну ладно-ладно, успокойся, лапочка. За Хольма ты не хочешь, я поняла. А за Брангарда?

Лестана сцепила перед собой согревшиеся наконец-то ладони и кивнула.

– За него – да! – выдохнула она, умоляюще посмотрев на Кайсу, но подруга, уяснив, что дело серьезно, даже не думала насмешничать.

– Но не оставаться же тебе здесь, – протянула она задумчиво. – Слишком жирно этим Волкам будет. Ивар, а ты что молчишь? Кто у нас тут советник Лестаны?!

– Я думаю, – огрызнулся Ивар и устало потер пальцами виски. – Леста, как полагаешь, она не изменит своего мнения?

Лестана обреченно покачала головой.

– Может, посватать Волкам другую невесту? – неуверенно предложил он. – Дочь кого-нибудь из советников отца... Да нет, теперь это покажется оскорблением. Раньше надо было, но кто знал?

– Раньше условия были другие, – измученно сказала Лестана, в самом деле не видя никакого выхода. – Волки обещали отдать сына вождя нам. Только я видела те письма, там так все составлено, что не подкопаться. Это Сигрун, поклясться могу! А если отказаться, они... просто не подпишут договор. Я не могу вернуться без договора! Этот союз нам гораздо нужнее, чем им!

– Придумаем что-нибудь!

Ивар поднялся с постели, взглянул на Лестану с жалостью и уронил:

– Спи, сестренка, все будет хорошо. Да поможет Мать-Рысь нам с верным решением.

Когда он вышел, Лестана обняла колени, укрытые покрывалом, опустила на них подбородок. Весь этот бесконечный день навалился на нее свинцовой тяжестью. Утренние встречи, разговор с Сигрун, пир и все, что было потом... Словно утром в ворота Волчьего городища въехала совсем другая Лестана! Гордая и смелая наследница вождя, знающая, что ее дорога прямо и честно ведет к выполнению долга. А теперь все так сложно!

– Я не справлюсь, – всхлипнула она, пряча лицо. – Я подведу отца, Кайса! Меня послали, чтобы спасти Рысей, а я их

уже опозорила! Нельзя было доводить с Медведем до драки... Ивар прав, это из-за меня! Я должна была подумать, что нельзя ходить по незнакомому месту только вдвоем. И Сигрун... Почему я не смогла ее осадить? Почему не нашла нужные слова? Отец бы смог! Даже Ивар бы смог, наверное, он умный и осторожный. А я... я не справилась...

Она рыдала взахлеб, выплакивая запоздалый страх и унижительную слабость. Что толку с детства учиться править, если при первом столкновении с грубой силой все твое умение договариваться ничего не значит? Если в этом диком мире по-прежнему решают не слова, а крепкие кулаки, зубы и сталь? Если нечем ответить на чужую хитрость, а дома ждут, что ты оправдаешь возложенные на тебя надежды и вернешься с помощью...

Хольм или Брангард? К Брангарду тянулись и разум ее, и душа. Он умный, красивый, храбрый... Он будет отличным консортом, когда она станет правительницей клана! Но остаться ради него в этом жутком Волчьем городе? Где она чужая и никогда не станет своей, что бы ни говорила Сигрун? А подумать о браке с Хольмом вовсе невозможно! Синеглазый Волк пугает ее до дрожи и отвращения. Будь она настоящей рысью, шипела бы и скалилась при одном воспоминании, не говоря уж о взгляде на него. И позволить ему хотя бы прикоснуться?!

– Ложись-ка ты спать, пушистая моя, – решительно сказала Кайса, поправляя ее покрывало. – Давай-давай. Помнишь,

как матушка говорила? «Ночь заботы разгоняет, силы щедро прибавляет. Утром прочь она уйдет и дурное заберет...» Спи, завтра будем думать!

Лестана послушно опустила на подушку, закрыла глаза, повторяя нехитрую колыбельную, которой матушка баюкала и ее, и осиротевшую Кайсу, ставшую Лестане лучшей подругой. Сон навалился теплой душевной пеленой, как меховое одеяло. Или как чье-то живое тепло, укрывшее ее с головы до ног. Мягкое, с густым коротким мехом, пахнущее знакомо и восхитительно... Но что это за запах, она так и не смогла понять, хотя ей хватило одного вдоха, чтобы успокоиться и почувствовать себя совершенно защищенной и любимой.

Глава 5. Чужие разговоры

Утро для Хольма началось с драки. Правда, чужой. Не успел он выйти во внутренний двор, чтобы размяться перед завтраком, как едва не споткнулся о двух катающихся по утоптанной земле Волков. Пригляделся, хмыкнул. Волки оказались из младшей дружины, новички, Хольм взял их только этой весной. Крепкие парни, и с оружием хороши, но головы горячие. Куда горячее, чем у него самого, а это о чем-то говорит.

Подойдя к бочке с водой, предусмотрительно поставленной у стены, он набрал ведро, вернулся к драчунам и выплеснул его разом на обоих. Ухмыльнулся, слушая брань, а потом Волки встали с земли, мокрые, взъерошенные и зло смотрящие исподлобья. Теперь уже на него, а не один на другого. Это хорошо... Значит, не всерьез дрались.

– За что грызетесь? – поинтересовался Хольм, будто не замечая сжавшихся кулаков и сузившихся глаз. – Повод хоть достойный?

– Наше дело, – буркнул мрачный, как грозовая туча, Ровголд, утирая кровь из разбитого носа.

– Сами разберемся, – поддержал его Лейв, у которого на скуле стремительно набухал кровоподтек.

– Ваши личные дела кончились там, где началась дружина! – рыкнул Хольм. – Вам, щенкам дурным, в бой вместе

ходить. Останется такое вот дело не решенным, а потом друг другу спину доверять не сможете. Последний раз спрашиваю, за что грызня? Если причина стоящая, зовите один другого в круг, но как положено. А если просто лапы чешутся и морда кулака просит, я вам это и так устрою. Ну?

Еще несколько мгновений они продержались, потом отвели взгляд, не решаясь бросить вызов. Рогволд осторожно потрогал распухший нос, наливающийся синевой, Лейв чуть виновато покосился в ту сторону.

– Да не бери в голову, вожак, – неловко сказал он. – Ничего такого... Из-за девчонки сцепились. Этой... Рыси...

– Из-за кого?! – услышал Хольм собственный голос будто со стороны.

Что-то такое, видно, проступило у него на лице, потому что оба Волка глянули недоуменно и опасливо.

– Из-за Рыси, – подтвердил Рогволд. – Ну, той, что с nasledницей приехала. Подружка ее, маленькая такая! Ры-ы-ыжая...

И мечтательно расплылся в улыбке, шмыгая окровавленным сизым носом.

Подружка? Так они не о Лестане?! Он совсем забыл, что в посольстве она не единственная девушка. Точнее, даже не подумал, что можно заметить кого-то другого! Хольм глубоко вдохнул прохладный утренний воздух и выдохнул, успокаиваясь. А еще парней дураками про себя назвал. Стоило сообразить, что вряд ли они посмеют даже носом повести

в сторону наследницы клана. Что ж, если эти двое решили приударить за рыженькой Рысью, Мать-Волчица им в помощь! Но надо присмотреть, чтобы осторожнее ухаживали. После вчерашнего.

– Лапы при себе держите, – хмуро предупредил он. – А то пообрываю. Рыси и так думают, что мы тут все дикие, не знаем, какой стороной шкуру на себя надеть. Так что не позорьтесь, вежливо ухаживайте.

– Да куда вежливее! – хмыкнул Лейв, на глазах веселея. – Вон, как раз решали, кто ее на ярмарку пригласит со всем почтением. Почти решили...

– Дорешались? – ехидно спросил Хольм. – Теперь к девчонке с битыми мордами пойдете? Даже не знаю, захочет ли она рядом с такими горе-бойцами позориться?

Судя по вытянувшимся физиономиям, подобная простая мысль этим двоим в голову не пришла. Иначе, наверное, заранее договорились бы по роже не бить... Окинув их снисходительным взглядом, Хольм пошел к стойке с оружием, закрепленной под навесом, но передумал. Помахать мечом он всегда успеет, а сегодня нужно обязательно поймать отца и поговорить с ним о Лестане. Да и за вчерашнее хорошо бы извиниться. Если бы он умел в подобные минуты думать расчетливо и хладнокровно как Брангард! Или работать языком хотя бы вполовину так же быстро, как мечом и кулаками.

При мысли о Брангарде на сердце снова стало тяжело. Хольм привык верить брату во всем, даже когда Сигрун изо

всех сил пыталась их поссорить. Брану это самому было не по душе, он мрачнел и пытался остановить мать, но та не желала ничего слышать, почему-то раз и навсегда решив, что Хольм мечтает стать вождем. Может, он и дурень, но не настолько! Его место – во главе дружины, там он знает, что делать, и даже старшие воины, признавшие Хольма предводителем, его слушаются. А Сигрун и в этом видит подтверждение, что Хольм рвется к власти!

Теперь она замыслила прибрать к рукам Лестану, выдав ее за Брангарда. Для Черных Волков это прямая выгода, породниться с Рысями – честь для молодого клана. И Рысям хорошо, волчьи мечи надежно прикроют их от Медведей. А главное, Лестане Брангард по сердцу, видно же! Рядом с ним она так и светится...

Хольм стиснул зубы, уговаривая себя не злиться на брата. Брангард играет честно, он вчера принес ему сережку Лестаны, хотя мог отдать сам. Да и должен был, вообще-то! Если бы у Хольма появилась такая возможность сделать девушке приятное, он бы в нее вцепился всей пастью. А Брангард... Неужели ему и правда не нужна Лестана? Или он просто хочет, чтобы Хольм уехал к Рысям и вечные раздоры в доме прекратились?

Мать-Волчица, как же все это сложно! Мерзко думать, что твоя семья решила от тебя избавиться, потому что ты не нужен. Слишком дикий, как говорит Сигрун. Слишком опасный – а ведь он всегда считал, что это похвала. Слишком

страшный – и вчера Хольм увидел подтверждение этого в испуганных глазах Лестаны.

Прежде чем вернуться в свою комнату, он заглянул в купальню и с удовольствием облился прохладной водой. Зря Брангард над ним вчера посмеялся, мыться Хольм любил. В походе это роскошь, да и в лесу не всегда можно отыскать подходящий ручей. Но если уж он добирался до реки, то мог плавать часами. Волки – чистоплотные звери, хоть и совсем иначе, чем Рыси.

Одежду он тоже сменил, хоть и понимал, что с нарядами Брангарда тягаться бесполезно. Младший одевается на зависть любой девице, а на Хольме только доспех сидит как влитой. Но Волчицы никогда не ставили ему это в укор!

В дверь постучали, когда Хольм пытался прикинуть, какой пояс подойдет к новой черной рубашке и очень ли заметно, что она несколько месяцев пролежала в сундуке сложенной. И как он вообще должен подходить?! Ясно только, что любимый кожаный ремень слишком потертый, краска с него давно слезла от дождей и солнца. Покопавшись в том же сундуке, где умещалась вся его одежда, Хольм отыскал второй пояс, подаренный Брангардом и ни разу не надеванный. Но на красивом ремешке с чеканными серебряными бляшками не нашлось крючков для ножен. Ну кто делает мужской пояс без крепления для оружия?! И кто такое носит? Правильно, только его дорогой братец...

В дверь опять настойчиво забарабанили.

– Чего надо? – мрачно спросил Хольм.

– Господин Брангард велел передать, что гости едут к Лунному источнику, – послышалось из-за двери. – Если вы с ними, так поторопитесь!

К источнику! Без него! Помянув сквозь зубы Мать-Волчицу и ее хвост, Хольм захлестнул на себе привычный ремень, щелкнув пряжкой и уже не думая, подходит он к чему-то или нет. Быстро, как по тревоге, натянул сапоги, благо носил походные, скроенные без различия правой и левой ноги. И вылетел из комнаты, на ходу цепляя к поясу меч. Не то чтобы он кого-то опасался во владениях Черных Волков, а Лунный источник от города всего в часе езды, но без оружия чувствовал себя хуже, чем голым.

Гости уже садились на лошадей... Лестана со своей рыжей подругой, ее брат и пара Котов. А еще Брангард и два Волка из его охраны, приставленной Сигрун. В седле были все, кроме Брангарда, тот гладил по морде свою кобылу и что-то оживленно объяснял брату Лестаны, то и дело указывая на дворец. Красовался, как фазан!

Но уже в следующее мгновение Хольм устыдился, потому что при виде него в глазах Брангарда появилось явное облегчение, и братец быстро завершил рассказ. Время тянул! Ну точно, вон как нахмурилась госпожа Сигрун, вышедшая проводить сына и Рысей. Мачеха сладко улыбалась с крыльца, причем вполне искренне – ровно до того момента, как увидела Хольма. Как только Бран умудрился при ней кого-то

послать с известием?

— А вот и мой дорогой брат! — провозгласил Брангард и кивнул Хольму на последнюю оседланную лошадь рядом с собой. — Ты ведь с нами?

В глазах Сигрун, поджавшей губы и еще сильнее выпрямившейся, вспыхнула злость. На Хольма она метнула единственный взгляд, но можно не сомневаться: после возвращения домой Брангарда ожидает нешуточная гроза. И снова Хольм задумался, что же творит хитроумный младший?

Он молча вскочил в седло, всей своей волчьей сутью ощущая, что Лестана совсем рядом. Правда, между нею и Хольмом — Брангард. Но все равно это так близко, что сердце замирает, а чутье напрягается, стараясь уловить нежный запах ее волос. Можжевельовая хвоя и земляника. И неуловимо тонкий сладкий аромат самой Лестаны... Хольму нестерпимо захотелось облизнуться, но он сдержался, конечно, только покосился туда, где за крепкими плечами Брангарда мелькала серебристая головка с уложенной венцом косой. Может, в дороге будет случай поговорить?

* * *

Когда служанка принесла завтрак в комнату и передала, что младший сын вождя зовет госпожу со спутниками на прогулку, Лестана готова была прыгать от счастья, как играющий котенок! Кайса только головой покачала и достала одежду для верховой езды.

Потом, глядя на Лестану, торопливо жующую творожную лепешку, подруга не удержалась и все-таки спросила:

– Ну и что будешь делать, если матушка твое сокровище от юбки не отпустит?

Мягкая и теплая, только из печи, лепешка едва не встала у Лестаны в горле. Она глотнула молока из глиняного стакана – у них в Арзине из таких пили разве что крестьяне – и с трудом проглотила показавшееся безвкусным тесто.

– Не знаю, – сказала тихо, сразу потеряв желание есть. – Кайса, я не знаю, что мне делать... Он ведь тоже не может бросить клан. Как я могу потребовать, чтобы он нарушил родительскую волю? Да и... не сумасшедший же он. Оставить родной город, где он сын вождя и наследник, ради... Ради чего?

– Ради тебя? – подсказала Кайса, глядя на нее с откровенной жалостью. – Леста, ну ты же видишь, какие они разные. Твой Брангард с Рысями точно уживется, он сам словно кот холеный. Лапы мягкие, шерсть бархатная, а уж мурчит! И не скажешь, что Волк. А Хольм – он другой. В Арзине ему такой воли не будет, разве что на границу от тебя сбежит. Не той он породы, чтобы на цепи сидеть...

– А что Хольм? – вспыхнула Лестана, вскакивая из-за стола и ожесточенно стаскивая платье, чтобы переодеться в замшевую курточку и штаны. – Он дикарь! Я и не собираюсь его никуда забирать! Меня послали за супругом, а не за... зверем!

– Этот зверь вчера бросился на твою защиту, – упрямо продолжала Кайса, тоже принявшись переодеваться. – Лестана, ну ты же не дура, а творишь глупости. Хоть бы его поблагодарила!

– За что? – с тихой злостью отозвалась Лестана, понимая, что не права, но тоже заупрямившись. – Мы гости Волков, он обязан был нас защищать. Думаешь, если бы Брангард появился первым, то остался бы в стороне? Слышать ничего не хочу о Хольме! Он... страшный!

Кайса снова покачала головой, глядя на нее с выражением, о котором Лестана предпочла не думать, чтобы не обидеться на подругу. Конечно, та желает лишь добра, но как она не поймет? Нельзя даже думать о браке с тем, кого боишься! Да, разумеется, она поблагодарит Хольма. И постарается держаться от него как можно дальше!

Натянув сапожки для верховой езды, Лестана закрутила косу вокруг головы и закрепила ее шпильками. Глянула в зеркало, поставленное домовитой Кайсой на сундук у стены. Вчерашняя бледность прошла, сегодня Лестана чувствовала себя здоровой и готовой к любым испытаниям. Интересно, Брангарду нравятся девушки в штанах?

В щеки бросилась кровь при мысли, что вчера он мог не рассмотреть ее фигуру, да и одежда была пыльная. А сегодня... Она крутнулась, пытаясь разглядеть в небольшом зеркале, как облегает ее вычищенная прислугой Волков золотистая замша.

– Да хороша, хороша, – ворчливо отозвалась Кайса, тоже обуваясь. – Пойдем уж!

Ивар уже ждал их во дворе вместе с Альмом и Ронаном, парой воинов из отряда. А рядом... Сердце Лестаны сладко заныло, когда Брангард шагнул к ним навстречу и учтиво поклонился. Вспыхнув, она улыбнулась в ответ. Ивар же слегка нахмурился.

– Сережка так и не нашлась?

– Новые на двадцать лет сестре подаришь, – задорно отозвалась Кайса, а Лестана чуть качнула головой.

Любимых кошек-сережек действительно было жаль до слез, она не носила в ушах ничего, кроме них.

– Кстати, о сережках! Нам очень жаль, что в нашем доме с госпожой Лестаной случилась такая неприятность, – сказал Брангард. – Если прекрасная Лестана позволит сделать ей небольшой подарок... в знак уважения!

Он протянул небольшую коробочку из полированного дерева, и Ивар снова нахмурился.

– Не знаю, удобно ли... – протянул он.

Рассудком Лестана понимала, что двоюродный братец прав. Пока договор не заключен, принимать подарки не стоит. Вот если бы Брангард уже был ее женихом!

– Пустое, дорогой Ивар, – слышалось с высокого крыльца, и Лестана увидела на нем статную фигуру госпожи Волчицы. – Нам тоже неловко, что милую гостью обидели. Брангард сам выбирал ей подарок, но если так будет приличнее,

сделаем вид, что он от меня.

И она со значением улыбнулась еще сильнее покрасневшей Лестане, у которой теперь не было никакой возможности отказаться. Взяв коробочку, Лестана открыла ее и тихонько ахнула от восхищения. Два серебряных цветка, усыпанных бриллиантами, сверкнули на утреннем солнце разноцветной россыпью искр. В середине каждого нежно белела крупная жемчужина, и Лестана сразу узнала работу Барсуков. Может быть, это тот самый мастер, у которого Ивар заказывал ей подарок? Неважно! Серьги чудесны. И если Брангард в самом деле выбирал их сам... Хотя от него она взяла бы любую дешевую безделушку! С радостью!

– Принимаю с благодарностью, – тихо сказала она.

Приличия требовали забрать подарок в комнату и надеть его потом, но Лестана чуть ли не впервые в жизни решила пренебречь этикетом. Под неодобрительным взглядом Ивара она взяла из коробочки сияющее чудо, и серьги прильнули к мочкам ушей так, словно были там всегда.

– Госпожа Лестана, вы прекрасны, – поклонился Брангард.

Под его восхищенным, но учтивым взглядом Лестане показалось, что она тает. Она всегда думала, что это девичьи выдумки! Ну разве можно так забыть гордость, чтобы греться в мужском внимании, словно кошка на солнце? А оказалось – бывает!

И все было бы хорошо, не появись Хольм! Ну зачем толь-

ко Брангард задержался, рассказывая Ивару, как именно перестраивали дворец после пожара несколько лет назад?!

Лестана тяжело вздохнула, смиряясь с тем, что Брангард, похоже, очень любит своего брата...

Дорога к Лунному источнику оказалась чудесна. Она вилась по склону невысокой горы, широкая как раз настолько, чтобы две лошади спокойно шли рядом, но для третьей места уже не было. И конечно, Лестана с Брангардом ехали впереди. Второй парой оказались Хольм и Ивар, но если братец рассчитывал на интересный разговор с Волком, то просчитался. Всю дорогу Хольм молчал, и Лестана спиной чувствовала его напряженный взгляд, от которого между лопатками чесалось и невыносимо хотелось передернуться. Брангард опять был любезен за обоих, рассказывая о местном храме Луны, который возвели на самой вершине горы у священного источника.

Лестана слушала, но не столько плавно льющееся повествование, сколько голос Волка, мягкий, действительно мурлыкающий, как сказала Кайса. Даже в этом он полностью подходит ей, прирожденной Рыси! А Хольм молчал, и это казалось угрозой большей, чем любой гнев, выраженный словами.

Вершина горы открылась перед ними неожиданно. Только что перед глазами еще мелькал склон – и вот он резко оборвался, а из-за деревьев проступило что-то серое, гладкое... Лестана привыкла к ажурным нарядным храмам Ар-

зина, словно выточенным из мраморного кружева, и не сразу поняла, что серая громада и есть святилище. Что ж, иного в этом диком краю было бы странно ожидать. Волки-воины спешили первыми и приняли поводья гостей. Брангард подал руку Лестане, немного опередив Ивара, и их ладони соприкоснулись – Лестану снова бросило в жар, но не болезненный, а приятный, сладкий.

Она улыбнулась Брангарду... И тут же словно ударил порыв холодного ветра – Лестана встретила взгляд Хольма. Синеглазый Волк стоял, уронив руку на меч, будто ждал нападения, всем видом источая холодную злость. И слова благодарности, приготовленные для него, замерли у Лестаны на губах, захотелось поежиться, отступить, укрыться за Брангардом, а для верности еще и остальных спутников оставить между собой и... этим. Да что же с нею такое! Ну почему она боится того, кто ничего плохого ей пока не сделал?! И как это отвратительно – бояться!

Поспешно отвернувшись, Лестана подошла к источнику, бьющему из расщелины небольшой скалы. Поляна была почти полностью окружена деревьями, а вода источника по выложенному камнями руслу огибала храм и ручьем спускалась куда-то вниз по другому склону.

Последовав за ней, Лестана тоже обошла храм и замерла. Немного ниже склон горы переходил в плато, на котором раскинулась чаша небольшого, но чистейшего озера. К нему вела лестница из широких каменных ступеней, а рядом с нею

тек ручей, как раз наполнявший озерную чашу.

– Слезы Луны, так мы его зовем, – негромко сказал Брангард, останавливаясь рядом с ней в начале лестницы. – Если у вас есть заветное желание, госпожа Лестана, прошепчите его этой воде, зачерпните ладонями, выпейте и оставьте подарок. Наши девушки дарят Луне прядь своих волос... Вон, видите?

Между вершиной горы и озером росло несколько пышных кустов, и, приглядевшись, Лестана увидела, что на их ветвях развевается от ветра то, что ей показалось диковинным мхом. Длинные пряди, чаще всего черные, но были среди них и светлые, и рыжие...

– Хочу! – сказала она решительно. – Кайса, ты пойдешь?

Она вытащила шпильки, и освобожденная коса тяжело упала на плечи, а Лестана принялась ее расплетать.

– Да кто же так режет? – взвыла Кайса, когда Лестана отхватила с виска толстенькую прядь взятым у Ивара ножом. – Как я тебя заплетать буду? У-у-у-у...

Пока она примерялась к своим волосам, Лестана сбежала по ступеням, остановившись у самой воды. Зеркальная гладь отражала часть солнечных лучей, но глубина озера казалась бездонной, а еще здесь было гораздо холоднее, словно Лестана спустилась в подвал-ледник.

Озеро словно ждало чего-то, и Лестана встала на колени прямо на последнюю каменную плиту. Что же просить? В растерянности она поняла, что еще недавно у нее было толь-

ко одно самое важное и заветное желание – призвать зверя и стать наконец полноценной Рысью! А теперь... Она едва не оглянулась туда, где наверху остались стоять ее спутники, но сдержалась. Долг или любовь? Ее внутренний зверь или Брангард?

«Луна-прародительница! – отчаянно взмолилась Лестана. – Ты ведь понимаешь, это я не от жадности! Пожалуйста, если можно, исполни оба моих желания! Я хочу стать настоящей Рысью, как все мои предки! И хочу любви и быть любимой в ответ! Прошу тебя... Но если... Если желание должно быть только одно, пусть я никогда не стану Рысью, только бы мой будущий муж любил меня и такой».

Ей показалось, что поверхность озера дрогнула, но это просто прошла рябь от ветерка. Лестана зачерпнула сложенными ладонями воду и чуть не вскрикнула – такой ледяной она была. Торопливо отпила, глотая обжигающую холодом влагу, на миг зажмурилась... А потом, вскочив, так же быстро побежала наверх, по пути остановившись и привязав длинную светлую прядь волос на свободную ветку куста.

Пока к озеру спускалась Кайса, Лестана снова заплела косу, стараясь ни на кого не глядеть. Щеки пылали, но внутри крепла странная уверенность, что она все сделала верно. Правда... наверное, стоило просить в мужа именно Брангарда, но Луна ведь и так видит, кого Лестана любит? Да, уже любит! Всем сердцем!

* * *

В город они вернулись только к обеду. Хольм, оставшийся без завтрака, уже готов был прямо в лесу перекинуться и поймать какую-нибудь мелочь, чтобы перекусить, но остановило, что Лестана и так считает его слишком зверем. Странно, она ведь сама – Рысь, воплощение хищности! Неужели не любит охоту? Жаркое упоительное чувство, когда мчишься по лесу, упруго отталкиваясь лапами и наслаждаясь послушным сильным телом... Это почти так же прекрасно, как быть с женщиной!

Он сильнее сжал в ладони поводья, вдруг поймав себя на простой мысли, которая на миг выбила дыхание, оглушила и заставила забыть все остальное. А был ли у Лестаны когда-нибудь возлюбленный?!

Светловолосая Рысь держалась так скромно и гордо, что ему в голову как-то не пришло... А ведь если она выбирает жениха, значит, еще свободна? Ни одна Волчица не согласилась бы выйти за нелюбимого, если уже отдала кому-то сердце. Это противно самой женской природе! Всякий знает, что лишь в любви рождаются сильные здоровые дети, наделенные даром двойного облика... Нет, если бы у Лестаны кто-то был дома, вождь Рассимор не стал бы принуждать ее к браку. Или... Мог ли он решить, что союз с Черными Волками важнее счастья дочери?

Хольм оглянулся на Лестану, снова едущую рядом с Брангардом, и разозлился на себя за глупые сомнения. Какая разница, что было раньше, если сейчас она выбрала его брата?!

Ему, Хольму, она после вчерашнего слова сказать не хочет, а стоит глянуть в ее сторону – разве что не шарахается, как пугливый зайчонок. Все ее улыбки и взгляды – для Брангарда! И румянец на щеках, и короткая прядь обрезанных волос, которую Лестана, словно забывшись, потрогала рукой, когда младший придержал слишком сильно наклонившуюся над тропой ветку, чтобы Рысь могла под ней проехать...

Значит... Все потеряно? Как бы ни пытался младший уравнивать их возможности, но если девушка уже решила, кто ей нужен, хоть наизнанку вывернись – не поможет! И стоит ли унижаться, прося любви той, кто тебя так старательно не замечает? Осознание этого накатило такой болью, словно Хольма саданули под дых сапогом, но он стиснул зубы и послал лошадь вперед, оторвавшись от отряда и спиной чувствуя взгляды.

Его никто не окликнул, и это окончательно убедило Хольма, что он прав. Наверное, Лестана еще и вздохнула с облегчением, когда рядом остался только Брангард!

Узкая горная тропа сама стелилась под копыта лошади. Хольм доехал до незаметной развилки, которую мог разглядеть только тот, кто о ней знал, и свернул, сократив путь до подножья горы во много раз. Пришлось, правда, ехать по лесу, кое-где пробираясь между зарослями боярышника, вставшего густой стеной. Зато он остановился у ручья, вдоволь напился и долго бросал ледяную воду, едва заметно пахнущую земляникой, в пылающее лицо. Помогло не слишком,

но хотя бы расхотелось остаток дня провести в волчьем облике. Хватит уже веселиться, дома забот полно!

Завтра начинается Большая Летняя Ярмарка, и хотя все торговые дела на Брангарде, у дружины, за которую отвечает Хольм, тоже горячие дни. Нужно следить за порядком, не допуская, чтобы гости передрались друг с другом или с хозяевами. Разнимать захмелевших спорщиков и умирять слишком буйных...

А еще нужно прикупить топоров для младших дружинников, если Барсуки привезут по сходной цене. У Волков, конечно, есть кузнецы, но с толстопятами крепышами в ремесленном деле никто не сравнится. И неплохо бы заказать им десятка три-четыре луков, так, на будущее... Да мало ли хлопот у предводителя дружины или, как его исстари зовут Волки, Клыка? Пусть Хольм стал Клыком только два года назад, но он уж постарается, чтобы отец им гордился хотя бы в этом!

До города он добрался гораздо раньше, чем гости в сопровождении Брангарда. Завернул на кухню, не дожидаясь обеда, быстро сжевал половину жареной курицы и пару пирожков со свежей черникой – она только-только начала появляться в лесу. Ягодный запах и вкус нехстати напомнили о земляничном аромате, преследующем Хольма повсюду. Но он упрямо отбросил эти мысли, а чернику заел третьим пирожком – с печенкой, и жить стало не то чтобы веселее, но как-то проще, не так тоскливо. Правда, захотелось повалять-

ся где-нибудь в теньке...

Отогнав некстати проснувшуюся лень, Хольм дошел до отцовских покоев, но оказалось, что отец с помощниками уехал на пристань, там что-то случилось с кораблем Рыжих Лис. Вот ведь! Это означало, что отец вряд ли вернется к обеду, значит, за столом будет единовластно править Сигрун, и Хольм мрачно подумал, что в общий зал уже не пойдет. Вот и славно, у Лестаны наверняка найдется, о чем поговорить с матерью будущего мужа, а уж Брангард найдет тему для беседы, даже разбуди его ночью и подвесь вниз головой, как летучую мышь!

Видеть ему никого не хотелось, и Хольм дошел до оружейной, на всякий случай еще прикинув, что покупать на ярмарке для дружинных нужд. Потом не торопясь обошел конюшни, заглянул в кузню... и понял, что откровенно мается дурью. А еще – боится оказаться рядом с обеденным залом, словно напроказивший мальчишка, что прячется от взрослых. Чувство было почти забытым, но таким неприятным, что Хольм назло себе решил пойти на обед и испортить настроение хотя бы Сигрун.

Он уже прошел длинным коридором, ведущим в ту часть дворца, где были покои вождя и гостей, уже свернул к обеденному залу... Как вдруг неясное чувство опасности велело замереть на месте, а чутья Хольм привык слушаться. В следующий миг он неслышно отступил в темную нишу, оставшуюся в коридоре от последней переделки комнат. Стена

здесь была не глухой, в ней осталась изрядная щель со стороны коридора. И в этой щели Хольм застыл, превратившись в слух и напряженно вдыхая воздух.

Почти сразу он понял, что заставило его притаиться в за-
саде. Запах! Даже в человеческом облике остатки волчьего
обоняния различили густой медвежий дух приближающего-
ся человека. Прятаться от гостей в собственном дворце было
бы глупо! Если бы не вчерашняя драка. И не тихий разговор,
который явно не предназначался для посторонних ушей.

– Добавить надо бы, – сказал хриловатый низкий голос, и
если бы у Хольма сейчас была шерсть, она встала бы дыбом.

Обладатель голоса был опасен – чутье прямо кричало об
этом! А еще от него пахло не Медведем, а как-то иначе, бо-
лее резко.

– Куда добавлять? – произнес недовольно второй, в кото-
ром Хольм без труда опознал старшего из Медведей – вон
он как раз пах правильно, собой самим. – Я за такие деньги
троих нанять мог бы!

– Троих разом в круг не выставишь, – усмехнулся, судя
по голосу, первый. – А ты ведь не просто в грязи парня по-
валять хочешь. За кровь платят подороже синяков. А уж за
то, чтобы у вождя всего один сын остался...

– Язык придержи! – рыкнул Медведь. – Уши везде.

Он даже не подозревал, насколько прав, и Хольм возбла-
годарил Мать-Волчицу, что весь дворец и так пропах Вол-
ками, потому его собственный запах рядом с говорящими

не замечен. Попробуй определи, прошел он здесь утром или стоит рядышком, затаив дыхание.

– Или добавляй, или разговора не будет, – равнодушно бросил тот, первый. – Мне потом бежать придется со всех лап. И больше на земли Волков не показываться. А хочешь деньги побережь, могу парня только подрезать. Провалиется долго.

– Нет, – тяжело уронил Медведь. – Из круга он выйти не должен. За это и плачу. Ладно, добавлю. Но только после дела.

– Тогда вдвое, – так же равнодушно сообщил резко пахнувший, и Хольм наконец опознал эту острую вонь.

Росомаха! Вот, значит, кого Медведи нанимают, оставшись в стороне! И даже не нужно быть умником Брангардом, чтобы сообразить, чья смерть им нужна. Конечно, того, кто искалечил племянника вождя!

Хольм вспомнил скорчившееся на земле огромное тело и злорадно понадеялся, что лечиться мерзавцу придется долго, а ломаные кости будут напоминать о себе всю жизнь. Ну, гости дорогие! Хотите продолжить развлечение – ваше право!

Медведь и Росомаха ушли дальше по коридору, а Хольм, подождав немного и выбравшись из убежища, вдруг понял, что просто вышвырнуть этих ублюдков с волчьих земель не выйдет. Его слово против слова чужаков для Волков, конечно, потяжелее будет, но еще одной ссоры с Медведями, да

еще такой грязной, отец ему точно не простит! Значит – что?

Значит, нужно делать вид, что ничего такого он не слышал! А когда его вызовут на поединок под каким-то предлогом – обязательно вызовут, раз уж Росомаха говорил про круг – то самому прирезать наемника Медведей. Кто пошел на охоту, не рассчитав силы, может оказаться дичью!

На миг мелькнула мысль, не посоветоваться ли с Брангардом, но... Брат наверняка запретит драться! Придумает что-нибудь и запретит! А подлость надо наказывать, да и прятаться за хитрость младшего противно до тошноты! Только не сейчас, когда и без того все паршиво! Не хватает еще, чтобы Брангард его вытаскивал из неприятностей.

Глава 6. Ночь перед грозой

Днем и вечером Хольм три раза отправлял слугу узнать, дома ли отец, и каждый раз посыльный отвечал, что вождь еще в городе. Брангард после утренней поездки тоже куда-то запропал, но это как раз было неудивительно, у младшего всегда хватало дел. Или удивительно? Разве не полагалось брату сейчас каждую свободную минуту проводить с Лестаной, очаровывая Рысь и убеждая ее, что в жизни у Волков нет ничего страшного?

Стоило Хольму подумать об этом, и на душе становилось муторно. Он ведь принял решение! А если не обманывать самого себя, решение приняли за него, и поделаться с этим ничего нельзя. Желанную девушку не победить, словно врага, в поединке, не взять охотничьей добычей, не принудить полюбить того, кто ей не мил. Это у людей женщин часто превращают в рабынь, и все принимают это как должное, но в сердце тех, кто поет с луной, живет дикий зверь, который в неволе или умрет от тоски, или обезумеет и вцепится в горло тому, кто лишил его свободы.

Хольм оперся ладонями о подоконник открытого окна, вдохнул ночную дурманную свежесть. Восходящая луна, почти полная, круглобокая и желтая, манила перемахнуть подоконник одним прыжком, оказавшись во внутреннем дворе, а потом скинуть опостылевшую одежду – слуги утром под-

берут, им не впервой – принять рвущегося изнутри зверя, став им не только душой, но и телом... И долгий бег сначала по спящему городу, потом за ворота – и в лес!

Он даже глаза прикрыл, представляя, как мягкая влажная земля, покрытая листьями, ляжет под мощные лапы, как десятки и сотни запахов наполнят ноздри, а уши настороженно будут ловить малейшую тень звука... Свобода! Счастье! Звериная мощь, не знающая преград, не помнящая глупых человеческих ограничений вроде долга...

Едва не застонав от разочарования, Хольм вынырнул из сладкого предвкушения и заставил себя успокоиться. Бешено стучащее сердце, готовое перекачивать кровь для обращения, неохотно замедлило ритм, напряженные мышцы расслабились. Нельзя! Не сейчас. Во дворце слишком много чужаков, и в любую минуту отцу может потребоваться помощь старшего сына, а дружине – команды Клыка.

Но как же мучительно сознавать, что не ему бежать под полной луной, следя, как мчится впереди серебряная тень, словно летя по воздуху и маня: догони, поймай, овладей! Сделай своей и сам стань – ее! Любовная игра, старая, как мир, неведомая людям, что утратили своего зверя и с тех пор безуспешно пытаются заменить зов страсти деньгами, властью или насилием. О, как бы он догонял Лестану...

Скрипнув зубами, Хольм отошел от окна, сел на кровать. Стоило бы захлопнуть ставни, чтоб ночь не так сильно манила, но тогда в комнате станет душно. Сейчас бы дождя...

Проливного, с грозой, чтобы молнии рвали небо в клочья, а гром рушился сверху тяжелыми ударами! Отец говорил, что Хольм родился в грозовую ночь, наверное, поэтому так любит бурю. А еще он всегда мрачнел, говоря о той ночи, и обрывал рассказ на полуслове.

И Хольм, конечно, знал, отчего в глазах отца мечется мучительное бессилие, стоит ему вспомнить рождение первенца. В ту ночь с грозовыми ударами и первым криком родившегося Волчонка его мать ушла небесными дорогами в Край Доброй Охоты. Оставила и мужа, и сына, едва успев приложить его к груди. Этого отец не рассказывал, Хольм сам узнал у старых Волчиц, которые воспитывали его малышом.

Они глядели сочувственно, а потом шептались между собой, что брачный союз, не подтвержденный в храме Луны и Матери-Прародительницы, счастья не приносит. И надо было вождю, если уж он полюбил деву из чужого клана, принести, как положено, жертвы и просить благословения на продолжение рода Волков чужой кровью. Истинно ведь, что если двое желают этого по-настоящему и союз добровольен, то различие их истинных зверей помехой не будет. И дети тогда рождаются здоровыми, а мать легко оправляется от родов.

Хольм не знал, что случилось тогда, что пошло не так... Не мог ведь отец пожалеть даров для храма или не любить мать своего будущего сына. И она его тоже любила, если ради Черного Волка, тогда еще простого воина, бродяги и охотника, покинула могущественный клан Медведей. А отец мол-

чал. И на осторожные намеки, и на прямые вопросы. Пока не сказал однажды, чтобы Хольм не лез не в свое дело и всю жизнь старался держать своего зверя в крепких оковах рассудка. Потому что кровь у него порченная, дикая.

«Порченная кровь, – шипела вслед ему Сигрун, когда отца не было рядом. – Звереныш, дикое нутро, до рождения проклятый...» Но Хольм привык думать, что это из-за его непослушного нрава, да и не за что мачехе любить пасынка, напоминающего родному отцу о потерянной жене. Слова отца стали ударом, выбивающим дыхание, у Хольма даже в глазах потемнело. И вопросов он больше задавать не стал. Зверь так зверь. Это была его шестнадцатая весна, и Хольм угрюмо подумал, что быть зверем для оборотня куда естественнее, чем человеком. А вот сейчас...

В дверь постучали, и слуга, которому Хольм велел доложить, как только отец вернется, осторожно заглянул в дверь – Вождь приехал, – сказал он почтительно. – Сходил в купальню, а сейчас у себя.

– Ясно, – бросил Хольм, – благодарю.

Желание грозы или хотя бы дождя стало почти невыносимым. Пойти, что ли, в воду окунуться? Можно взять коня и съездить на реку, а можно просто поплавать в маленьком озерце возле города... Отогнав тоскливую жажду прохлады, он мрачно глянул в закрывшуюся за слугой дверь, встал и, поправив пояс с привычной тяжестью меча, вышел из комнаты.

«Полночь прошла уже пару часов назад. Лестана, наверное, давно спит, – думал Хольм, проходя притихшими коридорами дворца. – Интересно, что ей снится? Мать-Волчица, пошли ей светлые сладкие сны, а если милость твоя будет велика, позволь мне мелькнуть в них тенью, что станет беречь ее покой...»

Из-под двери отцовских покоев пробивалась полоска теплого желтого света, слишком яркая для ночной свечи, и Хольм постучал. Отец еще не спит, значит, можно попросить о разговоре.

– Входи, кого принесло! – раздалось из комнаты, и Хольм, толкнув тяжелую дверь, переступил порог.

И едва удержался, чтобы не поморщиться: отец был не один. К счастью, это оказалась не Сигрун, но и Брангарда сейчас видеть не хотелось. Брат расстелил на широком столе у окна листы тонко выделанного пергамента, придавив его парой подсвечников, полных горящих свечей – они-то и озарили комнату, бросая резкие тени.

– А, Хольм! – сказал отец, поднимаясь навстречу ему с кровати. – Как поохотился? Что в дружине нового?

Охота? Дружина? Все это показалось таким далеким... Хольм даже не сразу вспомнил, что в самом деле вчера утром вернулся из леса. И надо было зайти к отцу сразу, но вчера они так и не успели поговорить до ужина, потом случилась драка с Медведем, и уже было не до бесед, а сегодня... «Живем, считай, в одном доме, – устало подумал Хольм, – а ви-

димся как дальние соседи, разговариваем и того реже. И как отделаться от мысли, что отцу даже эти редкие разговоры в тягость? Раньше так не было? Или я просто не замечал? Или не хотел замечать?»

– В дружине все хорошо, – сказал он спокойно. – И охота была неплохой. А как прошел твой день, отец?

–хлопотно, – хмыкнул тот, проходя мимо Хольма к возящемуся с чертежами Брангарду. – Думаем вот пристань расширять. Будь у причалов больше места, такого конфуза, как сегодня с Лисами, не вышло бы. Не разошлись кораблем с Барсуками, будто им река узкая!

– Река не узкая, – отозвался Брангард, увлеченно что-то намечая на карте. – А вот пристань – да. Я давно говорю, что новый причал строить надо. И не здесь, а ниже по течению. Здесь русло сужается, будто бутылочное горлышко.

– Зато отмелей нет, – возразил отец, склоняясь над столом. – Даже в самое сухое лето никто на мель не сядет...

Про Хольма они словно забыли. Он стоял и слушал, как отец и брат спорят, закладывая ли новую пристань или расширять старую, и в горле комом стояла обида. Ладно, пусть он в этом деле не мастер, так ведь и Брангарда не учили строить и торговать, брат до всего доходил своим умом. Хольм не собирался лезть неуклюжими лапами туда, где ничего не смыслил, но это и его город тоже. Ему потом эту пристань охранять, а то и отправлять воинов на кораблях. Его же... просто отодвинули. Так, словно Хольма уже нет в городе.

Словно его нет в этой семье.

Брангард, будто почувствовав неладное, обернулся, махнул рукой.

– Иди сюда, глянь. Что скажешь?

Хольм очень хотел огрызнуться, с чего это им понадобился его совет, но загнал обиду поглубже. Ладно, чего уж, сам виноват. Меньше пропадал бы на охоте, глядишь, и отец бы чаще звал его поговорить о делах.

Он подошел и глянул на подробную карту, где черными чернилами была обозначена старая пристань, а красными – явно рукой Брангарда – новая, ниже по течению и дальше от города.

– Оба правы, – сказал он мрачно, еще злясь то ли на родичей, то ли на самого себя. – Старая пристань уже не годится, но здесь и правда мелко. Вот! – Он указал на линию, обозначающую старую протоку, пересохшую много лет назад, от русла реки остались лишь мелкие озера и болотца. – Надо делать запруды выше по течению и пускать сюда воду, а выводить ее в основное русло. Тогда и в сухой год отмелей не будет.

– С ума сошел? – возмутился отец. – Мы тебе что, Бобры, запруды делать? С чего ты вообще взял, что вода сюда пойдет? Это же сколько копать и строить – где людей взять? А если вода снова уйдет?!

Он фыркнул, и Хольм молча пожал плечами. Ну да, сил пришлось бы вложить немерено! Это не то же самое, что

просто выстроить новый причал. Нужно чистить старое русло, убирая все, что вода может вынести и коварно подкинуть под днища кораблей. Нужно строить даже не запруду, а целую плотину. И Волки – точно не Бобры, значит, придется звать это умелое, но жадное племя, чтобы помогли хотя бы с разметкой, а то и всю плотину отдавать им для строительства. Сложно. Дорого. Окупится не скоро, а люди нужны в других местах. Опять он глупость придумал, иначе Брангард бы давно предложил это сам.

– Отец, а ведь Хольм прав... – с обидным удивлением сказал Брангард, что-то с лихорадочной быстротой помечая на карте. – Денег уйдет, конечно! И Бобров надо звать, без них никак. Но если получится... Ты только посмотри, если получится, мы поднимем уровень воды, и здесь даже тяжелые корабли Кабанов проходить смогут! Мы же у Медведей тогда торговый путь отобьем, по нашей реке до побережья в полтора раза ближе!

– Глупости говорите, – недоверчиво проговорил отец. – Откуда вода лишняя возьмется? Хоть на два русла дели, хоть одним пускай – больше ее не станет.

– Станет, – заверил его Брангард, улыбаясь до ушей и выглядя довольным, словно кот, запустивший лапу в крынку сметаны. – И как я сам не подумал?! Забыл совсем про эту излучину!

Хольм промолчал, хотя мог бы сказать, что Брангард забыл протоку, потому что вряд ли видел ее вживую. Дел у

младшего поблизости не было, а охотиться на птицу, которая там гнездовалась, Брангард не любил, предпочитая встречаться с утками и гусями, когда их уже подали на стол. Вот и не помнил о старом русле, которое Хольм излазил вдоль и поперек еще в детстве.

– И где ты раньше был, а? – прочувствованно возмутился брат. – Кстати, а правда – где? Какая муха тебя укусила, что ты от источника сам домой уехал?

Будто не понимает! Хольм стиснул зубы, переживая негативную злость, и вдруг поймал тревожный взгляд младшего. Ну нет, никаких оскаленных клыков и потери человеческого облика. Он не только зверь, что бы там кто ни говорил!

И вдруг остро кольнула мысль, неужели хитроумный и всезнающий Брангард не разнюхал давным-давно историю с появлением Хольма на свет? Почему они никогда не говорили об этом?

Мысль была такой болезненной и не ко времени, что Хольм пока отложил ее подальше и, решившись, глянул на отца.

– Нам бы поговорить, – уронил он просительно. – Если ты не очень устал.

– А я пойду, пожалуй! – торопливо заявил брат. – Доброй ночи, отец, еще завтра подумаем. Хольм, и тебе добрых снов.

Бережно взяв со стола драгоценные чертежи, он свернул их, у самой двери оглянулся на Хольма и, кажется, хотел что-то сказать, но промолчал и торопливо вышел, а Хольм,

оставшись с отцом наедине, вдруг почувствовал себя одиноким, как воин, чью спину в бою никто не прикрывает. С чего эти глупости? Причем тут бой, ведь он пришел поговорить с родным отцом! Но чувство не проходило, становясь только сильнее, и Хольм глубоко вдохнул все ту же ночную духоту, мимолетно пожалев, что не облился водой по пути сюда. А потом обернулся и снова поймал тяжелый отцовский взгляд.

* * *

Лестана спала и знала, что спит. Это был очень странный сон, она словно качалась на волнах сладкой дремы, не отдаваясь ей полностью, но и не просыпаясь. Волны уносили ее все дальше, они пахли солнечным светом, горячим пушистым мехом, прелой листвой, грибами и земляникой. Словно она оказалась в родном лесу возле Арзина!

Подчиняясь этим волнам, Лестана повернулась на живот, будто собираясь плыть, и вдруг поняла, что вместо рук у нее – лапы. Толстые мягкие лапки, покрытые светло-серебристым мехом. Она подняла их к лицу, удивленно разглядывая розовые подушечки, такие нежные, словно никогда не ходили по земле. Напрягла пальцы – и над подушечками блеснули полупрозрачные лезвия когтей...

Ничему не удивляясь, но с восторженным чувством правильности происходящего, Лестана потянулась, выгнула спину... Мир вокруг плыл красками и запахами, непривычный, полный непонятных ощущений! И стояла она в какой-то необычной позе, вроде бы на четвереньках, но это бы-

ло так удобно... Естественно!

«Так вот как это бывает? – с тем же тихим сладким вос-
торгом подумала Лестана. – Я Рысь? Настоящая Рысь!»

Чувство легкости и правильности захватило ее полно-
стью, Лестана снова томно потянулась... Вокруг был лес,
но, пожалуй, не лес Арзина. Здесь пахло как-то иначе. Бо-
лее резко, более опасно? Ее уши встрепнулись, поворачи-
ваясь, и Лестана поняла, что слышит вой. Холодный жуткий
вой, почему-то наводивший на мысли о лунном свете, будто
был пропитан им. Лестана прислушалась – и ей стало жутко.
Разнеженное удовольствие, только что наполнявшее ее тело,
вмиг исчезло, смытое тревогой. Она попыталась вскочить на
ноги, но тело не слушалось. Оно не желало вести себя ни по-
человечески, ни по-звериному.

«Я Рысь! – с нарастающим ужасом подумала Лестана. –
Я могу взобраться на дерево! Никакие волки там меня не
достанут! Я могу...»

Но лапы, такие стройные, сильные и упругие, эти лапы
беспомощно путались, не подчиняясь, а вой все приближал-
ся – и она закричала, зовя на помощь, но из горла вырвалось
лишь жалобное мяуканье.

Вой послышался совсем рядом, и вот между деревьями,
окружая Лестану, замелькали тени. Серые, черные, белые...
Она припала к земле, не в силах сделать ни шага, в нос бил
резкий отвратительный запах, и с каждым мгновением ужас
нарастал, пока она не закрыла глаза, спрятав нос в лапах и

умирая от страха...

И тут все прекратилось. То есть вой смолк, но Лестана все равно чувствовала чужое присутствие – и совсем близко! Решившись, она открыла глаза и увидела, что перед ней, мордой к теням, застыл черный силуэт огромного волка. Мощного, напряженного, со вздыбленной шерстью. Волк тихо, но грозно зарычал, прикрывая ее собой, – и Лестана вынырнула из сна, едва удержав вскрик. С бешено колотящимся сердцем села на постели. В окно, раскрытое ради ночной прохлады, заглядывала почти полная луна, и Лестане показалось, что лик ее смотрит неодобрительно. Рысь – трусиха, где же это видано? Позор всему кошачьему роду!

«Я буду стараться, – проговорила она про себя виновато. – Обязательно буду... И стану настоящей Рысью! Только я не знала, что это так страшно».

Она снова легла, старательно отведя взгляд от луны и сама не зная, хочет ли возвращения этого сна? Там было так жутко! Но этот волк, что явился ей на защиту... Если бы он повернулся, она бы смогла узнать его, правда? Хотя разве могут быть сомнения, кто это? Конечно, тот, кого она любит и чью любовь просила у священного озера. Ведь сама Луна связала их судьбы...»

* * *

– Ну, говори, – глухо уронил отец, снова отходя от стола и возвращаясь к еще не разобранный постели.

Пока он садился и стаскивал замшевые домашние сапоги,

Хольм подбирал слова. Точнее, пытался подобрать, но в голову не пришло ничего, кроме откровенного:

– Отец, почему ты позволил Сигрун изменить условия? Мы же обещали Рысям совсем другое!

– Мы обещали им брачный и союзный договор, – хмуро огрызнулся отец. – И обещания не нарушаем. Их наследница даже может выбрать, разве это не великодушие с нашей стороны?

– Выбрать, поплатившись за это своим наследством? – едко спросил Хольм, старательно сдерживая злость. – Ты же понимаешь, кого бы она ни выбрала, Рыси останутся недовольны. Это плохой союз, если он начинается с обмана. Я думал, мы ищем с ними верной и долгой дружбы, а с ножом у горла дружбу не заводят.

– Что ты понимаешь, мальчишка? – еще сильнее нахмурился отец, и его мохнатые брови, тяжело нависшие над глазами, почти сошлись над переносицей. – Твое дело – водить дружину, куда я укажу. А договоры оставь тем, кто поумнее.

– Сигрун то есть? – зло ухмыльнулся Хольм. – Это ведь не ты придумал! И не Брангард. Ладно, пусть я дурак, хотя тогда странно, почему ты доверил мне воинов. Но я Волк и такой же твой сын, как Бран...

– Вот и не забывай об этом, щенок дур-рной! – раздался рык, и отец оперся ладонями о колени, словно собираясь встать. – Я твой отец и вождь, мне решать, с кем и как заключать союзы. Рысей он пожалел! Ты что, не понимаешь,

что они гладят мягкой лапой, но думают о своей пользе, а не о нашей? Хочешь отдать им Брангарда? Чтоб он всю жизнь сидел в золотом ошейнике у ног этой кошечки? Рысям не нужен вождь, им нужен супруг для их наследницы! Я не отдам своего сына Котам в домашние зверушки!

– Своего сына, значит? – очень тихо переспросил Хольм, чувствуя, как сознание застилает алый туман ярости. – А я – кто? Меня можно им отдать?

«Только бы не сорваться, – тревожно стучало в висках. – Только бы не выпустить на волю то, с чем сам не смогу совладать. Иначе я докажу правоту Сигрун, что не могу управлять своим зверем!»

– Ты... – начал было отец, осекся и махнул рукой. – Хольм, ты...

Он немного подождал, но Хольм упрямо молчал, глядя в упор, и вождь Волков заговорил снова:

– Ты тоже мой сын. Хольм, не думай, что ты не дорог мне. Ты кровь от крови и плоть от плоти моей любимой Махавиши... Она... была моим сердцем и душой. Сигрун – совсем другая. Но она стала мне верной женой и родила сына, я не могу не прислушиваться к ней. Да и советы ее всегда мудры. Хольм, ты же сам знаешь, что не годишься в вожди. Клык из тебя отменный, но управлять кланом – это не то, что водить дружину в походы. Брангард...

– Я все это знаю, отец, – прервал его Хольм так же негромко. – Скажи мне что-нибудь новое. Брангард – будущий

вождь Волков, разве я когда-нибудь спорил с этим? Ты думаешь, я подниму меч против брата? Он мне дороже самого себя! Я и не хотел никогда иного удела, кроме звания Клыка. Но ты даже этого хочешь меня лишить? Брангарду, значит, не место у ног Рыси, а мне?

– Ты... знаешь закон, – с трудом проговорил отец. – Вождь передает клан самому достойному из сыновей, но как выбрать между тобой и Браном? Кого бы я ни назвал, будут недовольные. На Брангарда разве что не молятся купцы и ремесленники, но назови я своим преемником его – и дружина возмутится. Они хотят видеть меч вождя в твоих руках. И все правы по-своему. Я верю, что ты не встанешь против брата, но пойми, Хольм! Найдутся такие, кто решит за тебя! Ты угоден воинам. Кто-то может подумать, что если Брангарда не станет, выбор случится сам собой.

– Я не позволю! – яростно выдохнул Хольм, бросая ладонь на рукоять меча. – Никто из моих людей не ослушается!

– У тебя на глазах – да, – тяжело уронил вождь. – А если это будет стрела в спину или волчемор в кубке вина? А если кто-то, кому мил Брангард, решит, что лучше убрать тебя?

Он замолчал, отведя взгляд, и Хольм с пугающей ясностью понял, кто это может быть, хотя отец скорее проглотит язык, чем назовет имя. Но сообразить легко...

– Тебе же она по сердцу, – мягко и очень виновато проговорил отец. – Куда сильнее, чем Брану, я ведь тоже не слепой. Ну хочешь, я сам с ней поговорю? Постараюсь убедить, что

ты будешь славным мужем наследнице и будущей хозяйке клана. Щитом и мечом, верной и надежной опорой. Хольм, видит Мать-Волчица, не стоит тебе здесь оставаться... Клан расколется пополам, и будет кровавая свара, пока не останется только один из вас. А можете и оба полечь... У Рысей тебе придется несладко, но я верю, что ты займешь достойное место – и по праву.

– Сигрун этого не позволит, – с той же холодной ясностью отозвался Хольм, скрестив руки на груди и привалившись к стене. – Она прочит Лестану в жены Брангарду. И добьется своего, вот увидишь. Лестана согласится остаться здесь. И кому тогда ты меня подаришь, отец? С кем заключишь еще один договор? Может, мне этого не дожидаться? Возьму десятка два дружинников из тех, кто сам захочет, – все равно Сигрун моим ближним жизни не даст – и махну в Дикие Земли. Или уйду в наемники – все лучше, чем в домашние зверушки, как ты говоришь...

– Прекрати... Хольмгар-р-рд...

Хольм по памяти мог пересчитать, когда отец называл его полным именем, и это испугало сильнее, чем рвущийся из горла вождя хриплый рык. Опустив руки на покрывало, отец комкал и мял его в пальцах, и Хольм волчьим чутьем понял, что еще немного – и зверь отца вырвется на волю.

– Почему у меня порченная кровь? – спросил он, зная, что на волос от смертельной опасности, если не самой смерти. Обратни, призвавшие зверя в момент гнева, обычно собой

не владеют и делают это, чтобы напасть. — Что со мной не так? Даже Сигрун знает, а от меня ты это скрываешь?! Я хочу знать правду, отец! И я хочу, чтобы Лестана выбирала между мной и Брангардом, а не между любовью и долгом. Пусть тот, кого она выберет, едет к Рысям, а оставшийся примет клан Волков, когда придет твое время. Будь справедлив, отец! Мы с Брангардом оба это заслужили.

— Вон! — закричал отец, поднимаясь на постели, и его черты исказились. — Хочешь знать про свою кровь? Она проклята! Проклята зверем! И не старайся копать дальше, побойся гнева Матери-Прародительницы. Вон, говорю тебе! Дурной щенок...

Он упал на кровать, терзая скрюченными пальцами покрывало, и Хольм понял, что больше ничего не узнает, разве что станет причиной мучительного обращения отца и мишенью его гнева. Повернувшись, он молча вышел, от души хлопнув дверью.

Ночь уже приближалась к рассвету. Еще пара часов — и заря разольется по небу, Хольм чувствовал это всей своей сутью. Устало подумалось, что нужно вернуться к себе и поспать хоть немного...

Он свернул в коридор, ведущий к его комнате, и тут наперерез ему метнулась темная тень, а мигом раньше чутье донесло знакомый запах, горячий и терпкий. Вытянув руки, Хольм едва успел поймать кинувшуюся в его объятия девушку.

– Ингрид? – спросил он удивленно. – Что ты здесь делаешь?

– Тебя жду!

Волчица откровенно прижалась к нему, пытаясь закинуть руки ему за голову, и Хольм нахмурился. Проклятье, этого еще не хватало! Он совсем забыл... Да ему и нечего было особо помнить! Ингрид пришла к нему сама год назад, и они иногда встречались, проводя жаркие ночи, но Хольм никогда ничего ей не обещал, да и она ничего не требовала. Принимала подарки, смеялась, говорила, что делит с ним постель ради удовольствия. Последние пару недель они не виделись, и Хольм даже не вспомнил об Ингрид, вернувшись в город. Если совсем честно, он ни разу не вспомнил о ней с тех пор, как увидел Лестану...

– Ингрид, перестань, сейчас не время, – сказал он, пытаясь отстранить девушку.

Ее длинные тяжелые косы легли на его руки толстыми черными змеями, гибкое тело упорно пыталось прижаться, и Хольм чувствовал сладкий запах благовоний, мешающийся с ароматом самой Волчицы.

– Не время? – подняла она к нему красивое смуглое лицо. – А когда оно будет, время? Я видела, как ты смотрел на эту белесую кошку! Думаешь, ты ей нужен? Она с Брангарда глаз не сводит, еще чуть – и спину начнет выгибать, мерзавка драная...

– Ингрид!

Хольм встряхнул девицу, но тут же опомнился и отпустил ее плечи, сделав шаг назад. Что она себе вообразила?! С чего вообще взяла, будто Хольм ей что-то должен?

– Что – Ингрид? – негромко прорычала Волчица. – Я тебя люблю, Хольм! Я буду твоей парой! Рожу тебе детей, настоящих Волков! А она? Не позорься, Хольм, не стелись у ног этой девки! Разве нам было плохо вместе, мой вождь?

Она снова попыталась прильнуть к нему, и на мгновение Хольм вспомнил, как им и в самом деле было хорошо. Как Ингрид ласкала его, оставляя на коже отметины зубов и ногтей, как вскрикивала под ним от удовольствия, обвивая его руками и ногами, как сладко целовала и шептала горячие томные слова...

И тут же вдруг понял, что все прошло. Да, Ингрид по-прежнему была красива и желанна, Хольм видел это, как увидел бы любой мужчина. Но... желанна не для него. Девушка, стоящая перед ним, смотрящая на него со смесью злости и мольбы, была чужой. Совершенно чужой, словно они и не были никогда вместе.

– Прости, – сказал Хольм, мягко отстраняя ее. Сил на объяснения не было, да и что тут можно объяснить? Что он почему-то больше не может представить себя ни с одной женщиной, кроме одной-единственной? Глупо. Как такое можно сказать другой? – Прости, Ингрид, – повторил он. – Пусть Мать-Волчица даст тебе настоящее счастье.

Он сделал шаг назад, и лицо девушки застыло каменной

маской.

– Ненавижу, – прошипела она. – И тебя, и эту кошку. Будьте вы прокляты!

И так же быстро она кинулась прочь, только туфельки простучали гулко по пустому коридору.

«Безумный день, – измученно подумал Хольм. – А завтра – ярмарка. То есть уже сегодня и совсем скоро...»

Глава 7. Большая ярмарка

– Сколько раз в году здесь бывают ярмарки? – рассеянно спросила Лестана.

Кайса колдовала над ее волосами, пытаясь спрятать слишком высоко обрезанную прядь, и вполголоса шипела про некоторых пушистых, которые совсем не думают, что и где кромсать. Мол, не обиделась бы великая богиня, если бы получила волосы не с виска, а откуда-нибудь на затылке. Все равно там косу заплетать. А тут попробуй теперь, уложи...

– Каждый месяц, прекрасная, – учтиво отозвался Брангард.

Они с Иваром сидели за маленьким столиком у окна и ждали, пока девушки окончательно соберутся. Конечно, оделись и Лестана, и Кайса уже давно, так что ничего неприличного в этом не было. Лестана даже подкрасила глаза, тщательно следя, чтобы получилось естественно и скромно. А вот с прической немного опоздала, и не держать же было мужчин в коридоре? Ивар, во всяком случае, ничего нового не увидит, он и дома часто забегал к ней в комнату на правах родича, а Брангард...

Перед самой собой Лестана могла не притворяться, ей просто очень хотелось показаться перед Волком с распущенными волосами. Дома все говорили, что у нее не только редкий для Рысей цвет, но и красивый, похожий на расплавлен-

ное серебро, люющееся гладким и блестящим потоком. «Сама Луна тебя благословила, драгоценная моя», – говорила матушка, ласково глядя ее по голове, и Лестана привыкла гордиться этим. Хотя нередко думала, что лучше бы великая богиня благословила ее тем же, чем всех оборотней, позволив призвать своего зверя. Это был бы куда больший знак милости, чем волосы.

Зато сейчас она то и дело чувствовала быстрые взгляды, которые молодой Волк бросал на нее, отвернувшись к зеркалу. Лестана же делала вид, что выбирает украшения, хотя давным-давно решила, что наденет подарок Брангарда. Ну и цепь с медальоном наследницы, куда же без нее.

Она вдела сережки в уши, стараясь не мешать Кайсе, и полюбовалась, как серебро и жемчуг оттеняют светлую кожу... Ловко доплетя толстую косу, Кайса закрутила ее Лестане вокруг головы, закрепив шпильками так, что неудачно остриженный висок совершенно скрылся под прической. Лестана снова взглянула в зеркало, и ей показалось, что коса венчает ее, словно серебряная корона, а темно-синий шелк платья делает лицо нежнее и ярче. Дома для прогулки она выбрала бы наряд гораздо проще, а то и вовсе надела мужскую одежду, не сковывающую движения, но здесь со всех сторон устремлены десятки взглядов, и далеко не все из них добрые. Прав был Ивар, по ее виду и манерам судят не только ее саму, но и весь клан Рысей.

– Ну вот, мы почти готовы, – весело сказала Кайса, на-

девая золотую цепочку, празднично блеснувшую на ее платье, тоже шелковым, но потемнее, цвета осенних дубовых листьев.

Рыжие волосы подруга собрала на затылке в два длинных хвоста, падающих на спину. Золотисто-карие глаза с длинными и тоже рыжими ресницами, россыпь веснушек – если Лестану благословила Мать-Луна, то Кайсу при рождении поцеловал Отец-Солнце, как смеялись в Арзине. И нрав ей тоже достался веселый, солнечный... Вот бы подруга тоже нашла здесь кого-нибудь по сердцу, чтобы не пришлось расставаться!

Лестана поймала эту мысль и растерянно подумала, неужели она в глубине души уже смирилась? Неужели готова отказаться от семьи и положения наследницы ради замужества с Брангардом? А ведь он еще не сказал ей ни слова о любви. Конечно, у мужчин чувства не вспыхивают, как пожар от искры, уроненной в сухую траву, боги создали их сердце не таким чутким и отзывчивым, как у женщин. Но ведь должен он был уже понять, что нравится Лестане?

– А почему так редко? – рассеянно спросила она, чтобы хоть как-то нарушить молчание. – Ведь некоторые товары быстро портятся. Да и людям нужно делать покупки гораздо чаще.

– Леста, не будь глупенькой, – покровительственно улыбнулся Ивар. – Конечно, торговля идет постоянно, как в любом городе. Раз в месяц наши почтенные друзья Волки

устраивают большую двухдневную ярмарку для купцов из дальних кланов.

Краска бросилась Лестане в щеки, и она прикусила губу изнутри, чтобы не одернуть Ивара, выставившего ее душой. Разве она всего этого не понимает? Ее воспитывали как будущую правительницу города, а не как повариху или служанку! И спрашивала она совсем не об этом! Вот зачем Ивар вечно врывается в чужой разговор, когда его не просят?

– Я думаю, госпожа Лестана спрашивала не о повседневной торговле, – негромко и с едва заметной укоризной ответил Брангард, снова кидая быстрый взгляд в их с Кайсой сторону. – У нас молодой город, вокруг не так уж много деревень, и многие Волки подолгу охотятся в лесах, а в город приходят только на ярмарку, чтобы продать добычу и пополнить припасы. Купцам тоже удобно приезжать не слишком часто и в определенный день, тогда выбор товара больше. То, что быстро портится, у нас и вправду продают на рынках в любое время, а ярмарка – это случай купить и продать что-то дорогое или редкое.

Лестана ответила ему молчаливым благодарным взглядом, чувствуя, как щеки предательски горят. А Ивару она еще припомнит! Родич и советник должен подчеркивать перед Волками ее ум, а не вести себя так, словно Лестана – несмышленный котенок!

Рядом фыркнула Кайса, словно прочитав ее мысли, и уже открыла было рот, как в дверь постучали. Громко и очень на-

стойчиво. Брангард и Ивар, переглянувшись, вскинули брови, показавшись вдруг удивительно похожими, но не внешностью, а неуловимым выражением лица. Встав, молодой Волк подошел к двери, открыл ее и слегка растерянno поинтересовался:

– А вы что здесь забыли?

Любопытная Кайса немедленно высунула нос из-за спины Лестаны, которой тоже очень хотелось посмотреть, кто пришел, но она не решалась. Воспитанная девица не проявляет нетерпения!

– Ой... – с каким-то подозрительным восхищением протянула Кайса, уже подобравшись к двери. – Вот это красавицы!

– Госпожа Кайса! – взмолился кто-то невидимый. – Окажите любезность пойти со мной на ярмарку?

– Да-да, окажите, – поддержал его второй, чуть басовитее. – Только не с ним, а со мной.

У двери явно происходило что-то невероятное, и Лестана решительно подошла, а Брангард, напротив, отступил в комнату, что-то фыркнув, словно был не Волком, а самым настоящим Котом. Кайса подбоченилась, задрав голову, и посмотрела на пришельцев снизу вверх, но так важно, что Лестана едва не приснула – она наконец разглядела, кто стоял с той стороны порога.

Двое здоровенных Волков, похожих друг на друга, как родные братья... Впрочем, братья как раз бывают очень раз-

ными, уж теперь это ей хорошо известно! Долговязые парни, черноволосые, желтоглазые и одетые в кожаные куртки и штаны, укрепленные костяными пластинами. На поясе у обоих красовались нарядными ножнами мечи-близнецы с простой деревянной рукоятью, а за спиной на ремнях висели маленькие щиты, краем выглядывая из-за плеча. Похоже, парни из младшей дружины, если даже в праздничный день носят доспех, а само оружие недорогое и одинаковое, только ножны разные.

Господин Арлис, Коготь дружины Рысей и давний друг отца, как-то уронил при Лестане, что хороший воин будет ходить в домотканой одежде, но меч закажет по своей руке у лучшего кузнеца. Дружинные обычаи Лестану никогда не интересовали, но эти слова она запомнила...

Однако самым заметным у Волков было не снаряжение, а их лица со следами недавней драки. У левого, что чуть пониже, нос распух и превратился в сизую грушу, а правый, повыше, щеголял подбитым глазом, щелочку которого окружала багровая опухоль. Лестана сразу поняла, почему ехидная Кайса назвала парней красавцами, и старательно сдержала улыбку.

– Доброго утра, госпожа Рысь, – благонаравно поздоровались с нею оба Волка и тут же снова с восторгом уставились на Кайсу, словно Лестаны рядом и не было.

Это что же, они пришли звать Кайсу? На ярмарку? Лестана удивленно глянула на Брангарда, тот невозмутимо пожал

плечами, и легкая улыбка снова скользнула по его красивым губам.

– Даже и не знаю... – задумчиво протянула любимая подруга, придирчиво разглядывая явно смутившихся под ее взором претендентов. – Парни вы, конечно, видные... – Оба Волка гордо приосанились и расправили плечи. – Воины, наверное? Из дружины? – Волки кивнули так слаженно, словно долго тренировались. – Но как выбрать-то? – почти жалобно закончила Кайса, и Лестана посочувствовала Волкам, еще не знающим, с кем связались.

– А ты обоих бери, – тихонько подсказала она, мстительно вспомнив совет Кайсы. – Оба ведь хороши...

– И возьму! – невозмутимо заявила Кайса, снова окидывая Волков оценивающим взглядом, словно рачительная хозяйка – купленные на рынке окорока. – Нас, таких красивых, охранять надо! Один зорко видит, второй зато славно чует... Хорошо, что лапы у обоих целые. Целые ведь? – прищурилась она, придирчиво разглядывая обескураженных ухажеров, а потом махнула рукой, заявив: – Ну, идем, а то на ярмарке все без нас купят. Это ж теперь можно четыре корзины всякого вкусного набрать! – добавила она мечтательно. – Раз уж вас целых двое, таких больших и сильных...

Лестана не выдержала и хихикнула, тут же снова приняв серьезный вид и подумав, что довольно заулыбавшиеся Волки, если Кайсе понадобится, еще и по третьей корзине потащат – в зубах! Ивар неодобрительно нахмурился – он вооб-

ще шутки Кайсы не любил. А Брангард усмехнулся и заявил, поправляя манжеты щегольской коричневой рубашки, шитой золотом, словно они с Кайсой сговорились одеться одинаково:

– Госпожа Кайса, не стоит беспокоиться. Вряд ли найдет-ся еще один безумец, чтобы обидеть вас и госпожу Лестану. Второй раз мы с Хольмом такого не допустим.

С Хольмом? На Лестану словно подуло студеным ветром, она зябко повела плечами. Действительно, не стоило и ожидать, что ее с Брангардом оставят наедине, но неужели так необходимо везде таскать за собой мрачного старшего Волка, из глаз которого даже в человеческом облике глядит хищный зверь...

Ярмарка оказалась недалеко, даже не пришлось брать лошадей. Длинная прямая улица, окаймленная по обе стороны пышными липами, вывела к огромной площади, издалека бурлящей многоголосьем звуков, от которых Лестана слегка поморщилась, а Кайса и вовсе потерла уши ладонями.

– Вот, большой торговый день! – с гордостью сказал один из Волков, словно ярмарка принадлежала лично ему, а Брангард с улыбкой кивнул.

– С непривычки здесь шумно, – добавил он мягким извиняющимся тоном. – Но скоро станет потише. В первый день торговля не такая уж большая, все только прицениваются. Встречают старых друзей, обмениваются новостями... В какие ряды угодно пойти прекрасным девам?

– Что за вопрос? – усмехнулся Ивар. – Это же девы! Лестана, хоть наши хозяева и были так любезны, что возместили тебе потерю, но я тоже хочу порадовать свою сестрицу. С чего начнем, с украшений или тканей? А может быть, с благовоний?

И снова горячий неприятный комок злости поднялся откуда-то изнутри Лестаны, мешая обрадоваться. Ивар, конечно, просто хотел сделать ей приятное, но как у него снова получилось, что Лестана – легкомысленная девица, думающая только о нарядах и побрякушках? А скажи, что ей досадно, двоюродный братец поднимет узкие рыжеватые брови, глянет удивленно и сам еще расстроится – он ведь желал как лучше! Какую девушку не порадует узорчатый шелк, мягкий бархат или драгоценное ожерелье? Да Лестана бы тоже обрадовалась, но...

– Господин Брангард, – попросила она, старательно не замечая обиженно поджатых губ Ивара. – Покажите нам, чем торгуют Волки? Я хотела бы увидеть то, что можно купить именно здесь.

– С радостью, прекрасная, – легко поклонился Брангард и снова улыбнулся. – Правда, ваш любезный брат вряд ли найдет в этих рядах достойный вас подарок. Дорогих тканей и украшений мы не делаем. Но отчего бы не посмотреть?

Он первым прошел под грубо сложенной каменной аркой, отмечающей границы площади, и Лестана с Кайсой пошли следом, крепко взявшись под руки. Новоявленные ухажеры

Кайсы на несколько мгновений замялись, каждому хотелось идти рядом с ней, но сразу у обоих это не получалось, и Волки, незаметно, как они думали, пихнув друг друга плечами, наконец зашагали сбоку от Кайсы. Один – немного впереди, второй – чуть позади. Кайса шла молча и с невозмутимым лицом, только в глазах у нее плясали смешливые янтарные искры.

А Брангард... Он оказался рядом с Лестаной, так близко, что она почувствовала тонкий запах благовоний. «Наверное, это от рубашки, шелк хорошо держит ароматы, – в сладкой растерянности подумала Лестана, надеясь, что хоть сейчас не покраснеет. – И как же приятно, что он любит чистоту, как и Рыси. Никакой тени собственного запаха, ничего резкого и острого, даже волосы словно сами собой уложены мягкими гладкими волнами. Не то что...»

Она одернула себя, ведь решила даже в мысли не пускать Хольма, чтобы не портить себе настроение. Не думать о старшем сыне вождя, словно его вовсе нет!

– Прекрасная, вас что-то беспокоит? – негромко и участливо спросил Брангард, пока они шли между длинными рядами, где торговали едой.

Копченые и вяленые туши, связки птицы и рыбы, глиняные и деревянные бочонки с колбасами, залитыми жиром. Здесь пахло так вкусно, что у Лестаны голова закружилась, а рот наполнился слюной. Зря она утром съела один только пирожок, торопливо запив его молоком. Сейчас бы во-о-он

той грудинки... Запустить в нее зубы и жадно жевать, урча от наслаждения... И никаких драгоценностей с шелками не надо! А соблазнительные ряды все никак не кончались, и Лестана испугалась, что вот сейчас у нее неприлично забурчит в животе, а у Волков слух не намного хуже, чем у Рысей. Позору-то будет!

– Нет, ничего, – торопливо ответила она, пытаясь отвлечься от умопомрачительных запахов со всех сторон. – Я... плохо спала сегодня ночью.

И поняла, что сказала правду. Тяжелые страшные грезы, забывшиеся после пробуждения, вдруг всплыли в памяти так резко, что Лестана даже забыла про голод. Жуткий волчий вой, мелькающие между деревьев силуэты...

– Вас кто-то побеспокоил? – нахмурился Брангард.

– Нет-нет!

Лестана отчаянно искала слова, чтобы он понял: ничего особенного не случилось, но ей приятна его забота.

– Мне снились волки, – сказала она, стараясь, чтобы это прозвучало беззаботно. – Ничего удивительного, правда? А я во сне была рысью и хотела залезть на дерево, но, как назло, не могла...

– Вы были рысью? – просиял Брангард, словно она сказала что-то очень приятное. – Это же прекрасно! Значит, ваш зверь зовет вас! Он ищет вас и вот-вот придет. Это чудесная новость, госпожа Лестана! Я думаю, у священного озера Мать-Луна услышала ваши просьбы.

– Ой, Леста, правда? – повернулась к ней Кайса, тоже радостно расширив глаза. – Отличный знак! Я слышала, зверь всегда приходит сначала во сне. Я-то сама не помню...

Действительно, Кайса, как знала Лестана, впервые превратилась еще совсем крохой и в такую страшную минуту, что Лестана поспешно сжала ее ладонь, отвлекая подругу от воспоминаний.

– Хорошо бы! – выдохнула она.

Теперь жуткий сон уже не казался таким мрачным! Если и правда это ее зверь зовет человеческую суть...

– Братец! – обернулась она к Ивару, идущему рядом и чуть позади. – Ты ведь тоже долго не мог призвать зверя. Он тебе снился? – И смутилась, добавив: – Прости, что напоминаю.

– Ничего, – ровно откликнулся Ивар. – Да, я тоже сначала увидел Рысь во сне. Точнее, себя – Рысью. Хороший знак, сестрица, да благословит тебя Луна.

Он ободряюще улыбнулся, и Лестане стало стыдно, что она так часто обижается на Ивара. Он ведь и правда ее любит. А что иногда относится снисходительно, ну так это потому, что считает ее младшей сестрицей. И он действительно старается заменить ей брата, хотя... Нет, конечно, Эрлиса никто не заменит! Но об этом тоже не стоит думать, а то она снова расплачется... Ивар – тоже ее брат! Пусть и не родной, но так ли это важно, если он заботливый и любящий? Вот Кайса ей по крови вообще не родная, ни на капельку – и что?

Лестана не пожелала бы себе никакой другой сестры, кроме нее.

— А вот и наши ряды!

Брангард взмахнул рукой, обводя длинные, уходящие на другой конец площади прилавки, заваленные связками меха... Лестана видела заячьи, лисьи, медвежьи и барсучьи шкуры. Не было только волчьих — но это и понятно, никто не станет в здравом уме охотиться на ближайшую родню. Иногда богиня посылает оборотню поединок с его родовым зверем, но не ради еды или наживы, а только священным ритуалом.

Здесь тоже заманчиво пахло, и Лестана смутно поразились, как у нее почему-то поменялись вкусы. Никогда запах дубленой кожи или выделанного меха не казался ей таким уж приятным. Но сейчас... Рот почему-то снова наполнился слюной, стоило разглядеть на ближайшем прилавке связку белоснежных заячьих шкурок... Да что же это такое? Ведь не мясо!

Ее будто погладили мягкой пушистой лапой по спине, игриво и легко. И Лестану осенило! Рысь! И вправду ее Рысь рядом, она торопится к своей человеческой половинке...

Словно замороженная, Лестана двинулась к прилавку, не обращая внимания на торговца, запустила пальцы в нежный белый мех. Наверное, ей должно было стать стыдно, но человеческие чувства вдруг отступили далеко-далеко, а пальцы напряглись, и на миг Лестана увидела, как они удлиняются

изогнутыми острыми когтями...

Она встряхнула головой – наваждение спало – и смущенно улыбнулась немолодому седовласому Волку, стоящему за прилавком.

– Ах, какая красавица! – расплылся тот в улыбке. – Ты же кошечка, верно? Мой старый нос меня не обманывает? Какая светленькая Рысь, просто снежинка! Что, зайчатинки захотелось? Для такой красавицы лучшие шкуры! Сошьешь себе шубку, будешь еще краше! А может, ну их, этих зайцев? мех зимний, но ведь бросовый. Смотри, что у меня есть! Для девушки с такими глазами только самое лучшее!

На прилавок легли мягкие темные шкурки, в солнечных лучах заиграв золотистыми бликами. Соболь! Редкого окраса, дорогой! Торговец гордо улыбался, пока Брангард и Ивар со знанием дела мяли шкурки, оценивая выделку, а парни из Волчьей дружины насупились, даже не подходя к прилавку. Похоже, их жалованья на шубку из темного соболя не хватило бы.

Лестана растерянно улыбнулась. Соболь был прекрасен, но заячью шкурку из рук выпускать не хотелось. Просто не хотелось – и все! Кайса, сообразив, что с ней творится что-то неладное, мягко забрала несчастный меховой лоскут из ее пальцев, шепнула на ухо:

– Леста, все хорошо? У тебя вид, будто ты сейчас этого зайца зубами...

Лестана почти с ужасом помотала головой. Нет! Она,

конечно, ждала свою Рысь с нетерпением, но представить, только представить, что она, высокородная девушка, наследница клана и образец для подражания, поведет себя как дикий зверь? Что сказала бы матушка?!

– Так! – неожиданно решила Кайса. – Срочно кормить! И чтоб ни слова о приличиях, понятно? Эй, господа Волки!

Она обернулась к восторженным дружинникам и приказала:

– Спасите двух голодных девиц кусочком мяса! А еще хлебешка свежего... ну и чего сами придумаете. А то вас покусает. Р-р-р-р-р!

Парни ошалело уставились на грозно рычащую Кайсу и так же слаженно расплылись в умиленной улыбке, а потом вдруг исчезли в толпе. Лестана подняла ладони к щекам, мечтая провалиться сквозь землю, потому что Ивар с Брангардом, бросив мех, обеспокоенно повернулись к ней.

– Ничего... – проговорила она. – Это так...

Снова закружилась голова, и Лестана вцепилась в локоть Кайсы, а потом рядом вдруг оказалась высокая деревянная скамейка, на которую ее чуть ли не силой усадил Брангард. Седовласый Волк вытащил из-под прилавка какой-то сверток, развернул, и Лестана чуть не заплакала – от куска мяса, зажатого между двух тонких лепешек, поплыл сводящий с ума запах.

– Ешь, кисонька, – протянул ей торговец еду. – Совсем бледненькая, разве так можно? Зверя нужно хорошо кор-

мать, иначе он тебя изнутри грызть начнет. Ешь скорее!

Не в силах отказаться, Лестана дрожащими пальцами приняла угощение и вцепилась в него зубами. Это оказалось самое вкусное мясо в ее жизни! Полусырое, лишь слегка прокопченное в каких-то душистых травах, жирное и мягкое... Никогда ей нравилась такая еда! А сейчас Лестана едва сдерживалась, чтобы не урчать и не выть над ней, как дикая кошка. Мое-у-у-у... мяусо-оу... мау-у-уло...

Опомнилась она только, когда последний кусочек стремительно провалился в желудок. Вытерла блестящие пальцы поданным Кайсой платком и жалобно обвела взглядом своих спутников. Кайса широко и радостно улыбалась, Брангард... на его губах тоже была улыбка, сдержанная, но теплая. Глаза Ивара блестели ярко, как два янтаря...

– Ну наконец-то! – выдохнула Кайса и погладила ее по голове, словно ребенка. – Спорим, и пары дней не пройдет, как ты обернешься?

– Это же... все Рысь, да? – прошептала Лестана, сгорая от стыда, и Кайса кивнула.

Пока Лестана, спохватившись, вытирала губы уже собственным платочком из поясной сумочки, примчались Волки. Заглядывая Кайсе в глаза и разве что хвостом не виляя, да и то лишь потому, что в этом облике его не было, они гордо предъявили корзину снеди, которой хватило бы на дюжину голодных оборотней. Лестана только вздохнула, глядя, как подруга деловито копается в копченой грудинке, кусках

окорока и самых разных колбасках... Вот кому бы управлять кланом! И как только Кайсе удастся командовать окружающими так, что они готовы наизнанку вывернуться, лишь бы ей угодить? И, главное, с удовольствием!

От принесенного Лестана, конечно, отказалась. Взяла только большое спелое яблоко, чтобы не обижать старавшихся парней, но и его украдкой сунула в сумочку-кошель. Кайса же, одоббив принесенное, мгновенно нашла какого-то парнишку и велела отнести корзину во дворец, пояснив:

– Вечером съедем! – И милостиво добавила своим поклонникам: – Вы тоже приходите.

За всей этой суматохой Лестана едва заметила, как Брангард о чем-то переговорил с торговцем, спасшим ее от голодного обморока, а потом поймала обеспокоенный взгляд Ивара.

– Может, вернемся? – тихо спросил братец, но Лестана упрямо покачала головой.

– Хочу увидеть ярмарку, – сказала она с неизвестно откуда взявшимся упрямством. – Все хорошо, Ивар!

Поблагодарив улыбкой и доброго Волка, и молодых дружинников, она встала и с удивлением поняла, что чувствует себя великолепно! Какая там слабость? Ей бы сейчас попрыгать, побегать, поваляться по травке... Кажется, нужно быть очень осторожной, чтобы отделять свои желания от стремлений зверя!

Они прошли до самого конца длинного ряда, и Лестана с

восторгом разглядывала все вокруг, наслаждаясь обострившимися чувствами. Звуки, краски и запахи сливались воедино, и казалось, что если она закроет глаза – и тогда все останется ясным... За рядами мехов пошли прилавки с уже готовыми изделиями. Пояса и ножны, кошельки, шкатулки, обувь... Лестана просто любовалась, а Кайса вцепилась сначала в сундучок из тисненной кожи, а потом замерла возле костяной мозаики с играющими на дереве белками. Но когда она потянулась за кошельком, Брангард возмущенно возразил:

– Госпожа Кайса! Как можно? Вы наша гостья, и я счастлив, если вам что-то приглянулось!

Однако свой кошелек он достать тоже не успел. Два Волка, что так и таскались за Кайсой, блестя голодными влюбленными глазами, чуть не устроили драку за право купить ей картину. И устроили бы, если б Кайса, зашипев на обоих, не ткнула пальцем сначала в мозаику, потом в приглянувшийся сундучок. Волки понятливо кивнули и попытались вручить ей мгновенно купленные подарки, но Кайса изумилась:

– Я что, сама это понесу? Когда рядом большие сильные мужчины?

Лестана снова сдержала хихиканье и подумала, что страшнее Кайсы зверя в лесу все-таки нет! И в лесу, и дома, а уж на рынке!

Хорошее настроение вернулось окончательно, и, когда они вышли на большую площадь, в одном конце которой

столпились оборотни и люди вперемишку, Лестана первая спросила:

– А там что?

– Там стреляют из лука, – отозвался Брангард. – Хотите посмотреть?

Лестана хотела. Дома она ходила на воинские состязания, потому что наследница клана должна знать своих защитников, но нравилось ей не все. Поединки на мечах, даже учебные, казались опасными до дрожи, сердце замирало от сверкания стали, зато стрельба из лука – это красиво!

Толпа послушно расступилась, повинувшись негромкому приказу Брангарда, и Лестану с Кайсой и Иваром пропустили к самому краю ристалища. В одном его конце стояли самые разные мишени, в другом – стрелки, среди которых она увидела Рысей, приехавших в ее охране. Гваэлис как раз натягивал лук, и, когда его стрела вонзилась в мишень, толпа одобрительно зашумела. Однако высокий Волк, стоящий рядом с ним спиной к Лестане, поднял лук и небрежно, почти не целясь, выстрелил, попав ближе к середине. Зрители снова загомонили, а у Лестаны екнуло сердце – этого Волка она узнала бы и со спины, и в темноте и даже, наверное, с закрытыми глазами. Просто чтобы держаться подальше!

– У вас хорошие стрелки, – учтиво сказал Брангард, когда Гваэлис, оставив лук на подставке, отошел в сторону.

– Недостаточно хорошие, – хмуро отозвался Ивар. – Похоже, придется мне попробовать.

– Перестрелять Хольма? – удивился Волк с разбитым носом. – Наш Клык родился с оружием в руках!

Но Ивар уже решительно пошел в сторону стрелков. Схватившись, Лестана последовала за ним, потому что толпа явно была на стороне хозяев – пусть Ивар чувствует хотя бы ее поддержку. А если ему удастся поставить на место надменного Волчару... Мать-Рысь, пусть так и будет!

Брангард, Кайса и ее два сегодняшних хвоста-ухажера подошли, когда мрачный Хольм слушал негромко говорящего Ивара. Коротко кивнув, Волк махнул рукой, и два паренька бегом унесли старые мишени, поставив новые. Ивар подошел к подставкам с разными луками, взял один, попробовал натянуть, но вернул его на место и снял другой. Наконец, выбрав, он вернулся на линию выстрела.

Зрители с интересом притихли, а Лестана сцепила перед собой ладони, горячо желая победы брату. Ивар поднял лук, наложил стрелу... Свистнула тетива, и стрела задрожала оперением в темном «яблочке» мишени. Еще одна – и снова в «яблочко». Кивнув, Ивар что-то сказал, и мишень опять поспешно заменили, поставив ее несколькими шагами дальше. Лестана хотела бы спросить, почему Хольм не стрелял, но вовремя сообразила, что брат просто пробовал незнакомый лук, а состязание начнется только теперь.

Оба стрелка стояли к ней спиной, но даже так было понятно, насколько они разные. Волк в кожаных штанах и той же самой синей рубашке, в которой был на пиру, широко-

плечий и рослый, с небрежно завязанными в хвост черными лохмами. И тонкий изящный Ивар, затянутый в темно-зеленый шелк и золотистую замшу, сияющий на солнце гладкими светло-рыжими волосами, заплетенными в длинную мужскую косу. Кажется, Лестана еще никогда и никому так не желала победы, как сейчас – брату!

Впрочем, первые выстрелы показали, что Волк и Рысь равны. Ивар целился чуть дольше, красиво вскидывая лук, Хольм стрелял быстро, словно торопился. И после каждого выстрела мишень отодвигали, а толпа гомонила громче, мгновенно затихая, когда соперники накладывали стрелу на тетиву. Еще выстрел! И еще на несколько шагов мишень дальше. Лестана, будто замороженная, следила за движениями стрелков.

– А Кот хорош, – одобрительно сказал один из дружинников. – По виду и не скажешь, что воин. Только Хольм все равно победит, недельное жалованье ставлю!

«Можно подумать, воин должен быть страшным и мрачным, как ваш предводитель», – сердито подумала Лестана и покосилась на Брангарда.

– Ага, поищи дурака – против нашего Клыка ставить, – отозвался второй.

Мишень уже отодвинули до возможного предела, и Лестана увидела, как Ивар что-то говорит сопернику, а тот отрицательно качает головой. Неужели сдается?!

Томимая любопытством, она принялась пробираться по-

ближе по краю толпы и, наконец, остановившись в нескольких шагах от стрелков, расслышала:

– Последний раз! – горячо упрасивал всегда спокойный Ивар. – И не по этой мишени, а по яблоку! Ставлю... да хоть бы свой кинжал!

Он тронул рукоять дорогого охотничьего кинжала, с которым никогда расставался. Позолоченная рукоять, лезвие работы лучшего кузнеца Арзина... Ивару не особенно хорошо давался бой на мечях, но в стрельбе из лука и метании ножа равных ему не было даже в старшей дружине, а этот кинжал был его любимой игрушкой.

– Зачем? – хмуро поинтересовался Хольм. – Это достойная ничья. – И добавил так равнодушно, что Лестана не поняла, издевка это или Волк просто чудовищно уверен в себе: – Да и ножей у меня хватает.

– Струсил? – азартно спросил Ивар, и старший наследник волчьего вождя поморщился в ответ на гул вокруг – не только Лестана слышала этот разговор. – Мой кинжал против... чего угодно. Да хоть бы твоего пояса! Если проиграешь, одолжу свой, чтобы штаны не упали!

В толпе послышались смешки. Лестана только сейчас заметила, что пояс на Волке действительно нарядный, из чеканных серебряных бляшек. А вот кожаные ножны, потертые и будто пожеванные, к нему никак не подходят. Интересно, какой у предводителя Волчьей дружины меч? Клык – это ведь то же самое, что у Рысей Коготь? И не слишком ли

молод Хольм для такой важной должности?

Рядом возмущенно засопели дружинники, а тот, что с подбитым глазом, не выдержал и крикнул:

– Хольм! Надери Коту хвост!

И тут же виновато покосился на Кайсу, но та, будто не услышав, грызла яблоко, запасливо утянутое из корзины, и разглядывала стрелков.

– Хольм! Хольм! – слышалось из толпы, и Волк передернул плечами, еще сильнее помрачнев.

– Как знаешь, – бросил он Ивару. – Пошлешь за своим луком или будешь из этого стрелять?

«Великодушное предложение, – с удивлением подумала Лестана. – Конечно, с привычным оружием Ивару было бы гораздо легче. Наверное, Хольм просто боится, что его победу сочтут нечестной?»

– Из этого, – согласился Ивар. – Ну так что, на заклад?

– Как знаешь, – хмуро повторил Хольм и отвернулся к мишеням.

Те же парнишки убрали их и вынесли два шеста, которые воткнули в песок, а на свободные концы насадили два яблока. В точности такие, как сейчас упоенно грызла Кайса, и вроде бы одинаковые. У Лестаны пересохло во рту, и она тоже съела бы сейчас что-нибудь сочное, но боялась отвлечься. Толпа шумела, там бились об заклад на Хольма и Ивара, причем почти все – на Волка. Хольм что-то сказал парню, который ставил ему яблоко, но что именно – Лестана не рас-

слышала. Вроде бы: «Как обычно»...

– Не расстраивайтесь, прекрасная, – прошелестел над ее ухом голос Брангарда. – Мой брат – отменный стрелок, такому проиграть не стыдно.

– Ивар – тоже, – обиженно сказала Лестана. – С чего вы взяли, что он проиграет?

– Я знаю Хольма, – вздохнул Брангард. – Ваш родич хорош с луком, но его жизнь вряд ли когда-нибудь зависела от удачного выстрела. Он не воин. А Хольм – да.

Лестана закусила губу, чтобы не начать спорить. Не хочется, да и неучтиво. Ну же, Ивар, пожалуйста! Прошу тебя!

Ивар медленно и плавно поднял лук с наложенной стрелой. Яблоко казалось таким маленьким! Но Лестана видела, как на соревнованиях братец сбивал и меньшие мишени. Только бы ветер был благоприятен! Только бы... Она затаила дыхание. Звон тетивы! И верхушка шеста лишилась яблока!

Лестана чуть не взвизгнула от восторга! Ивар – лучший!

Толпа то ли разочарованно, то ли восторженно загудела, а Хольм вытащил из колчана, вкопанного в песок, сразу две стрелы. Одну наложил на тетиву, вторую взял поперек зубами. Что он делает? Не надеется на один выстрел? Но так же нечестно!

Зрители замерли, как один. И тут Лестана увидела, как парнишка-помощник взмахнул рукой, и в воздух по широкой дуге взлетело яркое красное яблоко! И тут же Хольм вскинул лук. Звон! Яблоко, пронзенное в полете стрелой,

разлетелось в клочья, но не успели они упасть на песок, как второй звук спущенной тетивы почти слился с первым, и второе яблоко слетело с верхушки шеста.

Мгновение тишины... А потом толпа заорала так, что Лестане захотелось прикрыть уши!

– Ничего себе, – восхищенно сказала Кайса. – Вот это Волчок...

Дружинники-Волки хлопали друг друга по плечам от избытка чувств, а у Лестаны на глаза навернулись слезы. Не отводя взгляда, она смотрела, как Ивар снимает с пояса кинжал и отдает его Хольму, как Волк качает головой, отказываясь, но потом все-таки берет выигрыш... И как он поворачивается к зрителям, явно выискивая кого-то взглядом в толпе, а глаза у него синие, словно небо, в которое улетело злополучное яблоко, и совершенно несчастные, без всякой радости от победы.

Глава 8. Кровь на песке

Вокруг шумели, поздравляя Хольма, Волки и гости города, молодой Кот старательно улыбался, делая вид, что ему совершенно не обидно, а выигранный кинжал почему-то неприятно холодил руку. Баланс у него, правда, был отличный, да и сталь отменно хороша, но очень уж нарядная и не к месту блестящая рукоять. Упадет на такую в ночной засаде луч луны – и роскошный ножик запросто выдаст владельца. Впрочем, для пиров – самое то, наверное. Пирог там разрезать, перед соседом покрасоваться...

Хольм повертел выигрыш в руках и небрежно сунул за пояс, хотя с удовольствием вернул бы его родичу Лестаны. Нехорошо вышло, он в самом деле не собирался обыгрывать Ивара. А, ладно, будет Коту хороший урок, что на любое мастерство найдется свой соперник. А нож ему Хольм другой подарит, нужно только выбрать в клановой оружейной что-нибудь красивое и яркое, как детская игрушка. И позолоты побольше!

Он огляделся и успел увидеть расстроенное лицо Лестаны, возле которой, конечно же, стоял Брангард. На душе и вовсе кошки заскребли, наверняка Рысь обиделась из-за родича. Но с этим уже ничего не поделать. Если бы Ивар честно выиграл, Хольм первый поздравил бы его с победой, но поддаваться на виду у всего города не собирался. Он сын во-

жда и Клык волчьей дружины, за ним следят сотни глаз, и далеко не все из них добрые.

Кстати, Росомаха наверняка ведь где-то рядом. Но пока не показывается, ждет удобного момента. Хольм досадливо подумал, что надо было отправить кое-кого из дружины на поиски. Кого-нибудь матерого и молчаливого, кто потом не станет болтать, что Клык ждал вызова на поединок, раз искал Росомаху сам. Но на глаза, как назло, попадался молодняк, вроде Лейва и Рогволда, которые с гордым видом увивались вокруг рыженькой Рыси, подруги Лестаны.

Маленькая стайка из парочки девушек-Рысей, Брангарда и двух дружинников отошла от ристалища, и Хольм, увернувшись от желающих непременно поднести ему кубок вина за победу, последовал за ними, держась немного поодаль, но так, чтобы все видеть. Брангард смотрел на Лестану, но в его взгляде, движениях и манерах у Хольма никак не получалось, как он ни пытался, прочесть хоть что-то, кроме вежливой заботы о госте. Брат не старался как бы ненароком оказаться поближе к светловолосой Рыси, не касался невзначай ее рукава... А вот Лестана все время поглядывала на него украдкой, и с нежно-розовых губ девушки не сходила улыбка.

Хольм раздраженно повел плечами, пытаясь унять невольно поднимающуюся злость. А Брангард незаметно уводил Лестану все дальше от ристалища, показывая ей то торговые ряды, то резные деревянные карусели, с вечера по-

ставленные на площади. Возле них толпилась детвора, не только волчата, но и дети гостей. Мелькнуло несколько рыжих лисьих голов, светлые макушки русских братцев-волков из других кланов, темные вихры плотных крепышей-медвежат... Хольм снова про себя поморщился, вспомнив о драке и подслушанном разговоре. Если бы там точно не говорилось о поединке, сейчас плюнул бы на слухи и поднял всю дружину, разыскивая Росомаху. Не хватало еще, чтобы родной город топтал грязными лапами наемный убийца.

Ивар между тем догнал свою двоюродную сестру, с притворным безразличием пожал плечами, а Лестана быстрым ласковым движением коснулась его рыжих волос, заплетенных в длинную косу. У Хольма что-то сладко и томительно потянуло внутри. Если бы она так же утешала его... Да за такой сочувствующий взгляд он бы с радостью проиграл на глазах у всех!

«Ивар ей брат, хоть и не родной, – мрачно возразил внутренний голос. – Ты же не родичем стать ей хочешь, верно?»

Молодой Кот, не цenia своего счастья, досадливо откинул косу за спину, что-то буркнул... Ему ответила рыженькая подруга Лестаны, возмущенно вскинув огненные брови на круглом веснушчатом личике с узким подбородком. Обе девушки остановились возле прилавка, где торговали ярмарочной забавой, метанием яблок в цель. За прилавком на некотором расстоянии стоял еще один, где были выложены призы: сладкие булочки, резные деревянные фигурки, глиняные

кружки и прочие безделицы. Забава для детворы, но Рогволд и Лейв тут же повелись. Насыпав подскочившему торговцу медной мелочи, набрали яблок и принялись азартно швырять их в мишени, красуясь перед девушками.

Ну-ну... Хольм тоже встал шагах в десяти, спрятавшись в тень от высокой полотняной палатки, и присмотрелся. Чтобы выиграть приз, мало было просто попасть в него, следовало ухитриться, чтобы выигрыш упал в корзину, закрепленную позади прилавка, а для этого бросок требовался точный и очень сильный. Вот Лейв сбил фигурку вставшего на дыбы коня, но она, упав, осталась на прилавке, не долетев до корзины. А слишком сильным броском не хватало точности, и Волки все чаще промахивались, теряя верный прицел еще и от досады.

Лестана тронула брата за рукав, указывая взглядом на забаву, но Ивар нахмурился и покачал головой. Ну и дурень! Что так расстраиваться из-за проигрыша? Сам ведь напросился... Вот Брангард яблоки взял, и раздосадованные Волки уступили ему место, но младшему тоже не повезло. Попадал-то он метко, а вот рассчитать силу удара никак не мог. Сияющий торговец, то и дело ловя монетки, бегал от прилавка к прилавку, подавая щедрым гостям яблоки и заново расставляя фигурки, и Хольм заколебался. Он как раз мог бы сбить любой из призов, но... только не теперь, когда Ивар этого точно не простит.

И тут из-за пары степенных Барсуков, беседующих рядом

о делах, вывернулся Лисенок лет двенадцати с хитрой озорной мордочкой и стремительным ловким движением сорвал ленту, которой рыжая Рысь перевязала на затылке хвост. Хвостов, пышных, заботливо расчесанных, было два, и левый разлетелся блестящими густыми прядями, а Рысь, как же ее, Кайса вроде, возмущенно обернулась.

– Выкуп! Выкуп! – закривлялся Лисенок, размахивая перед собой шитой бисером тяжелой лентой. – Кому ленту за выкуп?

Хольм едва не рассмеялся, видя, как озадаченное выражение на физиономиях Лейва и Рогволда сменяется яростью, а потом, как по волшебству, радостным азартом. Тоже старая ярмарочная забава! Ленту, сдернутую с головы незамужней девы, отнимать силой нельзя. Но если кто-то ее выкупит у наглого прохвоста, то за возвращение владелице не грех попросить поцелуй, а деве не зазорно его дать. Хитрый Лисенок отлично все рассчитал, подыскивая добычу. У Лестаны лента плотно вплетена в косу, так просто не выдернуть. Ее подружка была неосторожнее... А три Волка и Кот, сопровождающие девиц, уж точно не ударят мордой в грязь, кто-то да заплатит.

Брангард, улыбнувшись, потянулся к кошельку, Лейв с Рогволдом зашарили по карманам, бросив на сына вождя то ли умоляющий, то ли предупреждающий взгляд. Лестана глядела на все с веселым удивлением, Ивар хмурился...

Хольм ни за что не стал бы вмешиваться. Гостью никто не

обидел всерьез, а девица она бойкая, уж как-нибудь с одним из его парней договорится. Но тут Кайса, фыркнув, протянула громко и возмущенно:

– Ах, вы-ы-ы-куп тебе!

И решительно подобрала с прилавка оставшиеся на нем яблоки.

Лисенок смотрел с любопытством, уверенный в своей безопасности, ну не будут взрослые дружинники позориться, гоняясь за мальчишкой, да и не по обычаям это. Однако Кайса повернулась к вожакам и таким недоступным призам.

– Обидеть маленькую...

Хлоп! От броска яблока большая плюшка с маком слетела точно в корзину.

– Скромную...

Хлоп! Туда же упала фигурка коня.

– Бе...

Она запнулась, словно проглотив слово, но тут же уверенно продолжила:

– Беззащитную... Рысь...

Хлоп! Хлоп! Волки, не исключая Брангарда, смотрели потрясенно, как еще две фигурки, самые сложные в добычании, слетели с прилавка.

– Всякий может! – зловеще закончила Кайса и, обернувшись к Лисенку, с очень выразительным лицом подбросила на ладошке последнее яблоко.

Крупное. И твердое, судя по виду.

«А вот убежать после этого редко у кого получается, – закончил про себя Хольм, уже не сдерживая ухмылку. – Хороша беззащитная...»

Видимо, то же самое понял и нахальный Лисенок, потому как расплылся в восхищенно-извиняющейся улыбке и с поклоном протянул сдернутую ленту. Умница, лоб целее будет.

– Вот это меткость, прекрасная! – заметил Брангард. – Не знаю, как нашим доблестным дружинникам, а мне стыдно. Вам и охрана не нужна, разве что корзинку следом носить.

– Как это не нужна? – сладким голосом пропела Кайса, снова собирая рассыпавшиеся огненно-рыжие пряди и связывая их на затылке в пушистый хвост. – Вместе по рынку всегда веселее ходить. А издалека с косой Ивара да вашей, господин Брангард, рубашкой, мы вообще как четыре подружки смотримся. И мы с Лестаной даже не самые нарядные из всех.

– Кайса! – воскликнула дочь вождя, на глазах заливаясь краской. – Ты что говоришь?!

Но Брангард, и вправду разодевшийся сегодня в коричневый, густо затканый золотом шелк, вместо обиды только рассмеялся и поднял перед собой руки.

– Сдаюсь! – воскликнул он под ухмылки Волков и неодобрительное фырканье брата Лестаны. – Ох, и зубки у вас, госпожа Кайса. Пощадите... ну хотите, сам корзинку понесу!

– Уже нашлось, кому нести, – невозмутимо ответила ры-

жая Рысь, одарив младшего брата Хольма насмешливым взглядом. – Такие молодцы, как у вас в дружине, хоть корзинку дотащат, хоть оленя. Верно, господа Волки?

– Как пожелает госпожа Рысь, – восхищенно отозвался Лейв. – Можем и оленя, запросто! Прямо из леса!

– Хм... – задумалась Кайса. – Что скажешь, Лестана? Нужен нам целый олень?

– Кайса... – проговорила наследница клана, едва сдерживая смех. – Ты невежлива! Кто же выпрашивает подарки? Следует радоваться всему, что тебе принесут с охоты! Хоть оленю, хоть зайчику...

И лукаво посмотрела на Брангарда, словно ожидая его одобрения. Хольм стиснул зубы – ему показалось, что взгляд серебристо-серых глаз Рыси погладил младшего, словно мягкая кошачья лапа.

– Еще чего! – возмутилась рыжая Кайса. – А если мне заяц не нужен? Да и олень еще нужен не всякий, а, например, я хочу важенку двух-трех лет на зимние сапожки? А мне как начнут таскать все, что попадется! Нет уж, я лучше сразу объясню. И мне проще, и охотникам за лишними зайчиками бегать не придется.

– Очень разумно, – согласился Брангард и глянул на подругу Лестаны с веселым, но искренним уважением.

«А я бы принес тебе хоть сотню оленей, – подумал Хольм с той же сладкой тоской, что пробирала его насквозь при одном взгляде на тонкую гибкую фигурку, затянутую в тем-

но-синее платье и увенчанную короной из белокурых волос. – И выбирай сама, что пожелаешь... А потом уткнулся бы мордой в колени и долго не перекидывался в человека, дыша твоим запахом и ожидая прикосновения руки... Бран, глупец, как ты можешь смотреть на кого-то еще, когда она рядом?!»

Его вдруг словно укололо между лопаток ощущение чужого взгляда. Насторожившись, Хольм постарался незаметно оглядеться, но вокруг то и дело мелькали гости клана. Вот прошла пара тонких изящных Лисиц, красуясь рыжими шевелюрами и богатыми нарядами, вот кивнул Хольму знакомый Волк из Серых... А на душе становилось все тревожнее. Где же Росомаха?

Хольм снова посмотрел на девушек-Рысей. Лестана что-то сказала, и Лейв, расплывшись в улыбке, размашистыми шагами пошел к палатке, где продавали горячий медовый сбитень. Рогволд, ревниво проводив его взглядом, заторопился следом. Наверное, рассудил, что больше двух кружек приятель не принесет, а учтивость следует оказать и гостю-Коту, и сыну своего вождя. Правильно решил, в общем-то.

Брангард, разговаривая с Иваром, мельком оглядел палатки, дальние ряды и карусели, наткнулся взглядом на Хольма и недоуменно поднял бровь. Мол, ну и чего ты там стоишь, иди к нам? Хольм в ответ слегка мотнул головой, про себя подсадовав. Он бы с радостью! Оказаться рядом с Ле-

станой, поговорить с ней так же беззаботно, как младший... Может, он смог бы сказать, как прекрасна сегодня светловолосая Рысь!

Но пока что придется держаться подальше. Росомаха может появиться в любой момент, и лучше, чтобы Хольм встретил его один на один, не вмешивая в это дело брата и гостей. Вдруг его внимание привлек шум у палатки со сбитнем. Насторожившись, Хольм посмотрел туда, недобро прищурился и пошел к своим Волкам, которых теснили три Медведя.

– Что за шум, господа хорошие? – хмуро поинтересовался он, почти желая, чтобы Медведи дали повод наломать свои толстые шеи.

Им бы вести себя тише воды и ниже травы после того, что устроил племянник их вождя! А они – смотри-ка! – еще смеют пыжиться!

– А нечего не в свой черед за питьем лезть! – рявкнул старший из Медведей, крупный парень ростом с Хольма, но сутуловатый и с круглым сердитым лицом. – Мы раньше подошли!

– Ты еще скажи, что эту палатку при вас поставили, – огрызнулся задиристый Лейв. – И мед, наверное, пчелы вам носили? Клык! – заторопился он, увидев Хольма. – Я первый подошел! Рогволд и правда пришел после них, но я уже стоял!

– Это верно, – подтвердил сбитенщик, ловко разливая по кружкам пряный душистый напиток. – Сначала Волк, потом

господа Медведи, потом второй Волк... Не нужно ссориться, на всех хватит! Сейчас каждому налью по кружечке...

Он заулыбался, стараясь прекратить ссору, но Медведи, неприязненно глянув на Хольма, пробурчали что-то нелестное о сбитне, который здесь варят, один вроде бы пошел от палатки, но так неуклюже, что задел Рогволда плечом. Вторым оказался между возмущенным Лейвом и Хольмом, третьим...

Что-то здесь было не так. Медведи, конечно, великие любители меда, за хороший сбитень они собственный куцый хвост отдадут, но чтобы так наглеть, открыто нарываясь на ссору? Только не сейчас! Хольма вдруг молнией прошила тревога. Он упруго шагнул назад, отступая от своих дружинников и гостей, и резко обернулся. Зар-раза! Его надурили, как несмышленного волчонка! Выманили подальше от брата и Рысей! Клятые Медведи, подлое племя! Надо было вовремя подумать, что они будут играть на стороне его врага, если сами наняли убийцу!

Тонкий девичий вскрик резанул уши, но Хольм уже летел обратно, на бегу вглядываясь в то, что творилось у прилавка с яблоками для метания. Лестана! Неужели Бран позволит ее обидеть?!

Тоненький силуэт Рыси, облитый темно-синим шелком, бросился ему в глаза первым. Лестана стояла позади своего двоюродного брата, и Кот прикрывал ее плечом, рядом с ним и немного впереди замер напряженный, как тетива,

Брангард. А перед ними – невысокий жилистый оборотень с черно-белой копной длинных тонких косичек, падающих ему на спину. Кожаная одежда, широкие для такого роста плечи, длинные руки... Росомаха! Но почему там?!

– Сколько твои девки берут за ночь, Кот? – проговорил он глумливо, обращаясь к Ивару. – Плачу золотой за эту темненькую.

И небрежно кивнул в сторону Брангарда, разом побледневшего так, что его карие глаза показались огромными и темными.

Хольм не успел на пару мгновений, иначе вбил бы оскорбление обратно в наглую рожу Росомахи, не ожидая, что именно тот скажет. А вышло так, что это слышали все вокруг, и от прилавка с яблоками по ярмарочному полю поползла жуткая тишина, словно круги от брошенного в воду камня.

Но Брангард не был бы Брангардом, не попытайся он выпутаться и обойтись без драки.

– Забавно сказано, – растянул младший губы в холодном подобии улыбки. – Солнце у нас жаркое, сбитень и вино крепкие, наверное, хмель ударил тебе в голову и затуманил глаза. Бывает, за себя я не в обиде, извинись только перед нашими прекрасными гостями.

Все еще можно было исправить, сведя к шутке. Глупой и отвратительной, но шутке. И мало кто осудил бы Брангарда, решившего прилюдно проявить снисходительность к пере-

бравшему гостю. Но Росомаха оскорбил еще и Рысей, а вот этого Бран не имел права спустить ему по тем же самым законам гостеприимства.

– О, да ты и вправду не девка? – Росомаха говорил громко, издевательски, и у него отменно получалось привлечь внимание. Даже те, кто не расслышал первые слова, стягивались в большое плотное кольцо, окружая и его, и Брангарда с Хольмом, и Рысей. – Надо же, а как похож! Немудрено, что я перепутал. Хотя вот сейчас разглядел поближе и думаю: девка ты или нет, но платить золотой все равно не за что.

Для вызова на бой хватило бы сказанного раньше, но сейчас Росомаха отрезал Брангарду все пути к отступлению. Понимал это он сам, понимали Волки и гости, смешавшиеся в плотной стене вокруг. И Брангард, разумеется, тоже. Отказаться от поединка после подобного – немыслимо. Позор ляжет на весь клан, Волки потребуют изгнания Брангарда, будь он хоть наследником, хоть самым вождем.

«Какой же я дурак! – отчаянно подумал Хольм. – Не я был нужен Медведям! Росомаху натравили на Брана! Сейчас наемник его убьет, и клан будет обезглавлен. Да не в клане дело. Он мой брат! Мой младший брат, которого сейчас на моих глазах прирежут, как барана, потому что я – дурак!»

Он шагнул вперед, с ледяной смертельной ясностью понимая, что из этой ловушки выхода просто нет. Либо Бран примет бой и погибнет, либо будет опозорен. Причем в любом случае, потому что молодой здоровый Волк, позволяю-

щий кому-то другому выйти за себя в круг, не заслуживает уважения.

Может, Бран справится с Росوماхой?! Хольм сам его учил...

Да, но именно поэтому он хорошо знал пределы мастерства брата. Брангард мог победить обычного Волка из младшей дружины, но и там не всякого. Схлестнись братец с Лейвом или Рогволдом, Хольм поставил бы на его соперника. Ну не дала мать-Волчица Брану воинского таланта! Ума отсыпала щедро, только сейчас от этого толку... Умом клинок не перешибить, а на поясе у Росумахи висели в потертых кожаных ножнах два одинаковых меча. Обоерукий! Боец на парных мечах – жуткий противник!

Да и вся фигура Росумахи, даже сейчас, когда он стоял без движения, дышала опасностью. Хольм нутром чуял, что наемник быстр, ловок и умел, как любой, чья жизнь зависит от воинского мастерства. Брану и нескольких мгновений не продержаться! Если только Росумаха не пожелает, выполняя заказ, еще и развлечься...

«Бран меня возненавидит, – с той же холодной четкостью мыслей понял Хольм, делая последний шаг и оказываясь между братом и наемником. – Я сейчас унижу его так, как еще никто и никогда этого не делал, да и сделать бы не посмел. После такого дружина станет смеяться ему даже не в спину, а прямо в лицо. Конечно, когда меня не будет рядом. Но все-таки станет... Зато он выживет. Это единственное,

что по-настоящему важно».

— Брангард не даст тебе поединка, — бросил он в ухмыляющееся смуглое лицо Росомахи, исчерченное множеством шрамов. — Я запрещаю. Вместо него выйду я.

— А, так миленький Волчок все-таки девочка, что слушается мужского слова? — нараспев протянул Росомаха, насмешливо смерив их обоих взглядом.

Тишина вокруг разразилась возмущенными воплями. Орали все! И гости, и Волки, причем каждый — свое. Обострившимся слухом Хольм различал крики Медведей, те голосили, что мужчина должен стоять за свою честь непременно сам...

«Если выживу, — отрешенно подумал Хольм, — найду их и вызову каждого по очереди. И посмотрим, долго ли они простоят перед тем, как лягут...»

Волки гомонили мрачно и зло, они как раз понимали Хольма, но позор клану простить не могли...

— Хольм, не надо! — раздался рядом очень спокойный, но неувовимо напряженный голос брата. — Я выйду в круг.

— Не выйдешь! — отрезал Хольм, не поворачиваясь, чтобы не встретиться с Браном взглядом, так ему было стыдно. — Я твой старший брат. А еще — я Клык твоего клана. И приказывать мне может только вождь, а не его наследник.

Разговоры вокруг плеснули новой волной, но Хольму было все равно. Он сделал все, что мог, перед кланом и гостями признав Брана прямым наследником вождя в обход се-

бя. Одно дело – когда старший брат заступает за младшего, это понятно, однако обоим не приносит чести. И совсем другое – когда на бой идет Клык, чей воинский долг напрямую заставляет беречь вождя и его кровь. Неважно, что эта кровь у них общая.

– Хольм...

В голосе Брангарда было столько отчаянной злости, сколько Хольм никогда у него не слышал. Младший все понимал еще лучше! Выбор у него был прост: умереть под мечами Росомахи или признать, что брат спасает тебя от смерти, прикрыв собой.

И все это на глазах будущей невесты!

– Ты хотел поединка с сыном Вождя, – мягко, почти ласково сказал Хольм Росомахе, выбросив из головы все, что не касалось будущего боя. – Ты его получишь. Или проси прощения за каждое сказанное слово. На коленях.

– За хвост себя укуси, Волчок, – оскалился Росомаха, в глазах которого плескалось лютое разочарование. – А лучше сразу за яйца. Откуси и оставь их в наследство своему младшему, ему нужнее.

– Я ему твои подарю, – пообещал Хольм, которому было не до ритуальной перебранки, но что поделать, толпа жадно ловит каждое слово, каждый взгляд и жест. – Если найду их, конечно. Он на рыбалку с ними сходит, авось какой глупый карась и клонет...

В толпе слышались смешки и улюлюканье, пара доброхо-

тов торопливо чертила вокруг них с Росوماхой круг шагов на десять в поперечнике. Злое полуденное солнце пекло так, что Хольм в своей рубашке из тонкой шерсти давно вспотел, на замшевой одежде Росумахи тоже были потеки пота, однако наемник и не думал снять куртку. Он потянул мечи одновременно обеими руками, вытаскивая из ножен, и Хольму показалось, что в нос бросился запах свежей крови. Словно она уже пролилась на траву, накануне щедро присыпанную песком для чистоты.

– Лейв! – окликнул Хольм. – Щит мне дай.

Оба дружинника стояли рядом с Рысями, вид имея самый виноватый. Не уберегли от оскорбления, не оказались рядом, когда это было нужно! Лейв сорвался с места под ревнивым взглядом Рогволда, сорвал из-за спины небольшой кулачный щит и бегом его принес. Он уродился рослым, и на учебных поединках именно его щит Хольм часто одалживал, так что ремень перетягивать не придется.

– Удачи, вожак! – выдохнул дружинник тихо. – А если что... мы с ним все по очереди выходить будем! Пока не завалим!

– Заботливые вы у меня, – ухмыльнулся напоказ Хольм. – Молись лучше Матери-Волчице, чтоб он меня пришиб. Вернусь живой, будете с Рогволдом казармы месяц драить. Чтоб не подпускали близко всяких вонючек!

– Да хоть год! – истово поклялся Лейв и нырнул обратно в толпу.

Хольм взвесил привычную тяжесть, затянул ремень, которым щит крепился на руке, и медленно потянул из ножен меч. Глянул на Росомаху, с лица которого так и не сходила глумливая улыбка. И все, оставшееся за глубокой чертой, проведенной в песке ярмарочного поля, стало неважно. Есть он и враг, из круга выйдет лишь один. Правило простое, страшное и старое, как мир. «А все, что будет потом, оно только для того, кто из круга выйдет. Вот тогда об этом и подумая, – спокойно сказал себе Хольм.

* * *

У Брангарда было мертвенно-бледное и застывшее лицо, просто каменное. Лестана то вглядывалась в младшего Волка, то переводила взгляд на его брата, хищно подобравшегося напротив соперника. А Брангард смотрел только на Хольма, и в его карих глазах Лестана видела отчаяние. Злость. И страх.

Неужели он не верит в победу своего брата? Сам ведь говорил, что Хольм – опытный воин, да и разве кого-то другого поставят старшим над войском?

Лестана представила, что перед Росомахой стоит Ивар, и содрогнулась. Да она бы умерла от ужаса! Хотя за родича, хоть за любого близкого или просто знакомого... Но почему ей не страшно за Хольма?! Неужели она не желает Волку победы? Глупости, желает, конечно.

Просто ей не верилось, что Хольму что-то угрожает. Она все еще помнила, каким увидела его в драке с Медведем.

Быстрым, сильным, яростно жестоким. А Росомаха не выглядит настолько уж опасным. Он ниже Волка и уже в плечах, да еще будто нарочно горбится, кругля спину, обтянутую замшевой курткой...

Чутья Лестаны коснулся острый резкий запах дикого зверя, словно Росомаха или недавно оборачивался, или вот-вот должен был. Ее руку вдруг сильно сжали чьи-то пальцы, Лестана вздрогнула, но сразу увидела, что это Кайса, которую толпа прижала к Лестане совсем близко. С другой стороны встал Ивар, за ним и Кайсой – дружинники-Волки. Но Брангард стоял словно отдельно, и Лестане показалось, что вокруг младшего сына вождя незримая стена.

– Он ведь победит, Ивар? – тихонько сказала Кайса. – Как ты думаешь?

– Не знаю, – уронил двоюродный братец, и дружинник, что стоял рядом, метнул на него короткий неприязненный взгляд. – Соперник опасный...

«Неужели Ивар не уверен в победе Хольма? – изумилась Лестана. – Он ведь тоже видел, как Волк дерется!»

Больше всего она сейчас мучилась невозможностью подойти к Брангарду и коснуться его плеча, молчаливо напомнив о своем присутствии. Хоть как-то убедить его, что она все понимает и не считает младшего Волка трусом. Воины должны драться за своего вождя, это их обязанность, а Хольм – воин.

Но вряд ли сейчас Брангарду до нее. Или нет? Росомаха

говорил такие мерзости, Брангард может решить, что для нее это что-то значит! Или... нет? «Я ничего не понимаю в том, что происходит, – с отчаянием подумала Лестана. – Нужно было больше узнавать о воинских обычаях! А я решила, что это дело моего будущего супруга-консорта! Мать-Рысь, прошу тебя, пусть все обойдется!»

Она почти упустила миг начала поединка. Просто двое шагнули друг другу навстречу, и толпа молча выдохнула. Росомаха длинным скользящим движением уклонился от Хольма, прыгнул в сторону, и два меча в его руках засверкали длинными, смертельно опасными бликами.

Лестана не раз видела таких бойцов, очень многие Рыси предпочитают именно парные мечи, потому что это оружие скорости и точности, а не силы. Но то были дружеские поединки ради красоты боя – кто бы стал всерьез драться в присутствии наследницы клана? Росомаха был так же быстр, как и ее соплеменники, но ничуть не заботился о красоте.

Раскрутив мечи одновременно так, что они мелькали вокруг него жутким облаком, он шагнул к Хольму, но Волк выставил вперед щит – и облако сверкающей стали распалось, обрушившись на деревянный круг, обитый железом. В правой руке у Хольма был меч тяжелее и длиннее клинков Росомахи, и Лестана поняла, что Волк рассчитывает не на скорость, а на силу. Он подставлял щит под яростные атаки противника, и смертельно красивый рисунок движений Росомахи постоянно ломался, распадаясь на отдельные удары.

– Давай, Волчок! – то ли шептала, то ли стонала Кайса. – Помоги тебе Луна!

Лестана с кольнувшей сердце ревностью увидела, как Брангард бросил на подругу короткий благодарный взгляд, но тут же снова отвернулся, следя за братом. А как же она?! Она ведь тоже переживает! И желает Хольму победы! Просто не приучена выказывать при всех свои чувства, для наследницы это неприлично.

«А когда ты испугалась Хольма, то еще как это показала, – сердито и виновато сказала она сама себе. – И благодарить его потом стоило старательнее... Между прочим, сейчас он сражается не только за Брангарда, которого ты любишь, но и за твою честь».

И все-таки бояться не выходило. Вокруг была та самая ярмарка, где они полчаса назад веселились, Волки и Кайса кидали яблоки, а Брангард улыбался Лестане... И она никак не могла поверить, что в таком солнечном, жарком, вкусно пахнущем и радостном месте может прямо сейчас кто-то умереть. Сталь мечей сверкает празднично и ярко, соперники двигаются, словно танцуют...

И тут толпа слитно ахнула. Лестана увидела, что на предплечье правой руки Хольма проступает темное пятно, и догадалась, что это кровь. Но она даже не заметила удара! А Волк их отражает, от деревянного щита летят щепки, и если он ослабеет от потери крови и пропустит еще один... Если в горло или грудь... Да все равно куда!

Кайса крепче сжала ее руку, и Лестане наконец-то стало страшно. Потому что Хольм не нападал, он лишь прикрывался щитом с выпуклой бляхой, и бока у этого щита были уже изрядно посечены. Почему он не атакует в ответ? Чего ждет?! Неужели Росомаха настолько сильнее?

Лестана закусила губу, чувствуя, как быстрее бьется сердце. Вокруг стыло тяжелое молчание, толпа затаила дыхание, как единый человек. Она посмотрела на Брангарда и разглядела, как по щеке молодого Волка от виска ползет прозрачная капля пота... Напряженный, как струна, Брангард не отрывал взгляда от боя. И когда его лицо исказилось, Лестана не сразу поняла – почему, а потом толпа вокруг снова ахнула единым голосом:

– Хо-о-ольм...

Краешком глаза Лестана только успела увидеть, что один из клинков Росомахи взлетает вверх по какой-то странной неправильной дуге. И как в эту прореху стальной паутины, что ткали оба клинка одновременно, врывается меч Хольма, страшным коротким ударом опускаясь на открывшийся бок противника. Невозможно быстро, словно не Волк до этого все время пятился и прикрывался.

«Один удар... – через накатившую дурноту подумала Лестана, не в силах отвести взгляд от кровавого пятна на песке. И от того, как медленно разворачивается и падает поверх этого пятна соперник Хольма, не переставая истекать кровью из жуткой раны. – Он выдержал десятки ударов, если не

сотни. И сам ударил в ответ всего один раз... Так вот как это бывает. Один миг – и все!»

– Хольм! Хольм! Хо-о-о-о-льм! – орали вокруг, срываясь на вой, визг и рычание.

Лестану замутило. Она стояла так близко от круга, что горячий запах крови достиг ее и словно опустился на кожу, липкий и мерзкий.

Хольм оглядел вопящую толпу с тем же точно выражением лица, с которым пустил свою победную стрелу. Холодным, сосредоточенным, усталым, как после тяжелой неприятной работы... Словно не победил, а проиграл, только все вокруг до сих пор этого так и не поняли.

На Росомаху он даже не посмотрел. Только перешагнул один из мечей, лежащих на песке, чуть более длинным, чем другие, шагом. Так же спокойно покинул круг и пошел к Брангарду. Лестана видела и слышала, как с каждым его шагом толпа затихала, будто насторожившись, и когда до нее, Лестаны оставалось три-четыре шага, а до Брангарда – всего один, Хольм остановился. Посмотрел в бледное лицо брата так, что Лестану пронзила непонятная жалость к ним обоим, и тихо уронил:

– Прости. Нехорошо вышло. Поговорить нужно прямо сейчас.

– Живой... дурень! – выдохнул Брангард и перепрыгнул этот разделяющий их шаг, стиснув Хольма в объятиях.

Рядом прыгала и визжала от радости Кайса, дружинни-

ки-Волки обнимались, стуча друг друга по спине кулачищами. Даже Ивар оттаял лицом и смотрел на Хольма... странно смотрел. То ли с уважением, то ли удивленно. А Лестану словно погладила по спине огромная мягкая лапа, тяжелая, пушистая, когда Хольм поверх плеча Брангарда посмотрел прямо ей в лицо. Виновато и тревожно. Будто она, Лестана, была для него страшнее Росомахи!

«Он спас моего Брангарда, – с отчаянием подумала Лестана, уговаривая себя улыбнуться и ответить благодарностью. – Да, он страшный, но любит брата! Если бы... если бы не Хольм...»

На нее вдруг накатило осознание, что без этого жуткого полузверя в круг пришлось бы выйти Брангарду. Умному, красивому, но мягкому – против стального вихря в руках врага. И вот тут ей стало страшно по-настоящему. Глупо, запоздало, но невыносимо.

Она все-таки попыталась улыбнуться Хольму, но застывшие как на холоде губы не слушались, и Волк усмехнулся в ответ с неожиданно понимающей горечью. А потом отвел взгляд невозможно синих глаз, которые каждый раз удивляли Лестану, и ей стало легче дышать. Только очень тоскливо почему-то.

Глава 9. Между лисой и совой

– Пенек, мышами помеченный! Чучело облезлое! Ты чем думал, а?!

Хольм застыл у стены, молча глядя на мрачного и тоже ничего не говорящего отца. Впрочем, нужды в этом и не было, брат старался за всех. С того момента, как они переступили порог отцовской спальни, Бран и минуты не помолчал. Давно он так не орал...

– И что я должен был сделать, по-твоему? – хмуро спросил Хольм, дождавшись, когда младший смолкнет, чтобы перевести дух. – Дать ему тебя убить?

– Тупица! – завопил снова набравший воздуха в легкие Бран. – Рассказать ты должен был! Мне! Вчера! Сразу, как услышал! Неужели непонятно?

– Понятно, – ровно согласился Хольм. – Я бы тебе рассказал, а ты бы все решил, да? Ну и что именно? Взял бы Росомаху заранее? Так его слово против слова Медведей! Они просто от всего откажутся! А если признаются – начнется война!

– Нет, братец, ты все-таки пенек, – устало и на диво спокойно сказал Бран, останавливаясь и глядя на него золотисто-кариими отцовскими глазами. – И еще какой... Мы бы время выиграли, понимаешь? Вот этого всего точно бы сегодня не случилось! Да, мы бы взяли Росомаху по-тихому.

Или ночью, или прямо на ярмарке. Им пришлось бы искать нового наемника, а за день такие дела не делаются. Через три дня ярмарка бы кончилась, Медведи уехали домой не солоно хлебавши, а у нас было бы время подготовиться к... да к чему угодно! А теперь что? Ты хоть понимаешь, как на меня дружина смотрит, а? Твоя дружина, Хольм! Они и так на всех углах орут, что вождем ты должен быть, а не я! А теперь вообще...

– Дружина без моего слова ничего не сделает, – процедил Хольм, изнывая от бессильной вины и злости на самого себя.

Пока Бран просто кричал, а отец молчаливо осуждал, терпеть это было легче. Теперь же Хольм ясно понимал, в какую ловчую яму спихнул клан своей гордыней и желанием решить все самому. Вчера это казалось безупречно верно! А ведь если подумать, Бран во всем прав...

– Уверен? – усмехнулся Брангард, скрестив руки на груди и глядя на него с холодной злостью. – Вот прямо за каждого из них поручишься головой? И за родичей их? И за каждого дурня в клане?! А был бы я Медведем, я бы теперь на руках тебя носил за такой подарок! Им всего-то осталось тебя пришибить, а на меня все свалить! И твои дружинники меня голыми руками на куски разорвут за своего Клыка! Потому что все поверят! Ой, Хольм...

Он стиснул виски ладонями и покачал головой. Потом убрал руки и посмотрел с такой обидной жалостью, что у Хольма что-то гадко потянуло внутри. Ну да, не силен он в

хитрых тропах клановых дел. Не его это! Но ведь за это Бран его всегда и любил, неизменно повторяя, что доверяет, что Хольм – единственный, кто не предаст, не ударит в спину...

– Хватит, – уронил тяжело и мрачно отец, отходя от стены и садясь на кровать. – Что теперь толку кричать? Бран, Медведями сам займешься. Чтоб дорогие гости без охраны даже в уборную нос высунуть не могли. А как только ярмарка кончится – духу их в городе остаться не должно! Войны все равно не избежать, мы Рысям помощь обещали, но нужно потянуть, сколько получится. У нас теперь новое русло – главная забота. Чтобы корабли как можно скорее пошли напрямую...

Он поморщился и тоже потер виски ладонями, а глаза сурово блеснули из-под широких густых бровей. Хольм опять отчетливо почувствовал себя лишним. Нашкодившим щенком, который своей дуростью поломал важные взрослые планы. Ну да, сейчас река важнее всего! Тяжелые торговые суда Кабанов пока что идут мимо земель Черных Волков по землям Медведей, но если Кабаны смогут по новому руслу сократить путь до большой воды в полтора раза, как говорил Бран, им будет выгоднее заключить новый союз уже не с Медведями, а с Волками...

– Войны не избежать, – эхом откликнулся Брангард, словно читая его мысли. – Нам бы сейчас договор с Кабанами ох как пригодился! Но сначала нужно решить, что с Рысями делать.

Он отошел с середины комнаты, где стоял, словно прикрывая Хольма от отца, и упал в низкое мягкое кресло возле пустого очага. Летом огонь в открытом устье печи не горел, но Хольму ярко вспомнилось, как в детстве он любил сидеть там вместе с Браном у отцовских ног...

Рыси? Хольм стиснул зубы, уговаривая себя, что стоит помолчать. Он и так вчера наговорил отцу лишнего. Но как сдержаться, если речь идет о Лестане? Ну почему за эти дни он так и не поговорил с девушкой?! Откуда эта странная трусость? Никогда Хольм не робел с девицами, но под мягко сияющим взглядом серебристых глаз юной Рыси ему даже рот открывать не хотелось. Разве могут слова передать, что он чувствует к ней?!

– Сигрун говорит, что дочь Рассимора уже выбрала Брана, – так же мрачно сказал отец. – Видит Мать-Волчица, я надеялся на иное. Помолчи! – предостерегающе бросил он вскинувшегося Хольму. – Сам видишь после сегодняшнего – клан ты не удержишь! Это тебе не мечом махать, здесь думать надо! Наперед и обо всем сразу! С тебя, дурня, шкуру снимут – а ты и не заметишь. Только удивишься, что хвоста нет – махать нечем. Если Рысь останется у нас, так тому и быть. Но тянуть больше нельзя. До конца ярмарки она должна дать ответ, кого выбирает.

– И как ты меня с ней отправишь, если я не поеду? – глухо спросил Хольм, ненавидя в этот момент и себя, и отца, и даже Брана. – На цепи потащите?

– Да хоть в клетке повезут, если придется! – рявкнул отец, вскакивая с кровати. – Совсем ополоумел, щенок драный? Хочешь дожидаться, пока тебе голову брата принесут? Если ты немедленно из клана не уберешься, так и будет! Я не для того город строил, чтобы все прахом из-за одного дурня пошло! Тебе что важнее, власть или семья? Угровишь ведь клан, пар-р-ршивец...

Хольм промолчал. Злая горькая обида стиснула горло, комом встала в груди, пеленой застелила взгляд. Комната, освещенная парой подсвечников, и фигуры отца с братом поплыли перед глазами... Как же противно! Неужели отец действительно думает, что Хольм рвется к власти? И для этого готов переступить через Брана? Да он всего лишь хочет, чтобы на него не смотрели, как на выродка!

– Не надо так, отец, – тихо сказал из кресла Брангард. – Я Хольму верю. А ты слишком часто слушаешь мою мать. Сам знаешь, она в нем ничего достойного не видит. Хольм – хороший вожак и Клык отменный. Суди Мать-Волчица немного иначе, я бы сам сказал, что он должен быть главой клана, а я при нем советником. Только не получится...

В его голосе звучало такое искреннее сожаление, что Хольму стало немного легче. Совсем не отлегло, но перестали рвать изнутри острые когти обиды хотя бы на брата. Ведь и правда Брангард не виноват, что родился умным и хитрым, как лис. А еще красивым и сладким на язык, что так нравится девушкам. И лучше не думать, как смотрит на младше-

го Лестана, иначе... Хольм с ужасом вдруг понял: он может смириться и отдать брату место наследника. Но не Лестану!

Ком в горле уже рвался наружу рычанием, и Бран бросил в сторону Хольма острый предупреждающий взгляд, словно хотел что-то сказать, но при отце не мог. «Если бы Сигрун все эти годы не настраивала отца против меня, – с глухой ненавистью подумал о мачехе Хольм. – Если бы не ссорила нас с Браном, не пела в уши всем, кто готов был ее слушать. И Лестану наверняка она напугала тем, что я чудовище и не могу управлять своим зверем. Давно ведь разговоры такие идут! Если бы не Сигрун, все могло быть иначе! Отцу не пришлось бы выбирать между мной и Брангардом! И Лестана досталась бы мне как старшему и наследнику! И клан – тоже... А я бы всю жизнь любил Брангарда, как положено брату, и слушал его советы. Сам же знаю, что послушать их стоит. Но теперь все неправильно... Будто в мутной реке плывешь под водой!»

– Что и говорить тогда об этом? – раздраженно отозвался отец. – Не получится у вас править кланом вдвоем... – Он осекся, и Хольм будто услышал отцом не сказанное: «Сигрун не даст». – Так что пусть дочь Рассимора решает сама. Пойдете сегодня вечером на праздник, будете пить, танцевать, веселиться. Покажете всем, что семья вождя крепка и нерушима, ясно?! Что вы, братья, друг за друга горой! И не вздумайте подраться за девчонку!

Он наклонился и принялся расшнуровывать короткие по-

лусапожки, явно намекая, что разговор закончен.

– Как скажешь, – ровно сказал Брангард и встал из кресла, снова бросив на Хольма многозначительный взгляд. – Тогда мы свободны? До вечера?

Отец кивнул, и Брангард, крепко взяв Хольма за плечо, почти силой увел его, молчащего, из комнаты. Выволок в коридор, плотно закрыл за ними обоими дверь, протащил Хольма несколько шагов и стиснул его плечи уже двумя руками, выдохнув:

– Ну и натворил ты дел, братец! Сам себе нагадил так, что ни одному Медведю не под силу!

– Отстань, – бросил Хольм, старательно отводя взгляд. – Без тебя тошно.

– Сейчас еще тошнее будет, – пообещал Брангард. – Если Лестана выберет не тебя... А ты сам понимаешь, кого она уже выбрала... Хольм, тупая башка, не рычи! Еще раз на меня оскалишься – по зубам получишь! Держи зверя, коврик ты блохастый!

– Прости, – выдавил Хольм, действительно устыдившись. Что это с ним? Почему последние дни волк рвется наружу так, что в глазах темнеет от старания удержать свою звериную часть на привязи воли? Раньше управлять зверем было куда проще, что бы ни говорила Сигрун!

– Так вот, – тихо и быстро продолжил Брангард, сжимая его плечи крепкими пальцами почти до боли. – Если дочь Рассимора останется здесь, отец тебя все равно отошлет.

Только не к Рысям, а к Лисам или Серым Волкам. Понимаешь?

— Ну и какая мне разница? — старательно растянул губы в усмешке Хольм. — Да хоть к тем же Кабанам! Все равно!

— А, ну тогда конечно! — язвительно сказал Брангард. — И чего я тогда беспокоюсь? Раз ты уже решил, что Лестана тебе не нужна. Тогда я сам на ней женюсь, причем с удовольствием. Девушка красивая, дети славные будут... Хольм...

Голос брата слабо пробивался сквозь алое марево. Хольм вдохнул теплый воздух, пахнувший ламповым маслом и, почему-то, страхом. Ну, лампа горит на стене в конце коридора, а страх... Он опомнился, вдруг поняв, что притиснул Брангарда к стене. Что брат стоит на цыпочках и пытается отвести руки Хольма, что сжимают его горло.

— Бран... я...

Хольм торопливо отпустил его, ожидая, что вот-вот карие глаза брата вспыхнут злостью, но Бран потер горло и выдохнул:

— Тупица ты! Ладно, матушка про это молчит, ей выгодно, чтобы тебя диким считали. Но неужели ты сам до сих пор не понял?

— Чего не понял? — тихо спросил Хольм, на всякий случай отступая на шаг и ужасаясь тому, что едва не натворил. — Бран, прости! Я не хотел... Я будто с ума сошел... Не понимаю...

— И клыки сами по себе отрастают! — подхватил Брангард,

глядя на него с какой-то странной жалостью. – Стоит хоть слово сказать про твою Лестану, у тебя зверь изнутри лезет. Хольм, да что же ты болван такой? Ты же с первого взгляда на нее с ума сошел! Если, конечно, он у тебя был, ум этот... Ты ее запах чуешь? Издалека?

– Да, – растерянно подтвердил Хольм. – Но я всегда запахи хорошо...

– И чем она пахнет?

– Земляникой! – выпалил Хольм и зажмурился. – Родниковой водой! Солнечным светом, летним лесом...

– Счастьем? – подсказал Брангард очень тихо и добавил, пока Хольм осознавал сказанное и услышанное: – Братец, она твоя истинная пара. Самой Луной тебе, дурню мохнотому, предназначенная.

Хольм еще раз шагнул назад, словно от удара, недоуменно и испуганно воззрился на Брангарда. Истинная пара? Половинка души, разделенной на двоих? Живая сказка, что встречается все реже и реже? Но...

– Быть не может, – прошептал он непослушными почему-то губами. – Бран, она бы меня тоже узнала! А она... Она меня боится! Она в тебя влюбилась!

Младший смотрел на него все с той же непонятной жалостью, словно на смертельно больного или раненого. А у Хольма всплывало в памяти все, что он чувствовал при взгляде на Лестану. Сумасшедшая нежность, благоговение, желание быть рядом, прикасаться, заглядывать в глаза и ды-

шать ее запахом, гладить серебристые волосы девушки и ее тонкие пальчики, любоваться, защищать, носить на руках, пробовать на вкус ее гладкую светлую кожу языком...

И запах! Как он не понимал этого раньше? Все оборотни пахнут своим зверем. Волком, барсуком, лисой... По аромату тела можно узнать возраст и здоровье, силу и настроение. И только избранная Луной пара пахнет своей второй половине чем-то особенным! Не зверем или человеком, не живой плотью, шерстью, кожей, а счастьем, как и сказал Брангард. Сводящий с ума запах, единственный на земле!

– Почему она меня не узнала? – снова спросил он растерянно, пытаясь понять и вместить это невероятное знание, которое меняет все.

– Потому что Лестана еще не призвала своего зверя, – терпеливо объяснил Брангард. – Ты чем вообще слушал, когда шла речь о договоре? Ей двадцать лет без одного месяца, а она еще ни разу не перекинулась. Ну как она почует свою истинную пару, если она человек? Хольм, ты меня слышишь? Она может остаться всего лишь человеком, понимаешь? Тогда она потеряет место наследницы клана. И дети у нее, скорее всего, родятся обычными людьми. И она никогда не почувствует к тебе того же, что ты к ней...

– Я люблю ее, – тихо сказал Хольм, не понимая, какое значение имеет вот это вот все, о чем говорит Брангард, явно считая свои слова очень важными. – Мне все равно, кто она. Человек или оборотень, правительница клана или... Я

ее никому не отдам. Даже тебе.

– Ты ее совсем не знаешь, – вздохнул Брангард. – Не рычи, я же не говорю о ней плохо. Просто ты не понимаешь, какая она... Хольм, ты твердо все решил? Ну, истинная пара, бывает. На словах это все красиво, а вот как в жизни окажется? Но никто вас двоих на одну цепь не сажает. Она может выйти за другого, ты – найти себе невесту по вкусу. Оба будете счастливы, главное – не встречаться. Но это как раз легко... Да не сверкай ты глазами. Не буду я у собственного брата истинную пару отбивать. Но она-то этого не понимает! И не поймет, пока зверь не проснется, а тогда может уже поздно быть. Твой волк потому и рвется наружу, чтобы добраться до ее рыси. И рысь идет к нему навстречу. Но времени мало! Чует мое сердце, Лестана сама своего зверя боится, вот и не выпускает ее. А отец нам дал три дня, пока не кончится ярмарка. И я очень боюсь, что матушка даст еще меньше.

Хольм постарался думать спокойно и хладнокровно. Если Лестана его истинная пара, они должны обручиться, а потом у нее будет время успокоиться, призвать рысь и понять, что Хольм предназначен ей самой судьбой. Если никто не вмешается. И... это получается, что Хольму придется уехать к Рысям?!

– Сам решай, братец, – тихо сказал Брангард, опять читая его мысли, зараза премудрая. – Если ты выбираешь Лестану, я сделаю так, что она согласится выйти за тебя. Но тогда тебе одна дорога – в Арзин, к Рысям. Или делай, что хочешь, ищи

себе другую судьбу, но подальше от клана, пока у нас тут кровавая свара не началась.

– Я согласен, – кивнул Хольм, чувствуя, как по спине словно ледяной ветер подул. – Пусть будут Рыси, лишь бы с ней! Но как? Она же видеть меня не хочет!

– А вот это уже моя забота, – усмехнулся Брангард, ярко блеснув глазами в полумраке коридора. – Только делай все, что я скажу. Иди переоденься, да смотри – понаряднее. Кровью от тебя пахнет... – Он слегка поморщился, но тут же вздохнул: – Не обижайся. Я тебе и правда очень благодарен, старший. Понимаю, что ты меня спас. Ну уж как вышло. Хоть ты и пенек мохнатый, а я тебя тоже люблю. Но на вечер тебе придется потерпеть. Я буду ухаживать за Лестаной, а ты ей на глаза особо не лезь. Не вздумай ревновать, слышишь? Если сорвешься, потеряешь ее точно! Много не пей, держись рядом, поглядывай по сторонам за нас обоих и жди. В полночь я к тебе подойду и скажу, что делать дальше. Ты мне веришь, Хольм?

Он пытливо заглянул в глаза, и Хольм кивнул, решившись. А кому еще верить, если не Брангарду? Младший хитер как лис, но Хольму никогда не врал напрямую. Да и разлучить избранную пару, встав между ними, дело опасное. Не знаешь, чем обернется! Нет, если Брангард говорит, что поможет, ему следует верить. И терпеть... Как бы тошно ни было!

– Я тебе верю, – проговорил Хольм с трудом. – Мы же

братья.

— Мы братья, — подтвердил Брангард, и его взгляд снова блеснул в свете горящей лампы опасно хищным золотом.

* * *

К вечеру Лестана совсем успокоилась. Ярмарка гудела, словно растревоженный улей, все обсуждали поединок, но Брангард почти сразу ушел, не забыв, правда, извиниться, что оставляет гостей. Но дела клана! Госпожа Лестана ведь понимает?

Еще бы она не понимала! Было очень похоже, что через Росомаху на Брангарда покушался кто-то другой, сильный и коварный, а это значит, что молодой Волк в опасности. Улыбнувшись, она подала на прощание руку, которую Брангард учтиво поднес к губам, коснулся ими самых кончиков пальцев и пообещал, что обязательно будет сопровождать ее вечером на празднике. Ведь прекрасная госпожа Лестана и ее спутница окажут честь хозяевам? И исчез в толпе.

Лестана чуть закусила губу, растерянно глядя ему вслед, потом повернулась к Ивару, напряженному и хмурому. Но спрашивать ни о чем не стала, потому что вернулись два сияющих, как начищенная медь, Волка-дружинника. Глаза горят, лица покраснелись, только что зубы не щелкают! И с языка не сходит Хольм! Какой он отважный, как владеет оружием, какой умелый да удачливый, а уж дружинникам — прямо старший брат и отец родной! А еще в том году Медведям дал укорот, но они, видно, уже забыли, если снова обнагле-

ли...

– Так это господин Хольм в том году командовал в стычке у Серого Ручья? – спросил Ивар, и Волки разом закивали.

– Он самый! Эх, нас тогда еще в дружине не было! – с сожалением отозвался Лейв. – Но, говорят, еще большая драка готовится. Вы ведь за этим приехали?

И он с восторженным ожиданием посмотрел на Ивара.

– Мы приехали в гости, – улыбнулся одними губами двоюродный братец, но глаза у него так и остались пасмурными. – Ради дружбы и знакомства. Об остальном будут говорить вожди.

Волки понятливо кивнули и выпрашивать больше ничего не стали. Помогли донести покупки, поклонились Лестане, а Кайсу облизали взглядами так, что подруга фыркнула и обещала каждому по танцу. Вечером! А потом решительно отправила прочь и Волков, и даже Ивара, заявив, что разговоры подождут, а им, девушкам, нужно заняться действительно важными делами. Волосы переплести, платье подготовить... Пообедать без лишних глаз!

– Ивара-то зачем выгнала? – вздохнула Лестана, когда они с Кайсой остались одни. – Мне с ним поговорить надо.

– Надо, – кивнула подруга и рассудительно добавила: – Но сначала пусть он успокоится хорошенько. А то ведь думает только о том, как бы Хольму хвост надрать. Ох и не любит наш Ивар проигрывать!

– А кто любит? – пожала плечами Лестана.

Утреннее странное возбуждение прошло, ей стало тоскливо и почему-то холодно. Захотелось устроиться перед открытым огнем, завернуться в меховое одеяло... И поесть! В желудке сосал голод, будто она дня три крошки в рот не брала! Мясо с хлебом на ярмарке? Не было этого, а если и было, то как-то давно и мало.

Кайса перехватила ее жадный взгляд на корзину, стоящую возле стола, понимающе улыбнулась и пообещала:

– Сейчас! А то видела бы ты себя в зеркале! Всех женихов распугаешь, они подумают, что ты их съесть хочешь, а не... О, колбаска!

Она торжествующе вытащила из корзины тугое кольцо копченой колбасы, умопомрачительно пахнущей приправами, разломила. Лестана схватила протянутый кусок, успела подумать, что нельзя же так! Надо порезать, красиво уложить на тарелку, добавить хлеба... И опомнилась, когда уже впилась в сочное мягкое мясо зубами, а по пальцам потек золотистый жир.

– Это Рысь, – успокоила ее Кайса, доставая все-таки плоскую лепешку. – Ничего, потом полегче будет. Как первый раз обернешься!

Она подвинула столик прямо к кровати, села рядом и ласково погладила смущенную Лестану по плечу. А потом, разом сменив тон с шутливой на серьезный, сказала:

– Леста, милая, с Иваром ты, конечно, поговори, но уже потом, когда сама для себя все решишь. А то ведь он за тебя

это сделает с радостью! Опомниться не успеешь, окажешься замужем за Брангардом! А наш умный котик с мягкими лапками – на месте наследника вместо тебя.

– Он не такой! – воспротивилась Лестана, торопливо проглотив то, что откусила. – Ивар верен нашей семье. Он поехал с посольством, чтобы помогать мне!

Кайса посмотрела на нее с обидной жалостью, как на котенка-несмышлениша, и Лестану кольнуло в сердце ядовитое сомнение. Она доверяла Ивару! Конечно, доверяла! Он ее родич, почти брат... Но почему Ивар в гостях у Волков постоянно выставляет ее глупышкой, думающей только о нарядах? Почему не скажет откровенно, что думает о предложении Сигрун, а юлит и не дает никаких советов? Зачем он вообще затеял сегодня этот поединок лучников? Просто хотел повеселиться и защитить честь Рысей? А если бы Хольм проиграл и обиделся? Рысям сейчас никак нельзя ссориться с сыном вождя, у которого они ищут помощи.

Лестана чуть было не обняла себя руками за плечи, но вовремя вспомнила, что пальцы жирные. Да и колбасы еще хотелось так, что в глазах темнело. Она взяла с блюда еще один кусочек и заставила себя жевать медленнее. Что ж, и правда хватит быть глупышкой, заглядевшейся на красивого Волка. Наследница должна думать о пользе для клана, а не о собственных чувствах. Что будет, если вернуться домой с Хольмом?

«Ничего особенно хорошего, – мрачно признала Леста-

на. – Отцу и матушке он вряд ли понравится. Но нам нужен договор с Волками! Я останусь наследницей, потом когда-нибудь стану правительницей, а Хольм будет моим consortом. Править Рысями ему никто не позволит, но... в дружине его примут. Может быть, он станет следующим Когтем... тоже когда-нибудь! Но если я выйду за Брангарда и останусь у Волков, единственный наследник отца – Ивар. Братец никогда не говорил, что хочет править кланом... Угу, было бы странно, если бы он сказал это мне! Так что же, Кайса права?! А я все-таки дурочка, не видящая того, что творится под самым моим носом? Как же не хочется в это верить... И отец ему доверяет, иначе не послал бы сопровождать меня!»

Она протянула руку и поразилась, когда пальцы наткнулись на пустую тарелку. Что, колбаса кончилась?!

– Я порежу, – невозмутимо пообещала Кайса. – Ты ешь давай, а то еще в обморок на танцах упадешь! Волки скажут, что мы им полудохлую невесту привезли.

Она скоро покромсала и подложила на блюдо несколько ломтей копченого мяса, лепешку с сыром и другую, с жареной печенкой... Сама цапнула что-то, и тут в дверь постучали. Кайса удивленно вскинула брови и пошла открывать, а Лестана сглотнула слюну, алчно глядя на еду.

– Подарок от господина Брангарда для прекрасных Рысей! – звонко проговорил парнишка-Волчонок и внес в комнату охапку шкурок, гордо улыбаясь поверх них.

Сложил на постель, поклонился и исчез, не забыв прикрыть за собой дверь. Кайса подошла к кровати и поворошила грудку переливчатого меха.

– Соболя, – сказала она задумчиво. – Темные, те самые. А еще, смотри-ка, золотистая куница! И как много... На две шубы, что ли?

– Конечно, на две, – счастливо улыбнулась Лестана, торопливо вытирая руки и подбегая к кровати. – Кайса, он такой учтивый и внимательный! О тебе тоже подумал!

Она запустила пальцы в мягкие теплые шкурки, не разбирая, где какие, подняла и прижалась к ним щекой. Как приятно... И во много раз приятнее, что это подарок Брангарда! Милого умного Брангарда, одарившего не только ее, но и Кайсу!

– Ты какую хочешь? – предложила она, закрыв глаза от удовольствия. – Выбирай первая!

– А что тут выбирать? – удивилась Кайса. – Ты еще на ярмарке на этих соболей глаз положила. Да и темный мех тебе больше пойдет. Или ты куницу хочешь? – И добавила странно неодобрительным тоном: – Надо же, первый раз вижу, чтобы парень так умело ухаживал. До родителей твоих не добраться, Ивар и так за него, теперь мне угодить решил? Ну, хитрец...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.